

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Хамуркопаран Джахит

**Взаимодействие тюркских и славянских языков в топонимии
Северного Причерноморья**

Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **И.Г. Добродомов**

Москва – 2017

Содержание

Введение	3
I. Лингвистические проблемы формирования топонимии Северного Причерноморья в связи с генезисом и историей движения народов	11
1. История изучения проблемы взаимодействия языков	11
2. Тюркско-русская топонимическая зона	21
3. Крымскотатарско-русская топонимическая зона	37
4. Тюркско-украинская топонимическая зона	55
5. Урумско-руско-украинская топонимическая зона	85
Выводы к главе I	98
II. Особенности взаимодействия тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья	100
1. Основные принципы номинации в топонимии Северного Причерноморья	100
2. Классификация топонимов по объектам топонимической номинации	143
3. Параллельные наименования на территории Северного Причерноморья	153
Выводы к главе II	172
III. Типы и уровни межъязыкового взаимодействия в топонимии Северного Причерноморья	174
1. Типы межъязыкового взаимодействия	176
2. Взаимодействие на фонетическом уровне	177
3. Взаимодействие на словообразовательном уровне.....	191
4. Взаимодействие на морфолого-синтаксическом уровне	214
Выводы к главе III	217
Заключение	218
Библиография	228
Список сокращений	250

Введение

Топонимические системы большинства функционирующих языков мира неоднородны по своему составу. Они включают в себя исконные и заимствованные элементы. Заимствования из тюркских источников образуют значительный пласт топонимической лексики русского языка, а тюркская топонимика, в свою очередь, испытывает на себе влияние славянских языков. Такое взаимодействие объективно и обусловлено целым рядом факторов политического, этнографического, культурологического характера.

Зачастую усиление контактов между представителями разных народов приводит к пополнению топонимического фонда одного языка и вытеснению значительной части топонимов из другого языка. В связи с этим актуальным является изучение состава топонимической лексики, выяснение статуса и особенностей функционирования в нём исконных и заимствованных элементов.

В данном исследовании представлен опыт историко-лингвистического анализа топонимии Северного Причерноморья от Нижнего Дуная до Северного Кавказа с точки зрения взаимодействия славянских и тюркских языков.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, важностью системного описания процессов взаимодействия славянских и тюркских языков в сфере топонимии, а с другой – недостаточной изученностью данных процессов в историко-лингвистическом, лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспектах.

Изучение причин и путей проникновения топонимов-тюркизмов в славянские языки, процессы их адаптации являются важными проблемами сопоставительного языкознания. Решение данных проблем имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Будучи посвящённым топонимии достаточно крупного региона, каким является Северное Причерноморье, данное исследование позволяет составить единое представление о роли и месте в ней «тюркско-славянского топонимического» союза.

Степень изученности проблемы.

Топонимия каждой конкретной территории имеет свою специфику, обусловленную взаимодействием распространенных на ней языков. В связи с этим изучению топонимических систем «зон контактов» уделялось и уделяется большое внимание в среде учёных-языковедов. Ряд исследователей, занимаясь анализом топонимии отдельных регионов, убедительно доказывает, что, формируясь на территориях, которые являлись областью контактов родственных и неродственных этносов, пребывая в течение столетий в сложных исторических условиях, региональная топонимическая система подвергалась разного рода модификациям. Учёт этих модификационных составляющих важен для изучения процессов функционирования языка в целом.

Значительный вклад в развитие топонимической науки внесли такие видные учёные, как Р.А. Агеева, И.А. Воробьева, И.С. Галкин, И.Г. Добродомов, А.П. Дульзон, В.А. Жучкевич, Ю.А. Карпенко, Н.В. Лабунец, А.К. Матвеев, О.Т. Молчанова, Э.М. Мурзаев, В.П. Нерознак, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, А.И. Попов, Е.М. Поспелов, Б.А. Серебренников, Г.П. Смолицкая, А.В. Суперанская, Н.К. Фролов и др.

Вопросы тюркской ономастики рассматриваются в трудах таких учёных, как Л.Ш. Арсланов, Н.А. Баскаков, Г.Ф. Благова, М.А. Булгарова, В.А. Бушаков, Г.Р. Галиуллина, Т.М. Гарипов, Ф.Г. Гарипова, Н.К. Дмитриев, А.А. Камалов, Г.Е. Корнилов, Г.Ф. Саттаров, Э.Р. Тенишев, Д.Г. Тумашева, М.Г. Усманова, Ф.Г. Хисамитдинова, А.М. Щербак, Ф.Ю. Юсупов и др.

Проблемами топонимии в Турции занимаются Д. Аксан, Й. Демирджан, Т. Гюльсеной, Х. Пиланджы, Б. Умар, М. Шенел, И. Шимшек, Х. Эрен, М.С. Эрполат.

Цель работы – определить особенности взаимодействия тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья.

Для решения поставленной цели предполагается решить ряд конкретных **задач**, а именно:

- 1) изучить своеобразие топонимии Северного Причерноморья как языкового источника информации об истории и культуре населения данного региона, специфике функционирующих и исчезнувших языков;
- 2) выявить социально-экономические, историко-культурные предпосылки формирования топонимов Северного Причерноморья для определения принципов номинации географических объектов данного региона;
- 3) выявить состав топонимических названий Северного Причерноморья, включающих тюркские и славянские компоненты;
- 4) определить основные способы образования топонимов, типы их моделей;
- 5) определить причины появления и особенности функционирования параллельных наименований на территории Северного Причерноморья;
- 6) рассмотреть фонетико-графическое своеобразие севернопричерноморских топонимов.

Объект исследования – топонимы тюркского происхождения, функционирующие в славянских языках, и топонимы славянского происхождения, выделяющиеся в тюркских.

Предметом исследования являются структурно-семантические особенности топонимов Северного Причерноморья, ставших результатом взаимодействия тюркских и славянских языков. Выбор предмета исследования обусловлен историко-культурной и лингвистической ситуацией в Северном Причерноморье. Обращение к данной теме объясняется также возросшим в последнее десятилетие научным интересом к проблемам контактирования языков и культурного освоения «зон контактов» со стороны турецких ученых.

Источники исследования. Основной корпус исследования представляют топонимы, выбранные автором в период с 2008 по 2015 год из различных картографических и лексикографических источников, созданных на русском, украинском и турецком языках (см. библиографию). В работе максимально полно используются фактические данные, полученные из: а) архивных документов разного времени (картографических и камеральных описаний, реестровых книг,

списков населённых пунктов); б) фольклорных источников; в) научных исследований по ономастике, этимологии, географии, археологии и истории. Являясь базой исследования, указанные материалы взаимодополняют друг друга, помогают выведению и обоснованию грамотных этимологических версий.

Всего проанализировано более 1600 топонимов, из которых более 20 этимологизированы впервые.

Методологическую основу исследования составляют научно-теоретические положения, разработанные учёными-ономастами, такими как Н.А. Баскаков, И.Г. Добродомов, А.К. Матвеев, Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Е.М. Пospelов. Обширный теоретический материал содержится в трудах лингвистов, занимающихся изучением региональной топонимии: В.И. Абаева, Х.Ч. Алишиной, Л.Ш. Арсланова, Ф.Г. Гариповой, А.Н. Гаркавца, Х.Ф. Исхаковой, О.Т. Молчановой, Е.С. Отина, М.А. Сагидуллина, Г.Ф. Саттарова, Н.К. Фролова, А.М. Эмировой.

Для установления языковых параллелей и значений слов использовались этимологические словари В.В. Радлова, М. Фасмера, Э.В. Севортяна, В.М. Надеяева, Д.М. Насилова и др., топонимические словари Е.С. Отина, М.Т. Янко, М.Т. Аджароглу, словарь В.И. Даля и др.

Методы исследования. Решение поставленных научных задач требует комплексного анализа топонимического материала, который предполагает применение различных методов исследования: сравнительно-исторического, сопоставительного, метода компонентного анализа, описательного, этимологического, статистического, картографического.

Анализ причин и путей проникновения тюркизмов в топонимику славянских языков, а славянских топонимов в тюркские, выявление специфики лексико-семантической, фонетической, морфологической адаптации заимствований являются актуальными проблемами сопоставительного языкознания, решение которых имеет как теоретическое, так и практическое значение. Кроме того, рассматриваемые проблемы имеют прямое отношение к

вопросам, касающимся регулирования взаимоотношений неродственных этносов в условиях совместного пребывания.

Научная новизна исследования заключается в том, что работа представляет собой комплексное историко-лингвистическое исследование топонимов Северного Причерноморья, сформировавшихся под влиянием разноструктурных языков (русского и турецкого, украинского и турецкого, русского и крымскотатарского, русского и урумского, украинского и урумского).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что были введены и оформлены терминологически понятия «топонимическая зона», «номинационная активность», «вектор номинации», значимые для лингвистического описания топонимического пространства; также были выделены принципы анализа номинаций, ставших результатом межъязыкового взаимодействия. Выводы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении топонимии Причерноморья, углубляя представления об истории языковых процессов и топонимической системе в целом.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут служить материалом при составлении программ спецкурсов и спецсеминаров по ономастике, могут быть также использованы для разработки курсов лекций по общему и сравнительному языкознанию. Кроме того, исследование этимологии «спорных» топонимов – топонимов с «замутненным» составом – является дополнительным источником при создании современных топонимических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Топонимическая система Северного Причерноморья представляет собой организацию, обладающую собственным алгоритмом развития. Динамично развиваясь, она сохраняет определённые модели на протяжении веков.

2. Анализ взаимовлияния тюркских и славянских языков в топонимии данного региона становится возможным при выделении четырех топонимических зон – фрагментов топонимического пространства, характеризующихся особым механизмом исторического, этнокультурного и языкового взаимодействия: 1)

тюркско-русской топонимической зоны (турско-русское, татарско-русское взаимодействие), 2) крымскотатарско-русской топонимической зоны, 3) тюркско-украинской топонимической зоны (татарско-украинское, турско-украинское взаимодействие), 4) урумско-русско-украинской топонимической зоны.

3. Принципы, лежащие в основе номинации географических объектов Северного Причерноморья (номинация объекта по его свойствам и качествам, номинация объекта по связи с человеком, номинация объекта по связи с окружающими объектами), не реализуются последовательно в каждой из выделенных топонимических зон. Конкретный принцип выступает ведущим для топонимической зоны, определяя ее вид и характеристики.

4. Преобладание того или иного принципа в номинации географических объектов конкретной топонимической зоны связано со спецификой формирования качественных и количественных значений (процессы метафоризации, исторический переход качественных значений в количественные) в тюркских языках, с одной стороны, и более поздним влиянием фактора антропоцентричности, с другой. Данный факт отличает логику образования тюркской топонимии от логики образования топонимии славянских языков.

5. Указанные принципы номинации имеют разную активность и разную направленность при обозначении типов географических объектов (гидронимов, оронимов, ойконимов) в четырех обозначенных топонимических зонах Северного Причерноморья. Выявление номинационной активности является важным для создания общей картины взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере топонимии рассматриваемого региона.

6. Особым типом топонимических реалий Северного Причерноморья являются параллельные наименования – пары номинаций, созданных по принципу естественное / искусственное наименование. Анализ параллельных наименований важен, поскольку способствует развитию представлений о системности топонимии и формированию целостной топонимической картины региона.

7. Комплексный анализ заимствованных тюркских номинаций на всех уровнях языка (лексическом, фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом) дает возможность более глубокого понимания процессов взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере топонимии.

Апробация работы. Результаты данного исследования обсуждались на заседании кафедры общего языкознания и кафедры русского языка как иностранного Московского педагогического государственного университета. Автор принимал участие в работе международных конгрессов, международных и всероссийских научно-практических конференций, конференций молодых учёных, среди которых: II Конгресс РОПРЯЛ «Русский язык и культура в пространстве Русского мира» (Санкт-Петербург, 26–28 октября 2010 г.), V Конгресс РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (Республика Татарстан, 4–8 октября 2016 г.), X Международная конференция «Иноязычное образование в современном мире» (февраль 2014), XI Международная научно-практическая конференция, посвящённая 50-летию кафедры РКИ МПГУ «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее. К 50-летию кафедры РКИ МПГУ» (Москва, 2015), «Стратегии развития методики преподавания русского языка в условиях реализации современных образовательных стандартов» (Москва, 2015); «Актуальные вопросы преподавания методики русского языка» (Москва, 2016), а также международные студенческие конференции: «Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в высшей школе» (Москва, 2010), «Русский язык – язык общения и профессии» (Москва, 2011), «Русский язык – путь к карьере» (Москва, 2012), «Русский язык в мультикультурном мире» (Москва, 2013), «Русский язык в этнокультурном освещении» (Москва, 2014), «Русский язык как иностранный в современном лингвокультурном пространстве» (Москва, 2015).

Структура диссертации.

Работа общим объёмом 254 страницы, состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

Во **введении** обосновывается выбор темы, её актуальность, определяется объект и предмет исследования, его цель и задачи; аргументируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются методы и принципы исследования, представлены сведения об апробации и структуре диссертации.

В первой главе «Лингвистические проблемы формирования топонимии Северного Причерноморья в связи с генезисом и историей движения народов» рассматривается исторический аспект движения народов по территории Северного Причерноморья; выделяются четыре зоны тюркско-славянского взаимодействия, условно обозначенные как тюркско-русская топонимическая зона (турецко-русское, татарско-русское взаимодействие), крымскотатарско-русская топонимическая зона, тюркско-украинская топонимическая зона (татарско-украинское и турецко-украинское взаимодействие) и урумско-русская топонимическая зона); обосновывается отбор топонимического материала для исследования.

Во второй главе «Особенности взаимодействия тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья» рассматриваются основные проблемы взаимодействия тюркских и славянских языков; определяются основные принципы номинации в топонимии Северного Причерноморья; приводится классификация топонимов по объектам топонимической номинации, а также выделяются и систематизируются параллельные наименования, зафиксированные в топонимии Северного Причерноморья.

В третьей главе «Типы и уровни межъязыкового взаимодействия в топонимии Северного Причерноморья» рассматривается специфика межъязыкового взаимодействия в сфере топонимии: взаимодействие на фонетическом, словообразовательном, морфолого-синтаксическом уровнях.

В заключении содержатся результаты проведённого исследования.

Основные результаты проведённого исследования отражены в 17 публикациях автора, из них 5 – в журналах, рецензируемых ВАК.

Изучение топонимики любого языка, в том числе русского и турецкого, имеет не только лингвистическую, но и историко-этнографическую значимость, так как именно в языке отражаются многие процессы, происходящие в обществе.

Анализ русских топонимов с тюркскими компонентами представляет значительный интерес как для развития тюркологии, так и для изучения функционирования русского языка в районах совместного проживания русского и тюркского народов. Топонимический пласт русского языка в той или иной степени отражает фонетические и семантические особенности многих заимствованных тюркских лексем, что позволяет более глубоко взглянуть на проблему сосуществования на одной территории неродственных языков и народов.

I. Лингвистические проблемы формирования топонимии Северного Причерноморья в связи с генезисом и историей движения народов.

1. История изучения проблемы взаимодействия языков.

Историко-географическое понятие «Северное Причерноморье» как название северных земель бассейна Черного моря охватывает значительную территорию от Нижнего Дуная до Северного Кавказа и включает в себя Северо-Западное Причерноморье, Крымский полуостров, берега Азовского моря и часть Кавказского побережья.

Географическое положение региона обусловило его исключительную привлекательность для народов различного происхождения. На протяжении ранней, античной и средневековой истории через него прошли многочисленные этносы: тавры, скифы, сарматы, аланы, болгары, греки, готы, хазары, печенеги, половцы, итальянцы, армяне, адыги (черкесы), малоазийские турки. В результате на территории сформировался языковой союз, дающий зачастую уникальные образцы топонимической культуры.

Особую топонимическую значимость для нас имеют те регионы России, Украины, Молдавии и Крыма, которые демонстрируют образцы взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере номинации географических названий. В

различные исторические периоды указанные области становились ареной многочисленных миграций различных народов и взаимопроникновения культур. Это связано с тремя важными историческими факторами. Первый – это монголо-татарская экспансия и двухсотлетнее пребывание значительных территорий Северного Причерноморья в составе Орды, второй – турецкое завоевание причерноморских народов и включение их в состав Османской империи, а третий – русско-турецкая война 1768–1774 гг., вызвавшая мощную и самую большую в новой истории волну греческой эмиграции в Россию.

Важное место в структуре региона занимает Крым, территория которого с древнейших времён была ареной многократной смены культур. Начиная с XII века Крым тюркизируется, а в XVIII веке в результате русско-турецких войн присоединяется к Российской империи и начинается процесс его русификации. Однако топонимика Крыма остаётся большей частью тюркской вплоть до 1944 года, когда происходит переименование целого ряда объектов и присвоение им параллельных – русско- и украиноязычных – названий.

Очевидно, что при оценке миграционных процессов, происходящих на территории Северного Причерноморья, особая роль отводится лингвистическим методам исследования, предполагающим анализ архаичных лексем, реконструкцию словообразовательных моделей и извлечение информации из данных топонимии.

Топонимия является надёжным источником этнолингвистических исследований, средством изучения миграционных процессов, исследования особенностей мёртвых языков, функционировавших когда-то в конкретном регионе. В состав топонимов любой территории входят элементы различных языков и эпох, поэтому вопрос о механизмах и формах взаимодействия языков представляет одну из важных проблем языкознания. Е.Ф. Ковлакас отмечает: «Топоним – одно из древних явлений, при усвоении его заимствующим языком он не ассимилируется, а приспособливается к новой языковой системе и функционирует в новой языковой среде» [Ковлакас, 2009, 234–235]. В данном случае автор разводит понятия «ассимиляция» и «адаптация», подразумевая под

ассимиляцией утрату словом языковой самобытности, чего не происходит при освоении топонимов.

Исследование проблемы взаимодействия языков в лингвистике осуществляется в двух направлениях. Первое из них связано с так называемой «теорией субстрата». А второе – с изучением экспансивного воздействия «чужеродных» языков на первичный язык.

Представителями первого направления в российской науке являются Р.А. Агеева, В.Ф. Балабанов, С.А. Гурулев, П.Б. Балданжапов, Е.Ф. Ковлакас, А.К. Матвеев, М.Н. Мельхеев, Э.М. Мурзаев, Н.В. Подольская, Л.В. Шулунова, Р.Г. Жамсаранова, в турецкой науке направление представлено именами Д. Аксана, Т. Гюльсеной, Б. Умара.

В их работах на материале различных языков и языковых систем исследуется субстрат, то есть «...тот топонимический (языковой, этнический) слой, который не объясняется из современных языков, а принадлежит языкам предшествующих народов, отдельные элементы этого слоя сохранились в языке последующих поколений и более чётко в географических названиях, не поддающихся этимологиям без специальных научных изысканий» [Мурзаев, 1974, 25]. См. также определение Р.А. Агеевой, которая называет субстратом «язык топонимии всякого иного населения данной территории, которое предшествовало по времени населению, ныне доминирующему в пределах этой же территории, независимо от степени генетического родства языков того и другого населения» [Агеева, 2004, 82], подчёркивая тем самым автономный, независимый характер субстрата как явления.

Некоторые учёные особо выделяют членимый характер субстрата. Так, в работе Н.В. Подольской мы находим определение субстрата как «элемента или элементов языка, исчезнувшего на данной территории в топонимии этноса, населяющего эту территорию в исследуемый период» [Подольская, 1978, 149].

Субстратные топонимы исследуются уже довольно давно, на различном языковом материале и на различных этнических территориях. Уже Б.А. Серебренников, анализируя проблему субстрата, пишет о том, что «мысль о

возможности влияния субстрата при образовании характерных особенностей языка была высказана ещё в XV в., но широкое распространение эта идея получила в XIX и XX вв., особенно после появления работ итальянского лингвиста Асколи, более подробно исследовавшего возможные результаты влияния субстрата на романские языки» [Серебренников, 1956, 34]. И весь этот период, с XV века до наших дней, появляются интересные работы, раскрывающие различные аспекты семантики и структуры субстратных топонимов отдельных регионов.

Идею экспансивного влияния языков на топонимическую лексику можно проследить в работах Ю.А. Карпенко, О.Т. Молчановой, И.И. Муллонен, Я.А. Перванова, Е.Н. Поляковой, С.М. Толстой, а также ряда турецких исследователей, к которым относятся М.С. Эрполат, Х. Пиланджы, Й. Демирджан.

Учитывая этническую специфику регионов Северного Причерноморья, представляющих для нас топонимический интерес, мы считаем целесообразным осуществлять работу над топонимической лексикой комплексно, с учётом достижений исследователей в области изучения субстрата и экспансивного воздействия языков, поскольку исследование субстрата не отрицает идею языковой экспансии. См. определение Р.А. Агеевой: «Субстрат – слой в языке, оставшийся от предшествующего побеждённого (выделено нами) языка» [Агеева, 2004, 141].

Отдельно отметим, что исследования взаимодействия языков в области топонимики ведутся во многих регионах. Кроме работ, посвященных топонимии Северного Причерноморья, нами были рассмотрены труды по топонимии Азербайджана, Башкирии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Урала. Анализ показал, что топонимические системы этих территорий имеют много общего, что вполне закономерно с точки зрения исторических и миграционных процессов, и их сопоставление с топонимической системой Причерноморья на предмет выявления общего и специфического представляет определённый научный интерес.

Естественно, ассимилятивные процессы, происходящие в языке, не могут не найти своё отражение в топонимии регионов. Очевидно, что топонимия Северного Причерноморья нуждается в детальном рассмотрении и систематизации, потому что, хотя и есть отдельные работы, затрагивающие географические названия этой территории, они не рассматривают топонимию данного региона комплексно и носят разрозненный характер.

При изучении общих проблем топонимии мы опирались на труды таких учёных-теоретиков, как А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Э.М. Мурзаев; пишущих на русском языке учёных-тюркологов – И.Г. Добродомова, Е.С. Отина, Г.Ф. Саттарова, Ф.Г. Гариповой; пишущих на украинском языке – В.А. Бушакова, О.М. Гарковца, М.Т. Янко; пишущих на турецком языке – Т. Гюльсеной, И. Шимшека, М. Шенела.

Среди работ, изученных нами, особо отметим те, которые можно назвать базовыми, имеющими непосредственное отношение к нашему исследованию:

1. Работы О.Н. Трубочёва «Этногенез и культура древнейших славян» (1991), «В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси» (1997), «INDOARICA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь» (1999).

2. Работы А.К. Матвеева «Методы топонимических исследований» (1986), «Топонимия Урала как памятник языка и истории» (2001), «Субстратная топонимия Русского Севера» (ч. 1–2, 2001; изд. не завершено), «Ономастология» (2006).

3. Работы Р.А. Агеевой «Происхождение имён рек и озёр» (1985), «Страны и народы: происхождение названий» (1990), «Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации» (2004).

4. Работы А.В. Суперанской «Теория и методика ономастических исследований», в соавторстве с Н.В. Подольской, В.Э. Сталтмане, А.Х. Султановым (1986), «Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий», ч. 1–2, в соавторстве с И.Н. Лезиной (1994), «Топонимия Крыма», ч. 1, в соавторстве с З.Г. Исаевой и Х.Ф. Исхаковой (1995), «Топонимия Крыма», т. I, ч.

I–II, в соавторстве с З.Г. Исаевой и Х.Ф. Исхаковой (1997), «Крым: Географические названия», в соавторстве с И.Н. Лезиной и И.Л. Белянским (1998).

5. Работы Е.С. Отина «Гідроніми Східної України» (1977), «Топонимия приазовских греков: Историко-этимологический словарь географических названий» (2002, 2008), «Происхождение географических названий Донбасса. – Донецк: Юго-Восток» (2014).

6. Работы О.М. Гаркавца «Тюркские языки на Украине: развитие структуры» (1988), «Тюркізм. Українська мова. Енциклопедія» (2000), «Урумський словник» (2000) и др.

7. Работы И.Г. Добродомова «Этимология этнонима *буртас*» (1986), «Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР» (1989), «Немые кизляры (из комментария к «Бахчисарайскому фонтану»)» (1998), «Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях» (2010).

8. Работы В.А. Бушакова «Лексичний склад історичної топонімії Криму» (2003) и др.

9. Работы Н.К. Фролова «Избранные работы по языкознанию: В 2 т: Т. 2. Топонимика и этнонимика» (2005).

10. Работы Х.Ч. Алишиной «Историко-лингвистическое исследование сибирских татар» (1999), «Онимастическое источниковедение» (2009).

11. Работы М.А. Сагидуллина «Тюркские этнонимы в русской топонимии юга Тюменской области» (2002), «Сибирские татары: этнос, субэтнос?» (2005), «Малая энциклопедия народов Тюменской области: краткий словарь-справочник: Татары сибирские» (2005), «Тюркская этнотопонимия территории проживания сибирских татар» (2006).

12. Работы М.Т. Янко «Топонімічний словник-довідник УРСР» (1973), «Топонімічний словник України: Словник-довідник» (1998) и др.

13. Работы Т. Гюльсеной «Монгольские топонимы в Анатолии и их следы в Румелии» (1979), «Топонимы огузов в Туркестане и их следы в Анатолии»

(1988), «Турецкие топонимы в Казахстане и Туркестане и их следы в Анатолии» (1993).

14. Работы Д. Аксана «Новейшие научные исследования по топонимии Анатолии» (1974) и др.

15. Работы Б. Умара «Принципы освоения и адаптации исторических топонимов, пришедших из древних времён, в турецкой народной культуре» (1997) и др.

Из современных диссертационных исследований по проблемам взаимодействия языков в сфере топонимии особо выделим следующие: 1) В.А. Бушаков «Тюркская этноонимия Крыма» (1991); 2) Т.Н. Чернораева «Топонимия и географическая номенклатура Приамурья» (2002); 3) Г.М. Ниязова «Типы и структура ойконимов сибирских татар» (2004); 4) М.М. Сывороткин «Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона» (2005); 5) Е.Ф. Ковлакас «Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты» (2009); 6) О.О. Махмаджонов «Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана» (2010); 7) А.Л. Пустяков «Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ)» (2011); 8) Н.А. Кичикова «Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации» (2011); 9) С.З. Рахимбакиев «Историко-лингвистическое изучение тюркских топонимов Западной Сибири XVIII века: по материалам Г.Ф. Миллера» (2011); 10) С.В. Самовтор «Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII – начало XX вв.)» (2008); 11) О.В. Тугузбаева «Лексико-семантический и структурно-грамматический аспекты топонимики (на материале топонимов г. Бирска и Бирского района)» (2012).

В турецкой лингвистике проблемы межъязыкового взаимодействия в сфере топонимии рассматриваются в диссертационных исследованиях: 1) И. Шимшек «Топонимы в произведениях старотюркских времён (VI–XI века)» (2006); 2) Й.

Демирджан «Острова Богазоню в материалах деловой переписки (XV–XVII века)» (1992); 3) М.С. Эрполат «Топонимы в санджаках Эргани, Чермика, Сиверека и Руха в начале XVI века» (1994); 4) Х. Пиланджы «Турецкие топонимы в Анатолии» (1997); 5) М. Шенел «Топонимы города Элазыг» (2003).

Приведённые авторы обосновывают и доказывают тот факт, что «каждая топонимическая система формировалась в течение ряда столетий в сложных географических, исторических и лингвистических условиях, на территории, которая постоянно служила местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования родственных и неродственных этносов» [Шарифуллина, 2009, 6] и, соответственно, языков.

При проведении анализа топонимов России и Крыма мы использовали следующие лексикографические источники: 1) В.В. Радлов «Опыт словаря тюркских наречий» (1893–1911); 2) М. Фасмер «Этимологический словарь русского языка» (2009); 3) Э.М. Мурзаев, В.Г. Мурзаева «Словарь местных географических терминов» (1959), 4) Э.М. Мурзаев «География в названиях» (1962); 5) Э.В. Севортян «Этимологический словарь тюркских языков» (1974, 1976, 1980); 6) И.Л. Белянский, И.Н. Лезина, А.В. Суперанская «Крым. Географические названия: Краткий словарь» (1997); 7) В.И. Даль «Словарь живого великорусского языка» (1995); 8) С.И. Ожегов «Толковый словарь русского языка» (1984) 9) М.Т. Янко «Топонімічний словник України: Словник-довідник» (1998); 10) Е.С. Отин «Топонимия приазовских греков: Историко-этимологический словарь географических названий» (2002, 2008); 11) О.М. Гаркавец «Урумський словник» (2000).

Богатый лексикографический материал, собранный русскими, турецкими и украинскими учёными, позволил определить структурно-семантические особенности топонимов Северного Причерноморья, выявить специфические топонимические форманты и охарактеризовать их состояние в различные исторические периоды, а также описать парадигматические и синтагматические отношения всех системообразующих элементов топонимической лексики рассматриваемого региона и особенности её функционирования.

Нам показалось оправданным использование в данной работе методики форматного (компонентного) анализа, то есть «вычленение форманта имён собственных и установление ономастического ряда на основании идентичности формантов в данной группе имён собственных» [Рахимбакиев, 2011, 144]. Данный метод очень продуктивен, поскольку, по словам С. Роспонда, «позволяет определить хронологическую стратиграфию типичных структурных схем» [Роспонд, 1972, 21] и соотнести то или иное имя с языком его основы. «Конечной целью такого анализа может стать выявление продуктивных структур названий, хронологически относящихся к конкретному языковому слою» [Рахимбакиев, 2011, 144].

Именно поиск исторических следов присутствия этносов в топонимии региона является важным при исследовании проблемы взаимодействия языков. В связи с этим правомерным будет выделение на территории современного Северного Причерноморья четырех наиболее крупных зон тюркско-славянского языкового взаимодействия: 1) тюркско-русской топонимической зоны (турецко-русское, татарско-русское взаимодействие), 2) крымскотатарско-русской топонимической зоны, 3) тюркско-украинской топонимической зоны (татарско-украинское, турецко-украинское взаимодействие), 4) урумско-русско-украинской топонимической зоны. Конечно, данная классификация является в известной степени условной, поскольку русский язык на уровне диалектов был способен производить различные полилингвальные гибриды, но применительно к данной работе классификация является уместной, поскольку основана на взаимодействии доминирующих языков в конкретных областях Северного Причерноморья.

Таким образом, формирование топонимии такого пёстрого региона, каким является Северное Причерноморье, имеет свою специфику, обусловленную взаимодействием народов и – соответственно – языков на конкретных территориях.

В работе мы использовали следующий терминологический аппарат, сформированный в результате анализа работ ведущих топонимистов (И.Г.

Добродомова, А.К. Матвеева, Э.М. Мурзаева, Н.В. Подольской, А.В. Суперанской и др.):

Топоним – это собственное название отдельного географического объекта (населённого пункта, реки, элемента рельефа и др.).

Топоним субстратный – иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории.

Топонимическая зона – фрагмент топонимического пространства, характеризующийся особым механизмом исторического, этнокультурного и языкового взаимодействия.

Топонимический тип – топонимические названия одного языкового происхождения.

Топонимический фон – топонимический тип и язык территории.

Топонимический формант (топоформант) – это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное или формообразующее средство из числа тех средств, которыми мотивированное слово отличается от своих мотивирующих; та часть топонима, которая отличает мотивированное слово от мотивирующего или мотивирующих.

Транслитерация – побуквенная передача текстов и отдельных слов одной письменности или графической системы средствами другой письменности и графической системы.

Трансформация топонима – изменение фонетического и/или графического облика топонима, не приводящее к нарушению его базовой семантики.

Деформация топонима – изменение фонетического и/или графического облика топонима, приведшее к переосмыслению его первоначального значения.

Заемствованный апеллятив – иноязычное «несобственное слово», выступающее в качестве противопоставления ониму.

Гидроним – собственное название любого объекта гидрографии (моря, реки, залива, пролива, канала, озера, колодца, водохранилища и т.п.).

Ойконим – собственное название любого населённого пункта или поселения (города, поселка городского типа, села, аула, дачного посёлка, деревни, двора или отдельно стоящего дома).

Ороним – собственное название любого объекта орографии или элемента рельефа (хребта, горы, холма, сопки, долины, ущелья, оврага).

Народная этимология – объяснение смыслового значения названий на основе их случайного сходства (созвучия) с каким-либо словом, без учета лингвистических законов и исторических условий.

Номинационная активность – способность к изменению под воздействием внешних или внутренних факторов, проявляющаяся в формировании номинаций разных типов.

Номинационный вектор – направление движения номинации в топонимическом пространстве.

Принцип номинации – основание, лежащее в основе наименования топонима.

Этноним – название любого этноса: этнической группы, национальности, народа, племени, рода и т.п., зачастую вводимые по историческим, территориальным и другим причинам.

2. Тюркско-русская топонимическая зона (турецко-русское, татарско-русское взаимодействие).

В пределах тюркско-русской зоны целесообразно рассматривать территории Северного Причерноморья, присоединённые к Российской империи в результате русско-турецких войн во второй половине XVIII века (Новороссийская губерния и Новороссийское генерал-губернаторство).

Согласно административно-территориальному делению начала XX века, Новороссия включала в себя Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую,¹ Бессарабскую губернии, Кубанскую и Ставропольскую области, область Войска

¹ Топонимы Крымского полуострова рассматриваются нами отдельно. См. пар. 3 главы I исследования.

Донского.¹ Данное деление мы принимаем и в нашем исследовании, поскольку именно на этих территориях происходило активное взаимодействие русского языка с тюркскими, в частности с турецким и татарским.

Топонимическое языковое взаимодействие данной зоны представлено всеми типами топонимов и на всех уровнях языка. Тюркский компонент особенно активно прослеживается в гидронимии региона. Так, выборка из украиноязычного топонимического словаря М.Т. Янко дала 77 тюркско-славянских лексем, из которых гидронимных – 62, оронимов – 5, ойконимов – 9. Естественно, данный список не является абсолютно полным (поэтому мы дополнили его материалом других источников), но он достаточно хорошо иллюстрирует интенсивность объектов номинации данной зоны. Анализ данного топонимического материала позволяет сделать следующие выводы.

Гидронимная составляющая региона является достаточно активной. См. перечень по словарю М.Т. Янко (в скобках даны фонетико-графические варианты и некоторые дериваты топонимов): *Аджамка (Аджимка, Аджинка, Пікінерка) Айдар (Адар, Ойдар, Войдар, Яйдар), Аліяга (Аліага), Бахмут (Бахмат, Бахмутка, Бахмутова, Бахмутовка, Багмита, Багмут, Бахмута), Бешка (Бекша), Біянка (Біанка), Балаклійка (Балаклея, Баликлея, Баликлея, Булуклея, Буликлея), Беш-Байрак, Болгар (Болгарь, Болгар, Болгир-колодезь, Болгор, Болгирев), Бугазька коса, Будацьке озеро-лиман, Бунар Бурлей, Вейсове (прежнее Маяцьке, Майданне, Старо-Майданне), Велика Калга (Калга, Каялга, Калгинська, Канжелга, Канжа-гали, Ханжига, Дурная), Великий Аджалик (Великий Аджалицький лиман), Висунь (Висуні, Висунь, Исунь, Исунь), Єника, Євсуг (Евсуг, Евсуг, Евсюг, Явсюг), Ізюмець (Мокрий Ізюмець, Ізюм), Інгул (Ангул), Інгулець (Малый Інгул), Калка (Кала, Калак), Кагул (Кагульське), Каїр, Каракурт (Карасулак), Караул (Караулан, Каравул), Катлабух, Кашилагач, Каяла, Клебань-Бик (Клебан-Бик, Клебін-Бик, Клепан-Бик, Кльопан-Бик), Курудер (Курудера, Куридира), Мокрий Ягорлик, Мокрі Яли (Нижні Яли, Великі Яли), Сагайдак, Саксагань (Саксаганська), Сула (Сулиця, Сулка), Суха Аджамка, Суха Альма, Суха Балаклія (Суха і Балаклійка), Сухий Ташлик, Сухі Яли (Сухі Єли, Верхні Яли), Тарама, Татарина*

¹ Топонимия областей расселения казачества рассматривается отдельно. См. пар. 4 главы I исследования.

(Татарин, Татарина), Татарка, Ташанка (прежнее Ташан), Ташбунар, Ташлик (Ташличка, Ташличка-Верхня, Ташличка-Нижня), Тилигул (Делігіол, Делі-Гьоль), Тилигульський лиман, Томашлик, Тузли, Турла, Турунчук (Турунчак), Уразова, Учан-Су (Водоспадна), Хаджибейський лиман (озеро Хаджибей), Хаджидер, Шайтанка (Шайтаночка, Велика Шайтанка), Ягорлик (Яурлык, Егорлык, Паскова), Ягорлицький лиман, Яланець, Ялтуз, Янчур (Янчул, Янчуль, Юнчул).

Как мы видим, языковое взаимодействие в большей степени проявляется на уровне средних и мелких водных объектов. Так, на территории бывшего Очаковского района из 47 гидронимов 47% до сих пор сохраняют тюркскую языковую основу [Лисецкий, 1992]. Среди них: *Аджи-Гель* (совр. Аджигольский лиман), *Янчокрак* (совр. Анчекрак), *Бакчалы, Бакшалия* (совр. Бакшала), *Бейкуш* (совр. Бейкушский лиман), *Ак-Гьол, Ак-Гёл* (совр. Белозёрка), *Пирюзен* (совр. Березань), *Яланчак* (совр. Березнеговатая), *Досиклея* (совр. Богдановская б.), *Исун, Исунь* (совр. Висунь), *Аргамаклы* (совр. Громоклей), *Егорлык, Ягорлык* (совр. Егорлыцкий лиман), *Иен-кул, Иени гёл, Ени-гел* (совр. Ингул), *Гаджигазан, Хаджи/казан, Карабаш* (совр. Карабушский лиман), *Килчень* (совр. Кильчен), *Кодем, Кодим* (совр. Кодыма), *Калаглея, Калагли* (совр. Кологлея), *Карабел* (совр. Корабельная), *Каранья-Кыр* (совр. Корениха), *Кайнар* (совр. Малый Ташлык), *Кетик Дерисибурну, Досиклея* (совр. Новобогдановская б.), *Сагай-Дак* (совр. Сагайдак), *Гёк-су* (совр. Синюха), *Тузлы* (совр. Солонец Тузлы, оз.), *Сасык* (совр. Сосик), *Ташлык* (совр. Сухой Ташлык), *Тартакай, Дели-гэль, Дели-гёлю* (совр. Тилигульский лиман), *Сарыголь, Сарыгол* (совр. Царега), *Царегол* (совр. Цареголь), *Чарталы, Черталы* (совр. Черталка), *Чапчаклы* (совр. Чичиклея), *Ак-Су* (совр. Южный Буг). Следует отметить, что количество вариантов у этой группы гидронимов наиболее значительное.

Взаимодействие языков проявляется в скрещивании довольно позднего круга гидронимов, имеющих русскую (позднее – русско-украинскую) языковую основу с более ранним тюркским пластом. Номинационные тенденции проявляются следующим образом:

1. В качестве мотивирующих выступают фонетические и словообразовательные модификации сочетаний с родовыми терминами *су* (вода, река), *голь* (озеро), *байрак* (балка), *чокрак* (ключ, источник): *Аджи-Гель* от тур. *acı* "острый" и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Аджигольский (лиман)*; *Янчокрак* из тур., кр.-тат. *jan* "сторона", башк., узб., азерб. *jan* – то же и кр.-тат. *čokrak* "источник" [Фасмер II, 194] > *Анчекрак*; *Исун, Исунь* из тюрк.: ср. тур. *jäni*, чагат., кр.-тат. *jäni* "новый", алт., тел., уйг. *jaŋu* [Радлов III, 60; 323; 329] и *su* "вода" > *Висунь*; *Иен-кул, Иени гёл, Ени-гел* из тюрк.: ср. тур. *jäni*, чагат., кр.-тат. *jäni* "новый", алт., тел., уйг. *jaŋu* [Радлов III, 60; 323; 329] и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Ингул*; *Дели-гэль, Дели-гёлю* из тур. *deli* "дикий, храбрый" [Преобр. I, 178] и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Тилигульский лиман*; *Сарыголь, Сарыгол* из тюрк.; ср. тур., тат., кыпч., кирг., каз. *sary* "желтый" [Радлов IV, 319] и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Царега* и также *Царегол* > *Цареголь*.

2. Мотивирующими являются сочетания (часто с родовым термином), подвергшиеся калькированию: *Ак-Гьол, Ак-Гёл* из тюрк., тур. *ak* "белый" [Фасмер I, 65] > *Белозёрка*; *Гёк-су* из тюрк., тур. *kök* "синий" [Фасмер II, 207] > *Синюха*; *Тузлы* от тюрк. *tuz* "соль", тур., кыпч. *tuzlu* "соленый", чагат. *tuzlak* "солончак" [Радлов III, 1502, 1507] > *Солонец Тузлы* (озеро).

3. Мотивирующими являются «признаковые» слова и сочетания, при этом характер признака может быть различным: *Бакчалы* из тур. (перс.) *bağca bağca* – бахча́, бакша́ "огород в поле, в степи" [Бернекер I, 39, Фасмер I, 111]; ср. район в Анкаре *Бахчели* > *Бакшалия / Бакшала*; *Балык* из тур., кр.-тат., азерб., кыпч., казах., караим. *balyk* "рыба" [Радлов IV, 1496] > *Балацкое (озеро)*; *Бейкуш* возм. из тат., узб. *baiyuş* "бедняк", казах. *baiyus* "жалкий, бедный", чагат. *baikiş* "бедняк" [Радлов IV, 1424; Фасмер I, 107] > *Бейкушский (лиман)*; *Карабаиш* из тур., тат. *kara* "черный" [Бернекер I, 488] и тур. *baş* "голова" > *Карабушский (лиман)*; *Кодем, Кодим* возм. из тюрк.; ср. тур. *kadun* "женщина" [Фасмер II, 276] с чередованием *п/м*; ср. др.-чув. *sam*: др.-тюрк., тур., каз. *sap* [Гомбоц 119] > *Кодыма* (ассимиляция по родовому термину); *Калагеля, Калагли* возм. от тур. *kala*

"крепость", крым.-тат. *kalä* [Радлов II, 224, 232, 235]; возм. также араб. происхождение *kala* [Фасмер II, 165] и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Кологлей* (ассимиляция по типу славянского полногласия); *Сагай-Дак* / *Сагайдак* из тюрк., ср. тат., чагат. *saydak* "колчан" [Фасмер III, 543] > *Сагайдачек* (балка); *Сасык* от тюрк. *sasi-* "вонять, пахнуть" [ДТС, 1969, 490: МК, III, 265], др.-тюрк. *sasiġ* "протухший" > *Сасик/Сосик*; *Ялнук* от тюрк. *jalruk* "мелкое, беспокойное место в воде" [Радлов III, 186] > *Ялнуг* (*Ялнух*).

Отдельного рассмотрения заслуживает топоним *Кодем*, *Кодим*, который, как указано выше, «хрестоматийно» производится от ср. тур. *kadun* "женщина". В работе И.Г. Добродомова «Добродомов И.Г. Не «река», а «женщина» (О достоверности топонимических этимологий)» мы обнаруживаем такую логику образования топонима: *Кодыма* < булг. **qodum* < тюрк. *qatun* с болгарским переходом *-n* > *-m* [Добродомов, 1984, 138–142].

В данном перечне также интересным представляется гидроним *Сасык* > *Сасик/Сосик* (озеро). На наш взгляд, недостоверной является связь с русск.-цслав. *сасъка* "плавильная печь" [Срезн. III, 263], а также с *сасызь* – то же (Изборн. Святосл. 1073 г. и др.; см. Срезн., там же) [Фасмер III, 564–565]. Более достоверна связь с тюркским *sasi-* "вонять, пахнуть" [ДТС, 1969, 490: МК, III, 265] и номинация по качественному признаку (запах воды): озеро зарастает водной растительностью и подвержено цветению, преимущественно на опреснённых участках. Возможна также номинация по внешнему виду, форме водоема и соотношение с тюркским *sasiq* "гончарное изделие" [ДТС, 1969, 490: МК, I, 382]: озеро похоже на горшок, озёрная котловина имеет неправильную форму, вытянуто с запада на восток, берега пологие.

Гидроним *Сагайдак* соотносится с тюркск. *сагайдак* – "лук", донск. [Миртов, 1929, 280], терск. "колчан со стрелами и луком", др.-русск. *сагадакъ* [Афан. Никит. 24], также *сагайдакъ* [Корш 9]. Сюда же исследователи, например П.Л. Маштаков, относят речное название *Сагайда́к* – л.п. Ингула [Маштаков, 1917, 42]. Заимствовано из тюрк., ср. тат., чагат. *saydak* "колчан", тар. *sāyidak* – то же, монг. *sagadag* "лук и стрелы, колчан" [Радлов IV, 238, 274, 279; Рамстедт,

KWb. 316]. См. *saadák, сайда́к* [Фасмер III, 543]. Отметим также, что у Радлова в указанных отсылочными статьями местах слова *saydak* нет. На стр. 237 в т. IV приведено барабинск. *саудак* с тем же значением.

Интересна этимология гидронима *Килчень/Кильчен*. Возможна номанация от *киличей* "посол", см. др.-русск. *киlicheи* [Срезн. I, 1.208]. Объясняя происхождение слова, Фасмер высказывает возможное тюркское происхождение и сравнивает с татарской лексемой *килиши* "ходить друг к другу"; см. Назаров, УЗ Казанск. пединст., 15, 1958, стр. 253 [Фасмер II, 232].

4. Мотивирующими являются слова и сочетания, подвергшиеся фонетическому переосмыслению, так называемые «ложные кальки», иногда ставшие результатом народной этимологии: *Пирюзень* через тур. *piruzä* – "бирюза" и тюрк. *özen* "долина, река" > *Березань*; *Аргамаклы* возм. заимств. из чагат., тат. *arçamak* "арабский благородный конь", уйг. *arçumak*, алт. *argumak*, монг. *argamag*, калм. *arçumag* [Рамстедт, KWb 13; Корш, AfslPh 8, 649; Фасмер I, 84] > *Громоклей*; *Егорлык, Ягорлык* из кр.-тат., чагат., азерб. *ägrilik* "кривизна", *ägri* "кривой", под влиянием имени *Егóр* [Радлов I, 705] > *Егорлыцкий (лиман)*; *Карабел* из тур., тат. *kara* "черный" [Микл. TEI. I, 327; EW 112; Бернекер I, 488] и *bel* от кр.-тат., тур. "ущелье, горная тропа", ног. "середина (чего-л.)", др.-тюрк. "холм", халх.-монг. "косогор, основание, склон", ср. *уулын бэл* "склон горы" > *Корабельная*; *Каранья-Кыр* из тур., тат. *kara* "черный" [Микл. TEI. I, 327; EW 112; Бернекер I, 488], ср.: кр.-тат. *qarañi*, тур. *karani* ~ *karani*, кр.-тат. *qaranği* "темнота, мрак, мгла"; ног. *qaraña*, др.-тюрк. *qarañgu*, халх.-монг. *харанхуй* "темный, темнота, мрак" и *kır* – "гора", "хребет", "грань" > *Корениха*; *Салаасу*, вероятно, из тюрк.: ср. кирг., алт., казах. *salā* "приток, рукав реки" [Радлов IV, 349] и *su* "вода" > *Сальница*; *Сарыгол* из тюрк.: ср. тур., тат., кыпч., кирг., казах. *sary* "желтый" [Радлов IV, 319] > *Царегол / Цареголь*; *Чарталы* из др.-тюрк., возм., герундий от др.-тюрк. гл. *jar-* "рассекать, расщеплять" [ДТС, 239], ср. др.-тюрк. *jar I* "яр, овраг" [ДТС, 238], ср. тат. *ярык* "трещина, щель" [Ганиев, 1988, 409] > *Черталы* > *Черталка*.

Для гидронима *Березань* < *Пирюзень* возможно несколько толкований. Существует вероятность заимствования персидской лексемы через тур. *piruzā* – "бирюза", *fīrūza* из перс. *pīrōze*, авест. **paitiraōčah-* [Микл. TEL 2, 143; Хорн, Npers. Et. 78; Локоч 49] и ее сочетание с тюркским географическим термином с общим значением "река, долина": ср. балкар., карач. *özen* "долина, река" [KSz 10, 128; 15, 249], казах. *özön* "река", тат. *üzän* "низменность, долина", бараб. *üzön* "речка, ручей" [Радлов I, 1891, 1893, 1302; KSz 6, 380; Фасмер I, 167–168; IV, 154].

Возможным является и этнонимное происхождение номинации. Компонент *pirul-* является сопоставимым с родо-племенным названием *пирюли* (*пиняче/бинедже*), упоминание о котором встречается в «Своде болгарских летописей "Джагфар Тарихы"» Бахши Имана (так называемые «Летописи Джафгара»). Миграция племени и его возможные дислокации могут стать основанием для предположения образования номинации: др.-тюрк. этн. *Pürüli* и *özen* "долина, река".

Возможна также этимологизация по антропониму *Pürüs* или образованному от него этнониму. См. у В.А. Бушакова: «*Börüs* антр., пор.: *Pürüs* – прародитель хакасів з народу хиргис, этн. *pürüs* "бірюсинці" – г. *Борюс*, с. *Борюс*, *Борюс-Манай*, *Верборюс* на Східному Булганаку» [Бушаков, 2003, 128]. В этом случае логично вывести общее значение, связанное с расселением по реке племени «пюрюсов».

Народная этимология гидронима *Черталки* не связывает реку с ее исконными признаками и, соответственно, с тюркскими языками. По нашему мнению, начало цепочки *Чарталы* > *Черталы* > *Черталка* следует отнести к тюркским основам *čara* и *jala*.

Вероятнее всего, первый компонент – это заимствование из тюрк. *čara* "большая чаша", который обнаруживается в тат., алт., вост.-тюрк; см. П.М. Мелиоранского [Мелиор. I, 1894–1897] и у Бернекера [Бернекер I, 136]. По мнению Фасмера, вост. происхождение монг.-тюрк. слов не является ясным; ср. Рамстедт, KWb. 422 [Фасмер IV, 316]. Второй компонент – из тюрк., ср. кыпч., тат., алт., тел. *jala* "вина, обвинение; хула, несчастье" [Радлов III, 154]. В этом

случае, опираясь на географические особенности местности и пограничный характер реки, можно предположить соотнесение с лексемой *ялá* "наказание за противозаконный угон скота". Возможны также соотнесение с тур., кр.-тат. *jaila* – то же от *jaj* "лето" [Радлов III, 11; Фасмер IV, 552], этимологизация как «водоёмное пастбище» и номинация по орониму.

Маловероятной представляется и версия В.А. Бушакова, который связывает происхождение данного гидронима с тюркским компонентом *çätr* "навес". См.: «*çatır ~ çadır* кр.-тат., тур., др.-тюрк. > новогр. *τσαντίρι* намет, шатро, халупа, халабуда, *şatır* ног. шатро, намет, кибитка, юрта < *çador* шатро, намет, тент, навис; чадра, серпанок, *çätr* парасоля, навис, тент – ур. *Чадир*, дж. *Чадир-Чокрак*, г. *Чатир-Даг*, р. *Чатирлик* (див. *-lıq*)» [Бушаков, 2003, 136].

Более вероятна вышеобозначенная версия происхождения топонима от др.-тюрк., глагольной основы *jar-* "рассекать, расщеплять" [ДТС, 239] с семантизацией «расщелина».

Некоторые топонимы подвергаются вторичной мотивации, в результате чего расходятся в значении с первичным мотивирующим компонентом. Восстановление производящих основ и утраченных звеньев топонимической цепи зачастую представляется очень затруднительным из-за «деформирующего» влияния славянских языков. См. рассмотренные выше топонимы и формирование на их базе топонимических дериватов: *Пирюзен* от тур. *piruzä* "бирюза" и *özen* "долина, река" > *Березань* > *Турчановско-Березанская б.* (прежде *Чемериса*), *Березнеговатая* (этимологизация от славянской основы); *Сарыгол* из тюрк.; ср. тур., тат., кыпч., кирг., каз. *sary* "желтый" [Радлов IV, 319] и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Царегол / Цареголь* (этимологизация как «царь-озеро»); *Чарталы çara* "большая чаша" и *jaj* "лето" либо *jala* "вина, обвинение; хула, несчастье" > *Черталы* > *Черталка* (этимологизация от славянской основы); *Иени гёл*, *Ени-гел* из тюрк.: ср. тур. *jäni*, чагат., кр.-тат. *jäni* "новый", алт., тел., уйг. *jañu* [Радлов III, 60, 323, 329] и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Ингул* > *Ингулец*; *Сасык* от тюрк. *sasi-* "вонять, пахнуть" [МК III, 265 по ДТС, 1969, 490] > *Сасик/Сосик* > *Засика* (балка), *Сосицкий* (лиман) (отантропонимическая

этимологизация); *Чуфут* от *джуфт* "пара" либо, что реальнее, от *чуфут* "еврей" > *Чуфутова* (*балка*) (отантропонимная этимологизация); *Карабел* из тур., тат. *kara* "черный" [Бернекер 1, 488] и *bel* от тюрк., монг. "талия", "поясница" > *Корабельная* (этимологизация от славянской основы); *Хо(а)блова* (*балка*) – номинация по хутору некоего *Хаблова* не представляется очевидной, поскольку такого хутора не обнаруживается в картографических источниках, вероятнее всего, происхождение от тюрк. *хабла* "околоток" + *ова* / *habla* + *ова*, ср. *Къан-Хабле* (ног.), *Тяркиляр-Хабла* (азерб.), ср. также *Кош-Хабль* (кар.-черк. *Куэш хьэблэ*, поселок основан переселенцами в 1925 г.).

Некоторые гидронимы развиваются за счёт включения дополнительных определяющих славянских элементов. См.: *Гнилой* и *Сухой Еланец* (ранее *Еланчик*, *Куцый Еланец*); *Малый*, *Сухой* и *Черный Ташлык*; *Мигейский Ташлык* и др.

Характерные славянские названия рек, как правило, относятся к малым рекам и являются более поздними: *Арбузинка*, *Белоусовка*, *Березнеговатая*, *Берёзовка*, *Богодушная*, *Боковенька*, *Вербовая*, *Веревчина*, *Водяная*, *Волчья*, *Гнилюха*, *Девка*, *Злодейка*, *Камышеватая* (тюркский корень), *Куцая*, *Лозоватка*, *Мазница*, *Панская*, *Соленая*, *Солониha*, *Столбовая*, *Сухая*, *Терновка* и др. В числе средних рек (длиной свыше 100 км) таких примеров всего два: *Мертвовод* и *Синюха* [подр.: Лисецкий, 1992].

Оронимия района менее изучена и менее представлена в топонимической литературе. Среди крупных оронимических объектов тюркского происхождения следует отметить все, связанные с названием *Изюм* – *Изюмский курган* (гора *Креме(я)нец*), *Изюмский шлях* (*Изюмская сакма*, *Татарская сакма*), а также номинации *Куюк-Тук* (остров), *Чурюк* (остров) и *Саур-Могила* (вершина).

Очевидно, названия оронимических объектов *Изюмский курган*, *Изюмский шлях* и подобных производятся от ойконима *Изюм*, который, в свою очередь, является гидронимным по происхождению, назван по протекавшей там реке. Река упоминается в «Книге Большому чертежу» 1627 г. – её находит в 1935 г. изюмский краевед В.Н. Сибилев, но ошибочно идентифицирует её с *Сальницей*, которая

является современным *Сухим Изюмцем* (название фиксируется с 1650 г.;¹ *Сухой Изюмец* < *Сальница* < *Салааласу*, переосмысление на основе звукового сходства). Река *Изюм*, которая с 1650 г. – времени появления первых поселений на левом берегу *Донца* – фиксируется как *Буланка*, *Зверинская*, *Гнилица*, в современной гидрографии оказывается безымянной, хотя мотивирует ойконимию и оронимию всего района. См.: 1571 г. – *Изюмская сторожа*, 1639 г. – *Изюмский городок*, 1650 г. – *Изюмский казачий окоп*, 1681–1682 гг. – *Изюмская крепость*, город *Изюм* на склоне *Изюм-Курган-Кремянец*. Данная трактовка не соотносится с утверждением М.Т. Янко, который пишет: «Назву виводять від р. *Изюмець* (басейн Дону), яку пов'язують з тюркським географічним терміном «ріка». Спочатку назва стосувалася лівої притоки Сіверського Дінця – сучасної р. *Изюмець*, на що вказують фіксація «Книги Большому Чертежу» і рукописні карти XVII–XIX ст. Після перенесення назви на населені пункти змінилася форма гідроніма: суф. *-ець*, виконуючи диференціюючу роль, перетворив найменування річки у похідне від назви поселення» [Янко, 1998, 137]. Однак далее: 1) «*Изюмське пасмо* (Изюмська гора) – пасмо на північному заході Донецького кряжа в Харківській обл. Прикм. частина топоніма від *Изюм*. Географічний термін *пасмо* означає «витягнуте підвищення»; 2) «*Изюмський шлях (Татарська сакма)* – шлях <...> Назва від *Изюм* (див.) за допомогою прикм. суф. *-ськ(ий)*, що вказує на відношення до місця. Паралельна назва – від слова *татари* за допомогою суф. *-ськ(ий)*. *Сакма* – від татарського «слід, протоптаний вершниками, шлях» [Янко, 1998, 137]; *сакма* – тат. *soqma*.

Название острова *Куюктук* (*Куюк-Тук*) в словаре Янко выводится «від тюркського «горіле, горілий» і «корито» (у значенні географічного терміна «западина»)» [Янко, 1998, 179], что, по нашему мнению, требует уточнения. Здесь ближе кажется др.-тюрк. *qoj, quj* – "дно долины" [ДТС, 1969, 453; Радлов 2], которое Мурзаев отмечает также для алтайских и других сибирских тюркских языков в форме *куй*. См.: р. и г. *Куйсуг* в Хакасской АО; р. *Куйлуг-Хем* и г. *Куйлуг-Шат* в Тувинской АССР, Куйлу, г. *Куй-Таиш*, *Куйский хр.* на Алтае. Либо, что

¹Название Сальница встречается «Книге Большого чертежу» 1627 г. В 1650 г. переселенцы из Центральной Украины называют ее уже Сухим Изюмцем.

также этимологически близко, термин *куйы* – колодец (ног.); *гуйы* – то же (туркм.). См. у Мурзаева: «На картах нередка форма *куй*. ◇ Оз. *Теренкуй*, кол. *Яманкуи* в Дагестане; кол. *Базаркуи* в Ставропольском крае [Бушуева, 1972]; кол. *Аджигуйи* и кол. *Акгуйы* (повторяется несколько раз) в Туркмении. См. *гуйы*, *кудук*, *кую*». Второй компонент топонима возможно этимологизировать как *дук* и считать его результатом тюркско-терских языковых контактов: В.И. Абаев сравнивает это слово с осет. *dūq* "ямка у стены, куда загоняют орехи (в детской игре)", ягноб. *duk* "яма, дыра, ниша" и др. [Абаев, 1958, 376, 406]. См. также подр.: Ильинский у Трубачева, ВЯ, 1957, № 6, стр. 95 [Фасмер I, 550–551]. Тогда возникает толкование оронима как «ниша за впадиной, ниша за колодцем», что подтверждает перспективный взгляд на остров со стороны холмов. Однако современные тюркологи (А.В. Дыбо, И.Г. Добродомов) считают эти версии ненадежными и, опираясь на труды М. Эрдала, предпочитают этимологизацию данного топонима как "остров с колодцами" (*-туг* – аффикс адъективности) [Erdal, 2004, 301]. Мы поддерживаем данную точку зрения.

Название острова *Чурюк* логично произвести от тюрк. *çöräk* "пресная лепешка, пирожок" [Радлов III, 2040], что, вполне возможно, связано с визуально-образным восприятие местности. Данный топонимообразующий компонент обнаруживается в тур., азерб., кр.-тат., чагат. языках [Локоч, 35]. Однако интересной представляется и версия В.А. Бушакова, который связывает этимологию оронима с гидронимным компонентом *çürük/şirik*: «*çürük* кр.-тат., тур., *şirik* ног. гнилий; гниль, гнилизна, *çoruk* перс. гнилий, зипсований – джерела і річки *Чурук-Су* ~ *Чурюксу*, дж. *Чурюк-Чокрак*, о-в *Чурюктюп* у Сиваші, с. *Чурюк-Алгази*. Пор. *sasıq, sivaş*» [Бушаков, 2003, 107–235]. Отсюда же он выводит и похожие топонимы: «*çürüm*, ср. *çürük* та кр.-тат., тур. *çatır* грязюка, болото – оз. *Чюрюм* ~ *Шорум* (*Айгуль*) і с. *Чорюм*, пор.: род. підр. *чюрюм* у киргизів» [Бушаков, 2003, 107–235].

Маловероятным нам кажется толкование оронима *Саур-Могила* через личное славянское имя, которое предлагает М.Т. Янко: «*Савур-Могила* (*Саур-Могила*) – вершина <...> Одні вчені першу частину ороніма – *Савур* – етимологізують на

антропонімічному ґрунті як дериват, тобто похідне від імені *Сава* за аналогією до Мишура, Сашура та ін.» [Янко, 1998, 270]. Також сумнівно і тлумачення через тюркський компонент *саур*: «Інші вважають, що в основі топонімічного компоненту *Саур* лежить тюркський географічний термін «степовий курган із згладженою верхівкою округлої форми». Його значення – «круп коня» [Янко, 1998, 270] і «*Саур* – округлые вершины, скалы в горах; букв. "круп лошади" (тюрк.). ◇ Хр. Саур в Восточном Казахстане; г. Байсаур в Кюнгей-Ала-Тоо, г. *Саур* и р. *Саурсу* – пр. Чегема в Кабардино-Балкарской АССР; *Саур-Могила* – вершина Донецкого кряжа; н.п. *Саур* в Восточно-Казахстанской обл.» [Мурзаев, 1984]. Очевидно, в этом случае делается попытка объяснить образование географического термина на основе метафоризации, см. тюрк., ср. тур., кыпч. *сауру* "кожа со спины лошади" [Радлов IV, 276]; на это также указывает Фасмер со ссылкой на Миклошича [Микл. TEI II, 149; Фасмер III, 542]. Этой же версии придерживается и Е.С. Отин в работе «Происхождение географических названий Донбасса»: «В основе этого названия лежит тюркский (возможно, половецкий) народно-географический термин *сауыр* (в упрощенной фонетической передаче в речи славян – *саур*, *савур*), что обозначает степные возвышенности со сглаженными вершинами округлой формы. Исконное значение этого слова – "круп лошади". Тюрки-скотоводы часто метафорически использовали названия частей тела животных для обозначения элементов рельефа земной поверхности. Сравним еще в казахском языке: *эркеш* – "горб верблюда" и "вершина горы". Географические названия, образованные от этих терминов, встречаются в топонимии Казахстана (например, хребет *Саур* и др.)» [Отин, 1992, 25–27]. Нам это утверждение кажется сомнительным на основании того факта, что в турецкой топонимии, на которую ссылаются исследователи, не фиксируются топонимы с подобным компонентом. По нашему мнению, более вероятным является этимологизация через тюрк., тур. *sabura*, *saфра* "груз, балласт" [Радлов IV, 423], которое впоследствии вошло в донские диалекты как *саур/савур* в том же значении [Фасмер III, 566; ЕСУМ V, 160–161]. То есть тлумачення «груз» в поєднанні со словом «могила» придобало значення величини («большая могила, большой курган»), а не форми («курган округлой формы»). С

последним утверждением из толкования словаря М.Т. Янко считаем возможным согласиться: «Складний оронім Саур-Могила виник у мовленні слов'ян Північного Приазов'я. В ньому перша частина, як незрозуміла, осмислилась як своє слово, пов'язане з іменем *Сава*» [Янко, 1998, 270], т.е. в данном случае исследователь пишет об ассоциативном переосмыслении, не имеющем отношения к этимологии компонента *саур/савур*.

Мелкие оронимические объекты тюркского происхождения обнаруживаются в основном на местах бывших поселений, которые, по нашему мнению, имеют перенесённый характер. Среди них много сухих балок, некоторые из которых имеют довольно интересную топонимическую историю. См., например: *Байказия* (балка на месте хутора *Балказен*, с. Староказачье). Название, скорее всего, соотносится с тюркским ойконимом, подвергнувшимся трансформации: *Байказия* < *Балказен* < *Балказан*.

Толкование топонима вызывает разногласия в среде ученых. Нам кажется возможным выведение значения из компонентов общетюрк., др.-тюрк. *bal* "мёд" и тюрк. *kazan* "котёл" [Фасмер II, 159], т.е. «медовый котёл, медовая впадина», указывающих на сферу занятий местного населения, что подтверждается историографическими данными о давних традициях производства мёда в регионе. К этой версии близок и М.Т. Янко. Однако тюрколог И.Г. Добродомов считает эту версию несостоятельной. В его работе «К проблеме семантической идентификации редких слов в памятниках письменности» приведены развернутые суждения по вопросу возможной этимологизации «загадочного», по его словам, компонента *болкатъ*, с которым он считает возможным связать рассматриваемые топонимы: «Здесь уместно сказать еще об одном редком слове – прилагательном *болкатъ*, известном исключительно лишь из «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. Это слово в свое время И.И. Срезневский объяснил как "черный", что впоследствии было принято также древнерусскими словарями с загадочной ссылкой: «Ср. валаш. *бълцат* – "темный, темноцветный"» (Срезн., Материалы для Словаря I, 145; Ср., однако: Словарь русского языка XI–XVII вв., I, 282: "темнокожий"). Наряду с этим объяснением существует, так сказать,

"хрестоматийная традиция" толкования этого слова: *болкать* "сильный", отразившаяся, например, в словаре к «Хрестоматии по истории русского языка» С.П. Обнорского и С.Г. Бархударова (в словаре; ч. I, изд. 2-е, М., 1952), в «Хрестоматии по древней русской литературе» Н.К. Гудзия (изд. 5-е, М., 1952, с. 217, в сноске 2). «Хрестоматийное толкование» отражено и в переводе Н.С. Чаева (см. «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472». Изд-во АН СССР. М.–Л., 1948, 56), а также в польском переводе «Хождения» Афанасия Никитина, изданном без параллельного русского текста в составе серии «Biblioteka narodowa» профессором Виктором Якубовским. Основания для «хрестоматийного» толкования *болкать* "сильный" мне остаются пока неизвестными и требуют своей актуализации» [Добродомов, 1979, 82–90]. И далее: «...загадочное прилагательное *болкать* еще ждет своего толкования, которое, вероятно, возможно сейчас, по-видимому, лишь на основе дополнительных этимологических разысканий при использовании новых материалов» [Добродомов, 1979, 82–90].

Толкование *Балказен* из компонентов тур. *balkan* "цепь крутых лесистых гор" [Мурзаев, 1998] и др.-тюрк. *азык* (*азук*) "провиант, продовольствие" [И.М. Миргалеев, 2001, 186–188] представляется еще менее убедительным.

Для анализа топонимов, называющих **ойконимы**, кроме упомянутого словаря М.Т. Янко, нами были привлечены источники: «Список населённых пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь–февраль 1923 года)» [Населенные пункты Донбасса, 1924, VI] и географические словари-справочники Николаевской области [Заболотный и др., 1996]. Очевидно, что реальное количество проанализированных ойконимов могло бы быть больше, но не все они сохранили подлежащие идентификации топокомпоненты.

Максимальное количество тюркских ойконимов было сконцентрировано на правобережной части Побужья, поскольку в районе Нижнего Буга в течение длительного времени (с XIV в. и до конца XVIII в.) формировалась система расселения, закрепленная тюркскими ойконимами. Из-за масштабных

переименований тюркских населенных пунктов, особенно в 1947 г., они практически исчезли на географических картах и остаточно сохранились лишь в гидронимии: *Аджамка* (село, номинирующее гидроним) *Айдар* (село, номинация по гидрониму), *Ингулец* (местность, номинация по гидрониму), *Клебань-Бик* (село, номинация по гидрониму), *Каланчак* (село, номинация по гидрониму), *Тузли* (село, номинация по гидрониму), *Татарбунари* (город, номинация по гидрониму).

Отдельно можно отметить ойконим *Балта*. Мурзаев связывает этот топоним только с семьей воды, что кажется нам не вполне обоснованным, поскольку все приведённые им в качестве примеров местности находятся в непосредственной близости от водных объектов. См.: *Балта Нижнего Дуная*, *Браиловская Балта*, *Яломицкая Балта* в дельте Дуная, *Балта* в Одесской и Новосибирской обл.; н.п. *Балтос*, *Балтетси* в Греции; оз. *Балта Сухая* в Румынии. Отсюда выведение этимона: «Молд. *балтэ* – "болото"; румын. *balta* – "болото, озеро, пруд"; алб. *balte* – "топь", "болото"; итал. диал. *balta* – "грязь"; гр. *валтос* – "болото"; гагауз, *балта* – "болото, низина, неудобная для земледелия". В болг. диалектах отмечена и форма *балта* – "болото" как заимствование из рум., куда слово вошло из староболг. [Григорян, 1975]. Ср. литов. *bala* – "грязь, лужа, болото", *baltas* – "белый"; латв. *bala* – "болото, мокрое глинистое место"» [Мурзаев, 1998, 5].

В стороне оказываются ойконимы (довольно многочисленные), возникшие на месте древних тюркских крепостей и военных редутов и в явном отдалении от крупных источников воды. В словаре М.Т. Янко мы находим следующее описание ойконима *Балта*: «*Балта* – місто, районний центр Одеської обл. Розташоване на р. Кодима (басейн Південного Бугу). Відоме з XVI ст. як торговий і ремісничий центр, що виник біля заснованої турками і кримськими татарами фортеці Балти. 1690–1695 років, після завоювання цієї місцевості Польщею, магнат Юзеф Любомирський побудував на високому лівому березі р. Кодима фортецю, навколо якої виросло поселення під назвою Юзефград. Згодом була відновлена стара назва. Вона походить з молдавського «болото», запозичене зі слов'янських мов. Справді, правий берег р. Кодима має низовину, болотисту заплаву». Очевидно, что в данном случае номинационная тенденция должна была идти по другому пути, а

точнее: *балта* – "топор с узким лезвием", заимствовано из тюрк. Ср. тур. *balta* "топор", уйг. *baltu* в работах немецких исследователей Ф.К. Миклошича, А. фон Габен и др. [Микл, 1886]. Поэтому утверждение Янко о том, что «тлумачення з турецького «сокира» в означенні топоніма «місце, розчищене від лісу» мало ймовірно, не наукове» [Янко, 1998, 31], кажется нам недостаточно убедительным.

Тюркское происхождение топонима подтверждается наличием тождественных наименований в нескольких регионах Турции, которые также связаны с размещением в данных местах древних крепостей. См.: *Balta*, провинция Ризе, *Balta-Liman*, село на европейском берегу Босфора, между Константинополем и Буюкдере. См. также название караимского кладбища *Балта-Тиймез* в Крыму, которое традиционно толкуется как «топор не коснётся». Дело в том, что данное место не только являлось погребальным, но и выполняло иные ритуальные функции: там произрастал редкий вид дубов, который считался священным и не подлежал вырубке.

В целом, номинационная тенденция ойконимии данного региона реализовывалась следующими способами:

1. Мотивирующими выступают названия перенесённых ойконимов: *Уразова* (река, название принесли переселенцы из Воронежской области) > *Уразовка* (возможно, по гидрониму или одновременное наименование).

2. Мотивирующими выступают перенесённые ойконимы, к которым добавляются определители, выполняющие роль словообразовательных формантов: *Айдар* > *Новоайдар*; *Аджамка* > *Пикинерская Аджамка*.

3. Мотивирующими выступают сочетания с тюркским географическим термином: *tatar + bunar* «источник» > *Татарбунари*.

4. Мотивирующим выступает местный гидроним: *Аджамка* (река) > *Аджамка* (село), *Айдар* (река) > *Айдар* (село), *Ингулец* (река) > *Ингулец* (местность), *Клебань-Бик* (река) > *Клебан-Бик* (село), *Каланчак* (река) > *Каланчак* (село), *Тузли* (озеро) > *Тузли* (село), *Татарбунари* (река) > *Таранбури* (город).

Таким образом, анализ собранного топонимического материала позволяет сделать вывод о том, что тюркско-русское взаимодействие в данной зоне в большей степени происходит в гидронимии, на уровне средних и мелких водных объектов. Малые водные объекты, имеющие славянское происхождение, являются более поздними. Основными направлениями тюркско-русского взаимодействия в топонимии является метафорический перенос на основе сходства внешних признаков объектов при образовании гидронимов и оронимов и метонимический перенос по модели «гидроним → ороним / ойконим», т.е. при наименовании форм поверхности и населённых пунктов гидронимы часто выступают в роли мотиваторов.

3. Крымскотатарско-русская топонимическая зона.

В русских письменных документах конца XVIII – начала XX века Крымский полуостров именовался также как Таврика, (Таврида, Таврия) – страна тавров), отсюда название Таврической губернии, в которую вошёл Крым в результате русско-турецких войн второй половины XVIII века.

Обособление данного региона в нашем исследовании связано со спецификой крымскотатарско-русского языкового взаимодействия, которое, по мнению многих исследователей (среди них – А.Н. Гаркавец, А.М. Меметов, У. Куркчи, А.М. Эмирова), отличается от других билингвальных моделей. Профессор, специалист в области крымскотатарского языка Адиле Эмирова пишет по этому поводу: «Феномен крымскотатарско-русской интерференции отличается от классической модели, при которой <...> только во втором (заимствованном) языке наблюдаются отклонения на разных уровнях языковой системы. Крымскотатарско-русская интерференция представляет собой качественно иной социолингвистический феномен: на разных этапах взаимодействия данных языков вектор интерференции и её динамика перманентно изменялись» [Эмирова, 2008, 45]. Всё сказанное применимо к топонимии, которая отразила поэтапное формирование топонимических моделей и изменение топонимических единиц на всех уровнях языка.

Особенности крымских топонимов с компонентами тюркского происхождения находятся в прямой связи с диалектными особенностями областей распространения, с одной стороны, и со спецификой принимающего славянского языка, с другой.

В этой связи интересно мнение В.Е. Возгрин, который пишет о том, «...выгодное географическое положение, благодатный климат, плодородные почвы, богатство животного и растительного мира как магнитом притягивали переселенцев, волна за волной устремлявшихся в Крым со всех четырёх сторон света. Почти полная изолированность полуострова от соседних территорий также содействовала превращению его в уникальный тигель, где, плавясь, смешивались не единицы – десятки этносов, недаром его называют «концентрированным Средиземноморьем» [Возгрин, 1992].

Топонимическое языковое взаимодействие данной зоны представлено всеми типами топонимов и на всех уровнях языка. Тюркский компонент особенно активно прослеживается в оронимии и ойконимии региона.

Выборка из украиноязычного топонимического словаря М.Т. Янко дала 83 тюркско-славянские лексемы, из которых гидронимов – 30, оронимов – 48, а ойконимов всего 5, что, является достаточно показательным, но, к сожалению, никак не отражает состояния топонимической системы Крыма и особенностей её исторического развития в плане наименований населённых пунктов. Многие учёные сходятся во мнении, что тюркская ойконимия сложна для изучения и во многом уникальна благодаря своей этнонимичности. Кроме того, «... в результате топонимической метонимии названия многих крымских деревень (этноойконимы) перешли на реки (*Аранчи, Аратук, Бадрак, Бельбек, Бештерек, Боранчи, Бурчек, Джарылгачь, Ички-Джолман, Джума, Кабарта, Калму-Кара, Кангыл, Кача, Каралар, Каралез, Катырлез, Баиш-Киргиз, Контуган, Салгир, Салын-(Узень), Самарчик, Тайган, Темеш, Чоргун (Чёрная), Чуюнчи*), и озера (*Актачинское, Бакальское, Джарылгачь, Карач, Качик, Керлеутское, Киятское, Кондратское, Мончак, Кырк, Пусурманское, Сакское, Узунларское, или Акташ-Алчин, Сунакское, или Чонгарское*)» [Бушаков, 1991, 218], что представляется не

слишком распространённым явлением в топонимии, обычно в номинации наблюдается обратный процесс: водоём → населённый пункт. На это обратил внимание еще академик П.И. Кеппен в 1837 году.

Для более полного освещения проблемы нами были привлечены другие историографические и картографические источники, научные работы и топонимические обзоры.

Перечень **гидронимов** в украиноязычном словаре М.Т. Янко является достаточно полным и, на наш взгляд, объективным. Выделены единицы: *Аджігол* (*Аджі-Голь*), *Айгульське озеро*, *Актаське озеро*, *Алібей*, *Ачи*, *Аші-Голь*, *Аян*, *Аян-Дере* (*Узень*), *Біюк-Дере*, *Байдарка* (*Байдар*), *Бельбек*, *Булганак*, *Велика Карасівка* (*Біюк-Карасу*), *Великий Кипчак*, *Джур-Джур* (*Кремасто-Неро*), *Донузлав*, *Карань-Узень*, *Кача*, *Качик*, *Кизилтаський Струмок* (*Кизил-Таши*), *Кизил-Яр*, *Мелек-Чесме*, *Салгир* (*Баба-Салгир*), *Сарису*, *Тобечиське озеро*, *Улу-Узень*, *Фундукли*, *Янгул*, *Ярилгач*.

Номинационные тенденции во многом сходны с рассмотренными выше (см. параграф 2 главы 1), различия касаются лишь степени их интенсивности. Так, В.А. Бушаков отмечает, что фонетические и словообразовательные модификации сочетаний с родовыми терминами *су* (вода, река), *голь* (озеро), *узень* (река, долина), *чокрак* (ключ, источник) часто являются мотиваторами гидронимов: *Аджи-Голь*, *Аччи-Голь* от тур. *acı* "острый, горький" и тур. *göl* "озеро" [Радлов II, 1267] > *Аджигол*; *Бьюк-Карасу* из тур., тат. *büyük* "большой" и из тур., тат. *kara* "черный", *su* "вода" > *Большая Карасу* > *Большая Карасёвка*; *Карань-Узень* из тюрк. *karan* "мрак, темнота" > *Карань-Узень*; *Сары-Су* из тур., тат. *sary* "желтый" [Радлов IV, 319] > *Сарису*; *Улу-Узень* из тур., кыпч. *ulu* "большой" [Радлов I, 1692] > *Улу-Узень*, *Ени-Голь* из тюрк.: ср. тур. *jäni*, чагат., кр.-тат. *jäni* "новый", алт., тел., уйг. *jaŋu* [Радлов III, 60; 323; 329] > *Ян-Голь* > *Янгул*.

В гидронимии Крыма практически не встречается прямого калькирования, однако интересны случаи «ложного калькирования»: *Бьюк-Карасу* > *Большая Карасу* > *Большая Карасёвка*; *Чоргун*, возможно, от тюрк. родо-племенного названия *чонгар* "каракалпаки" (отд. *жауныр* арыса конграт, название которого

совпадает с термином *джаунгыр* "левая рука, левое крыло войска", как указывает Т.А. Жданко [Жданко, 1950, 91]) > *Чёрная*.

Мотивирующим словом выступают исходные названия, т.е. изначально перенесенные топонимы, к которым добавляются определители *большой, великий*, выполняющие роль словообразовательных формантов: *Карасёвка* > *Большая Карасёвка*; *Кыпчак* > *Великий (Большой) Кыпчак*.

Достаточно активны в составе топонимических сочетаний тюрко-русские гибриды с определительным значением: *озеро Айгуль* > *Айгульское озеро*; *озеро Акташ* > *Акташское озеро*; *ручей Кизил-Таш* > *Кизилташский ручей*, *Кизилташский струмок*; *озеро Тобечик* > *Тобечикское озеро*.

Отдельного рассмотрения, по нашему мнению, требуют некоторые из номинаций.

Гидроним *Янгул* по словарю М.Т. Янко определяется как гибридный: «Найбільш вірогідна, яка вказує на утворення її від татарського "обабіч, сторона, збоку" і "вода, озеро". Дослівно: "озеро обабіч" (поблизу Сиваша)» [Янко, 1998, 138]. На наш взгляд, ближе здесь фонетически модифицированный тюрк. определитель *jāni/jāŋi* "новый" и общее значение «новое, вновь возникшее озеро». Это подтверждается характером образования и функционирования озера (лиманное, бессточное; часто лиманные озёра являются следствием опускания береговой полосы, при полном отделении от моря возникают лиманные озёра; бессточные озёра не имеют поверхностного стока или подземного соединения с соседними водоемами, т.е. являются «внезапно» возникшими и автономно функционирующими).

Гидроним (бухта и озеро) *Ярылгач* по словарю М.Т. Янко квалифицируется как оттюркское образование: «Назва від тюркського "порятунок, визволення, перемога, торжество" [Янко, 1998, 190]. А.В. Бушаков, проводя параллели с другими сходными номинациями, предполагает его ногайское происхождение и фонетическое славянское влияние, а также уточняет семантику в соответствии с кр.-тат. традициями: «*Ярылгач* ~ *Джарылгачь* [Евпаторийский уезд] (*Чарылгачь* в сп. 1783 г.; здесь же речка *Джарылгач*, впадающая в одноименное озеро, и бухта *Ярылгач* [БСАМ. К. 54; СГУ, 169]) совпадает с названием острова *Джарылгач* (ногайский топоним?),

который расположен напротив, в Каркинитском заливе», – каз. личное имя *Жарылгас*; крым. *ярылгач* "помилование, спасение, избавление; благополучие"» [Бушаков, 1991, 104].

Некоторые из гидронимов, по нашему мнению, мотивируются тюркскими глаголами, образуя омонимичные группы. Так, номинации *Кача* и *Качик*, очевидно, следует выводить из тюрк., ср.: тур., азерб., *каçак* "бегство, побег", чагат. *каçау* "бегство"; происходят от *каç-* "бегать" [Радлов II, 333], т.е. возможно толкование названия как «бегущая», что вполне объяснимо характером течения реки. То же мы обнаруживаем и в турецкой гидронимии: р., с. *Каçık köyü* около г. *Bolu*, пров. *Mudurnu*. Гидроним *Кача* мотивирует позже образованный ойконим, см. у Янко: «...селище міського типу (колишнє Олександро-Михайлівськ), підпорядковане Севастопольській міськраді АРК. Засноване 1912 року. Розташоване на південно-західному узбережжі Кримського п-ова, неподалік від гирла р. *Кача*, від якої й одержало назву. Остання, імовірно, походить від тюркського «кочовище, місце проживання кочових народів» [Янко, 1998, 150]. И здесь мы согласны с мнением М.Т. Янко, который считает маловероятным происхождение ойконима от личного имени: «За іншим тлумаченням, назву Кача виводять від імені *Кача*, *Качі*, що менш вірогідно» [Янко, 1998, 150].

Есть также этнонимный компонент *качи*, который довольно часто встречается в тюркской ойконимии. И здесь возникает вопрос об идентичности рассмотренного выше компонента гидронима и компонента ойконима *качи*. Бушаков вслед за И.Н. Лезиной и А.В. Суперанской сопоставляет *Качи-Кальён* с киргизским родо-племенным названием *качы* (подразделение рода *талкан* племени *солто*) [Лесина и др., 1994, 84] и предполагает этнонимное происхождение топонимов данной группы. На наш взгляд, это не что иное, как звуковое совпадение лексем разных групп, что подтверждается и особенностями миграции народности *качи*, которая не предполагает достаточно длительного нахождения в данной местности, обязательного для формирования названия географических объектов. См.: «...*качи* – «волжские татары (ойк. *Качиево* ~ *Казыева* в Свияжеском уезде [Чернышев, 1971, 290], *Кэче иле* (*Качелино*) в Арском р-не Татарии и *Кэчи* (*Качеево*) в

Алексиевском р-не на правом берегу Волги, сопоставленные Г.Ф. Саттаровым [Саттаров, 1977, 34] и Г.В. Юсуповым [1971, 227–228] с этн. *качинцы*; азербайджанцы (ойконим монгольского происхождения *Хачиндорбетлы* в Агдамском р-не Азербайджана [Гейбуллаев, 1981, 75], гидр. *Хачин-Чай* [БСАМ. К. 111]), киргизы (подразд. *качы* рода Алкан пл. *солто*, *качыбек* рода *баргы* пл. *адигине* [Абрамзон, 1960], этноантропонимы кирг. *Качы*, *Качын*, *Качыбек*, алт. *Качы*, *Качын* [Орузбаева, 1985]), эвенки (род *качин* ~ *качит* [Василевич, 1958, 579; 1969, 269]), монголы (род *хачид* в Цэцэн-ханском и Тушету-ханском аймаках [Пэрлээ, 1975, 214, 216, 219], род *хачин* западномонгольского происхождения в составе онгонских хамниган [Дамдинов, 1975, 151])» [Бушаков, 1991, 47]. Хотя мы согласны с мнением В.А. Бушакова в той части исследования, которая касается этноойконимии Крыма: «Особую группу в ряду этноойконимов Крыма образуют ойконимы, в которых отражены имена так называемых «священных» племен: *качи*, *кулач*, *ташлы*, *чуюнчи*, *сеит*, *ходжа* и *шейх*. *Сеит*, *ходжа* и *шейх* известны также у ногайцев, туркменов, узбеков и казахов» [Бушаков, 1991, 211–215, 219].

Возможно антропонимное происхождение гидронима *Мелек-Чесме*, который, согласно словарю Янко, мотивируется как название от тюркских "ангел" и "источник" [Янко, 1998, 198], то есть «ангельский источник». Вообще в тюркской топонимии лексема *mālik* редко употребляется в значении "ангел". Чаще формируется значение, характеризующее высшую степень проявления признака, см.: из тур., чагат., уйг. *mālik* "царь, князь", которое объясняют из арабского [Радлов IV, 2100], т.е. в данном случае "царский источник", источник, характеризующийся высоким качеством воды. Либо, если мотивируется тюркским именем личным Мелик, «источник Мелика».

Среди **оронимов** Крыма к наиболее крупным (по словарю Янко) относятся: *Ак-Кая*, *Акмонайський перешийок*, *Алчак-Кая*, *Ат-Баиш*, *Аюдаг*, *Біюк-Бузлук-Коба*, *Байдарські ворота*, *Бал-Кая*, *Беденекир*, *Бешикетне*, *Беши-Кош*, *Бузлук-Коба* (*Льодова печера*, *пещера*), *Демір-Капу*, *Еклизі-Бурун*, *Ескі-Богаз*, *Ескі-Кермен*, *Ечки-даг* (*Козина гора*), *Єнікале*, *Карагач*, *Карадаг*, *Кара-Кал*, *Кара-Тау*, *Кемаль-Егерек*, *Киз(Кизил)-*

Аул, Кизил-Кая, Кизил-Коба, Кійк-Коба (Кийикин Кобаси), Комиш-Бурун, Кош-Коба, Кучук-Ламбатський хаос, Нікітська яйла, Перчем-оба, Роман-Кош, Сагин-Дере, Сари-Булат, Сигин-дере, Таракташ, Туш-Оба, Харанлих-Коба, Хир, Хоба-Тепе, Чамни-Бурун, Чатирдаг, Шайтан-Коба, Шайтан-Мердвен, Шан-Кая, Яйла (Джсайляу).

В качестве родовых терминов здесь выступают *кая* (скала), *даг* и *тау* (гора), *дере* (ущелье), *коба* (пещера), *бурун* (мыс), *тепе* (равнина), *капу* (ворота, проход). В некоторых случаях сами термины подвергаются модификации, но в большинстве вполне узнаваемы и поддаются этимологизации: *Ак-Кая, Эчки-Даг, Кара-Тау, Сагин-Дере, Кизил-Коба, Эклизи-Бурун, Хоба-Тепе, Демир-Капу* и пр.

Проблемы толкования возникают в тех случаях, когда оронимы называют объекты, изначально относящиеся к другим классам топонимов, либо подвергались значительным деформациям.

Топоним *Алчак-Кая* в словаре Янко толкуется так: «Назва від тюркського «низький» і «скеля» [Янко, 1998, 23]. С этим можно согласиться, но с одной оговоркой: в тюркских языках слово *алчак* обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией "низкий, подлый", поэтому номинация оронима, очевидно, связана не столько с высотой горного объекта, сколько с опасностью прохождения по нему, и вполне вероятно толкование *Алчак-Кая* как «опасная гора», «гора, сулящая опасности».

Топоним *Беш-Кош* по словарю Янко толкуется: «Назва від тюркського «п'ять» і «притулок», «пристановище, місце стоянки» [Янко, 1998, 40]. Это подтверждается данными словарей Фасмера и Радлова: заимствовано из тюрк. *bäŝ* "пять" и см. кирг. *koŝ* "войлочная палатка, юрта", башк. *koŝ* "шалаш", тур. *koŝ* "стадо" [Радлов II, 635], ср. также балкар. *koŝ* "стоянка, молочная ферма, молочное хозяйство" [KSz 15, 239]. То есть, действительно, такая номинация могла возникнуть для обозначения места стоянки, или лагеря, или поселения кочевников в значении «пять селений». Ср.: *Ногай-Кош Кош-Агачи* (Алтай), *Кош-Дебе* (Киргизия). Однако в данном случае речь идёт о возвышенности с характерным ландшафтом, и предположить наличие на ней именно пяти «молочных ферм», «стад» и просто стационарных поселений представляется

довольно затруднительным. Поэтому целесообразно предположить либо иное значение компонентов ойконима, либо иные аллелитивы. Учитывая характер передвижения тюркских кочевых племен на данной территории, рискуем предположить, что в основе данного ойконима лежит этноним *беш-кой*, подвергшийся трансформации: «*беш-кой* – узбеки (род *беш-куи* пл. юз)» [Бушаков, 1991, 17–18, со ссылкой на Туйчиева, 1989, 42]. Вполне возможно и метафорическое наименование местности, пришедшее в тюркские языки из персидского: "подарок", терск. [РФВ 44, 87], из тур. *päškäš* "подарок" [Радлов IV, 1258] или его соответствия в каком-либо тюрк. диалекте, или непосредственно из перс. *pīškäs* [Радлов IV, 1258]. См. также в тюркско-болгарской топонимии: с. *Pasmakli* > *Pasmakli* (совр. Раскаяние, Княжеско, местность Стара Загора, Болгария) [Асароğlu, 2006, 816].

Маловероятным кажется нам и толкование оронима *Бешкетне*, который мотивируется в современной литературе по аналогии с предыдущим топонимом. См. по словарю М.Т. Янко: «Назва від татарського «п'ять» і «корито». Треба думати, тут були розташовані корита для напування худоби» [Янко, 1998, 39]. Нам ближе происхождение этого топонима от этнонима *бек-котан* – родо-племенного наименования некоей тюркской народности. В исследовании В.А. Бушакова мы находим подробный перечень трансформаций этнонима и попытки идентифицировать его родо-племенную принадлежность: «...*бек-котан* – башкиры (пл. *бикатин* [Кузеев, 1974, 220, 242]), казахи (легендарный предок всех казахов *Котан* [Востров, Муқанов, 1967, 60]), ср.: *Котан-нойон* из пл. кингит в войске Джучи [Рашид-ад-дин, 1952, I, 177; Тизенгаузен, 1941, 30]; *нойон Хунан*, стоявший во главе племени генигес, или *генигес-хунан*, в «Сокровенном сказании» [Козин, 1941, 107, 158, 163, 176]), узбеки (ойк. *Бей-Котан* в Сурхан-Дарьинском округе [БСАМ, К, 119–120]), половцы (племя *котян*, по ан-Нувайри, или *кунун*, по ибн-Халдуну [Тизенгаузен, 1884, 540–542], эпонимом которого был хан *Котян* (*Кутен* венгерских хроник) [Голубовский, 1884, 733], киргизы (подразд. *котон* пл. солто и чекир саяк [Абрамзон, 1960]). Ср. монг. *хотон(г)* "туркестанец", *хот* "город"; *хотón* "группа юрт; стойбище, выгон для скота",

крым. *къотан*, ног. *котан* "скотный двор, загон для скота, сарай", пушту *kot* ~ *kotān* "длинный подвал, куда кочевники помещают ягнят зимой"; хант. *kātan* "татарин" [Терешкин, 1981, 158]» [Бушаков, 1991, 17–18]. Возможно, отсюда появление в вост.-укр. диалектах лексемы *бешкет* в значении "хитрость, обман", Радлов ссылается в идентификации этой лексемы на Потевню [РФВ I, 264] и предполагает заимствование из нем. *Beschiss* "обман, хитрость" [Гримм I, 1569], что, на наш взгляд, не может рассматриваться как надежное.

Несколько версий может быть и при этимологизации топонимов *Байтал-Коба* и *Байтал* (пещера и населенный пункт в Крыму), которые выводят из тюрк. *байтал* "дикая молодая/нерожавшая кобылица". См.: «*biye* ног. "кобыла, лошиця" – с. *Бия-Сала*, див. також *beyaz*» [Бушаков, 2003, 126].

Спорность связи подобных топонимов с зоологическим термином предположил еще Э.М. Мурзаев, который писал: «А вот несколько более сложный вопрос. В тюркской оронимии нередко можно встретить, казалось бы, неоправданные названия отдельных вершин или перевалов такого типа: Караайгыр, Бозайгыр, Акбайтал. Что это такое? Почему гора носит название – «черный жеребец», а перевал – «белая молодая кобыла»? Г.К. Конкашпаев остроумно предложил: «Айгыр – жеребец, в составе сложного географического названия приобретает значение – большой». (Словарь казахских географических названий, Алма-Ата, 1963, 134). Такое объяснение подкупает своей логичностью и простотой» [Мурзаев, 1969, 101–104]. И далее: «Но как быть со словом *байтал* в топонимах? В словаре географических названий Киргизии (1962) оно неоднократно упоминается: *Байтал*, *Байтал-Баши*, *Ак-Байтал*, *Ала-Байтал* и т.д. Одновременно встречается и другой вариант: р. Сары-Бия в бассейне Карадарьн. Можно ли во всех случаях считать, что *байтал* соответствует значению «кобыла», а *айгыр* значит – «жеребец»? Мне кажется, что на этот вопрос ответить не просто без специального изучения. Нет ли и в данных примерах народной этимологии? Нельзя ли видеть в *байтал* слово «тал, ива, тальник»? На этот вопрос не берусь ответить. Но противоречия между общепринятыми этимологиями и географическими реалиями налицо» [Мурзаев, 1969, 101–104].

На этом основании можно предположить сложный характер топонима *Байтал*. Первая часть – это заимствование из тур., кр.-тат., азерб., каз., кирг., туркм. *bai* "богатый, хозяин, предводитель, герой" [Радлов IV, 1421]. Вторую часть логично вывести из тюрк. *tala* "степь" [ДТС, 1969, 528], ср. каз. *dala* "степь; поле", кирг. *talā* "степь; поле; долина", монг. *тал* "поле, степь, равнина, открытое пространство", либо *al III (2)* "пространство (место) перед чем-л." [ДТС, 1969, 32], в результате чего общее значение топонима определяется как «владеющий степью/местностью», а вторичное, метафоризированное и ставшее термином – «дикая кобылица». В случае образования от тюрк. *tala* "степь" непонятной является утрата конечного гласного в топониме. Возможно влияние диалектного монг. *тал* с тем же значением. Менее реальной нам кажется связь с глагольной основой *tala-* "грабить", см. по ДТС: **Tala-** "грабить, разорять" [ДТС, 1969, 528].

В этом случае номинация, скорее всего, восходит к этнониму – названию племени, которое обитало в данной местности и занималось разбоем (ср. с тат. *talamak* "грабить" [Микл. ТЕІ. II, 169; Фасмер IV, 15]). По этой модели образуются турецкие номинации, дающие возможность развивать этимологические версии в этом направлении, см., например: р. и руч. *Talan deresi* "грабеж, разорение, набег" (провинция Бурса, Турция), г. *Çal Dağı* "грабь" (Маниса, район Анкары, Турция) от тур *çalmak* "грабить" и гибридные модели: *Baitala* и *Baiçal*.

(Аналогичная модель – *Байкал*, выводимая обычно из тюрк. *baiköl* "богатое озеро"; ср. каз., кирг. *bai* "богатый" (см. выше *бай*) и каз., кирг., алт., тел. *köl* "озеро", тур. *göl* [Радлов II, 1267]. Название связывают с рыбными ресурсами озера: озеро богато редкой породой лососевых рыб, которая вылавливается в больших количествах. Однако Фасмер считает данное толкование недостоверным ввиду монг. *Vaigal* "Байкал" [Фасмер I, 107–108]. И мы разделяем эти сомнения.)

Не исключено и происхождение топонима от одного из племен. См. данные В.А. Бушакова: «...*байоглы* – ногайцы (род *байалы* пл. месит объединение йембойлыкь караногайцев [Баскаков, 1940, 136]), башкиры (род *байулы* пл. бурзян [Кузеев, 1974]), казахов (пок. *байулы* Младшего ж. [Аристов, 1896, 374; Востров, Муқанов, 1967, 81])» [Бушаков, 1991, 13]. Но, по нашему мнению, эту версию

опровергают многочисленные тюркско-болгарские топонимы с компонентами *batal* "непригодный для проживания", *battal* "большой размер" и *batakli* "болотистое место", не имеющие отношения к родо-племенным названиям [Асагоğlu, 2006, 112]. Ср. болгарские топонимы: р. и дол. *Batal-dere* (Баталов дол, около Софии), р. и дол. *Batakli-dere* (Батовска-река, около Варны).

Очевидно, не следует смешивать данный топоним и с топонимом *Байтало* в тюркско-украинской топонимической зоне, имеющим отантропонимный характер (см. пар. 4 данного исследования).

Ойконимия Крыма очень хорошо описана в работах В.А. Бушакова [Бушаков, 1991; 2003]. Это серьёзные, полноценные исследования, охватывающие различные аспекты развития и функционирования тюркской топонимии. В работах Бушакова анализируются многочисленные крымские названия, утраченные в ходе исторического развития региона и не фиксируемые существующими топонимическими словарями (напомним, что в словаре Янко зафиксировано всего 5 крымских ойконимов – *Балаклава*, *Бахчисарай* (*Бахчесарай*, *Бакчесарай*), *Джанкой*, *Ескі-Кермен*, *Кача*, что, конечно, не отражает всей ойконимической картины территории Крыма, которая гораздо шире и многограннее). Для её воссоздания Бушаков привлекает данные Камерального описания Крыма, 1784 г.¹ Анализ этого документа позволяет ему сделать несколько интересных выводов относительно принципов номинации ойконимов данного региона и их структурных особенностей. В частности, большинство ойконимов он считает производными от этнонимов (что расходится с распространенной точкой зрения на эти вопросы) и реконструирует достаточно логичную систему формирования и функционирования тюркской этнонимии. Мы, вслед за Бушаковым, проанализировали все доступные материалы, касающиеся старых названий населённых пунктов Крыма, привлекли данные турецких источников, в частности Турецкого исторического общества [Uydu, 2007]. Это позволило нам сделать

¹ Текст воспроизведён по изданию: Камеральное описание Крыма, 1784 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Том 6. 1888.

некоторые собственные выводы и предположения касательно развития ойконимии региона.

Большинство ойконимов (всего было проанализировано 1411 номинаций) имеют сложную структуру (то есть включают в себя два-три компонента) и обладают ярко выраженной метафоричностью, что является нормой для тюркской топонимии вообще. В плане взаимодействия тюркских и славянских языков наиболее интересными представляются следующие аспекты.

1. В мотивации ойконимов достаточно последовательно реализуется принцип, по Мурзаеву, «топонимической рядности» [Мурзаев и др., 1959, 123], когда ойконимы образуют соотносительные ряды по признакам величины (самая многочисленная группа), времени возникновения, высоте расположения, удалённости друг от друга, количеству жителей и т.п.: а) *büyük/буюк* и *ulu/улу* "большой" и *küçük/кучюк* "малый", *baş/баиш* "главный", *az/аз*, *azğana/азгана* "малый, малочисленный" и *kor/коп* "много, многочисленный", *уйкен* (ног. *уйкен*) "большой" и *kiçkene/кичкене* "малый", деминутив с аффиксом *-çik/ -чик*: *Аджи-Атман*, *Буюк-* и *Ой-Аджи-Атман*, Евпаторийский уезд, ср. *Атман*, Симферопольский уезд, *Аджи-Байчи*, *Буюк-* и *Курт-Бий-Аджи-Байчи*, Евпаторийский уезд, ср. *Дениз-Байчи* и антр. *Байчи Кульке-Хаджий* (1588 г.) [Лашков, 1897, 9], *Буюк-* и *Кучук-Актачи*, Евпаторийский уезд, *Аргин* и *Аргинчик* (*Аргин* и *Аргынджик* в сп. 1783 г.), *Улу-Аргын* и *Аргинчик* в Карасубазарском кайм., *Аргинчик*, Перекопский уезд, *Буюк-Бешаран*, Симферопольский уезд, *Буюк-* и *Кучук-Асс*, Евпаторийский уезд, *Большой* и *Малый Бабчик*, Феодосийский уезд, *Кучук(Кыр)-Байлар*, Перекопский уезд, *Коп-Бешкой*, Феодосийский уезд, *Бея[в]ут* и *Кучук-Беявут* в Карасубазарском кайм., *Буюк-* и *Кучук-Бараиш*, Евпаторийский уезд, *Буюк-Бочала*, Перекопский уезд, *Буюк-* и *Кучук-Бузав*, Евпаторийский уезд, *Буюк-* и *Кучук-Бурчи*, Симферопольский уезд, *Бустерчи* и *Буюк-Бустерчи*, Симферопольский уезд, *Джабу* и *Буюк-Джабу*, Перекопский уезд, *Буюк-* и *Кучук-Джайлак* в Перекопском кайм., *Буюк-* и *Кучук(Кичкине)-Кабан*, Евпаторийский уезд, *Кабач*, Евпаторийский уезд, *Буюк-* и *Кучук-Кабач*, Перекопский уезд, *Буюк(Ашага)-*, *Орта-Кисек-* и *Юхары-Каралез*,

Симферопольский уезд; б) *уепі/енъи ~ уангі/янъы ~ сангі/джанъы* "новый": *Алчин* и *Дженелчин*, Феодосийский уезд, *Ени(Яни)-Кипчак*, Перекопский уезд, *Яни-Мангит*, Перекопский уезд (*Ени-Мангит* в сп. 1783 г.), *Мин* и *Джанимин ~ Ени-Бин ~ Енимин* [Лашков, 1897, 54, 56], Перекопский уезд, *Ени-Найман* в Карасубазарском кайм.; в) *аşağa/ашагъа ~ ашағи/ашагъы* "нижний", *орта/орта* "средний" и *уикари/юкъары* "верхний": *Ашага-*, *Орта-Кисек-* и *Юкары-Айтуган*, Феодосийский уезд, *Ашага-*, *Орта-* и *Юкары-Бак-сан*, Симферопольский уезд, *Вейрат-[Ашага]*, *Вейрат-[Орта]-* и *Вейрат-Юкары* в Акмечетском кайм., *Даур* и *Ашага-Кисек-Даур*, Симферопольский уезд, и др.

В поздних номинациях принцип «топонимической рядности» сохраняется, но тюркские определители заменяются славянскими: *Большой* и *Малый Бабчик*; *Старый* и *Новый Еникой* и под.

2. Достаточно чётко в мотивации ойконимов прослеживается её этноориентированный характер; по свидетельству Бушакова, «...в крымской этноойконимии отражено более трехсот родо-племенных названий, имеющих соответствия в этнонимии других народов. Каждое из этих названий обычно представлено несколькими ойконимами: *кипчак* – 27 ойконимами, *кият* – 26, *конрат* – 19, *найман* – 17, *китай* и *мин* – 15, *ишунь ~ уйшунь*, *киргиз*, *кырк* и *тама* – 13, *бочала* – 12, *кенеgez* – 11, *кары* – 10, *керлеут* – 9, *алчин*, *асс*, *бешевли ~ бешуйлы*, *келечи* и *шибан* – 8, *вейрат ~ ойрат* и *кирей* – 7, *меркит* – 6, *аргын*, *барач*, *джайчи*, *иляк ~ лак*, *ички*, *канлы* и *седжеут* – 5, *аблан*, *адаргин*, *барын*, *бесит ~ месит*, *джабу*, *джанай*, *джурчи*, *карангит*, *мангит*, *салын* и *токсоба* – 4, *алачь*, *бадрак*, *байлар*, *буйтень*, *бурчи*, *джабанак ~ джаманак* – 3, *баяут*, *бурлак*, *джабачь*, *джалаир*, *джоргун ~ чоргун*, *дулат*, *каратаяк*, *катаган*, *кереит*, *самарчик* и *унгут* – 2. Многие тюрко-монгольские этнонимы представлены лишь одним крымским этноойконимом: *аранчи*, *байдар*, *баурчи*, *биченак*, *буркут*, *джадра*, *джурат*, *джайтамгалы*, *джаминчи*, *джарджава*, *иргаклы*, *иргиз*, *киган*, *маджар*, *мангуш*, *орманчи*, *са(в)урчи*, *сарык*, *суран*, *табун*, *теит*, *туркмен*, *унгар*, *чюют*, *ширин* и др.» [Бушаков, 1991, 70–71].

Эти последние этнонимы ввиду своей малораспространенности часто подвергаются переосмыслению на славянской почве, создавая базу для ложного калькирования и появления «деформированных топонимов»: *Буркут* > *Беркут*, *Джадра* > *Выдра*.

3. В качестве мотивирующего выступает гидроним или гидронимный термин: *baş/баиш* исток, верховье реки (*Узенбаиш*, *Биюк-* и *Кучук-Узенбаиш*, Ялтинский уезд); *köl-göl/голь* "озеро" (*Кара-Голь*, Феодосийский уезд); *киуи/кую* "колодец" (*Джаркую*, Перекопский уезд, *Кара-Кую*, Феодосийский уезд); *özön-üzön-üzän-özen/узен* "река" (*Улу-Узень* и *Кучук-Узень*, Ялтинский уезд); *си(v)/су(в)* "вода, родник, река" (*Алсу*, Ялтинский уезд, *Бийсу*, Перекопский уезд, *Курлюк-Су*, Симферопольский уезд, *Суук-Су*, Феодосийский уезд); *tatak/тамак* "устье" (*Тамак*, Феодосийский уезд); *çeşte/чешме* "родник" (*Чешмезы*, Симферопольский уезд) и *çokrak/чокъракъ* "родник, источник" (*Кашка-Чокрак*, Феодосийский уезд).

4. В качестве мотивирующего выступает ороним или оронимный термин: *birgin/бурун*, "мыс" (*Килбурун*, Симферопольский уезд); *dağ/дагъ*, *tav/тав* "гора, лес" (*Дагели* ~ *Тавель* и *Яшдаг* ~ *Яшлав*, Симферопольский уезд); *dere/дере* "ущелье" (*Дерекой*, Ялтинский уезд); *кауа/къая* "скала" (*Вигла-Каясы*, Ялтинский уезд); *qoba/къоба* "пещера" (*Аргин-Каракоба*, Феодосийский уезд); *оба/оба* "холм, могила" (*Куль-Оба*, Феодосийский уезд); *otar/отар* "пастбище, луг" (*Фондыклы-Отар*, Симферопольский уезд); *taş/таиш* "камень, скала" (*Айтаиш*, Перекопский уезд, *Ак-Таиш*, Феодосийский уезд, Ялтинский уезд, *Бакатаиш*, Феодосийский уезд, *Кабактаиш*, Феодосийский уезд, *Тарактаиш*, Феодосийский уезд); *tere/тене* "холм" (*Гюзель-Тене* и *Караул-Тене*, Ялтинский уезд); *toğay/тогъай* "луг" (*Кен-Тогай*, Симферопольский уезд); *çukur/чукъур* "впадина, яма" (*Чокурча*, Симферопольский уезд, *Чукурлак*, Ялтинский уезд); *yar/яр*, "обрыв, крутой берег" (*Акъяр*, Перекопский уезд) [Бушаков, 1991, 62].

5. В качестве мотивирующего выступает термин хозяйственной деятельности: *bağ/багъ* "сад, виноградник" (*Кара-Баг* и *Конурбаг*, Ялтинский уезд); *bağsa/багъча*, *bahçe/бахче* "сад" (*Дере-Багча*, *Конурбаиши-Багча* и *Науката-Багча*, Ялтинский уезд); *bazar/базар* "базар, рынок" (*Таушан-Базар* и *Карасу-*

Базар, Симферопольский уезд); *değirmen/дегъирмен* "мельница" (*Дегирмен*, Ялтинский уезд); *qurulu/къурулу* "небольшие участки, на которых мелкие собственники разводили сады и виноградники и вообще занимались домоводством" [Хартахай, 1866, 235; Лашков, 1897, 100] (*Курулу*, Евпаторийский уезд, Феодосийский уезд); *tuzla/тузла* "солеварня" (*Тузла*, Евпаторийский уезд, Перекопский уезд, *Тузла-Шейх-Эли*, Феодосийский уезд).

6. В качестве мотивирующего выступает термин, обозначающий дом, жилище, поселение, укрепление, культовое сооружение: *ev/эв*, *уу/уй* "дом" (*Бешев* (огуз.) / *Бешуй* (кыпч.), Симферопольский уезд, Феодосийский уезд); *saray/sарай* "дворец" (*Дам-Сарай*, *Джин-Сарай*, *Енипын-Сарай* и *Тахта-Сарай*, Ялтинский уезд, *Тобен-Сарай*, Феодосийский уезд); *avul/авул* "аул" (*Баиш-Аул*, *Каз-Аул* и *Орта-Аул*, Феодосийский уезд); *köу/кой*, *sala/сала* и *el/эль* "деревня, село"; *saуlaq/джайлакъ* и *уауlav/яйлав* "летовка"; *kışlaq/кышлакъ* и *kışlav/кышлав* "зимовье" (*Джайлав*, Евпаторийский уезд, Феодосийский уезд, *Кышлав*, Феодосийский уезд); *otar/отар* "хутор" (несколько деревень *Отар*, Евпаторийский уезд, Перекопский уезд, Симферопольский уезд, и *Отарчик*, Евпаторийский уезд, Перекопский уезд); *yurt/юрт* "дом, селение" (*Орта-Юрт*, Феодосийский уезд); *kermen-germen/кермен* "крепость" (*Мангун-Кале*, *Чуфут-Кале*, *Костель* Евпаторийский уезд, Перекопский уезд, *Костель-Серафимовская*, Ялтинский уезд, *Инкерман*); *ordu/орду* "военный лагерь"; *mescit/месчит* "мечеть" (*Ак-Мечеть* – Симферополь, *Ак-Мечеть* Евпаторийский уезд); *текке*, тур. *tekke* "обитель дервишей" (*Ирак-Текье* в Кефинском кадылаке) [Бушаков, 1991, 63].

Отдельно хочется остановиться на ойкониме *Балаклава*, который достаточно хорошо освещен в русских и турецких источниках, но оставляет некоторые вопросы ввиду сложности своего исторического становления.

Нужно сказать, что в Турции часто встречаются топонимы со словом *balık* "рыба": *Balıkalan* (Gaziantep), *Balıkbaşı* (Muğla), *Balıkçı* (Trabzon), *Balıkçılar* (Rize), *Balıkköy* (Aydın), *Balıkli* (Amasya, Balıkesir, İstanbul, Giresun, Ordu), *Balıklidere* (Balıkesir), *Balıkhova* (İzmir), *Balıklisu* (Giresun), *Balıkpazar* (Bursa), *Akbalık* (Kocaeli), *Balıklava* (Konya). Поэтому неудивительным является и его появление в

ойконимии Крыма (*Балаклава* – населённый пункт, расположенный на юго-западном побережье).

Balıklava в турецком языке обозначает место, богатое рыбой, в озерах, реках и морях [НДТ, 1966]. М. Фасмер, В.А. Никонов и Лайош Кисс пишут о том, что слово *balıklava* имеет тюркские корни и заимствовано из тюркских языков. Но никто из этих ученых не рассматривает это слово морфологически и не описывает его структуру. Такую попытку делает Н.А. Баскаков, который пишет, что слово *balıklava* заимствовано из ногайского языка. *Balık* – рыба и *awlaw* – рыбалка = *balık awlaw* > *balık(aw)law*. Но, по нашему мнению, согласиться с его подходом очень трудно, так как использование топонима со значением «рыбалка» не характерно для тюркских языков и не свойственно тюркским народам. Это убедительно доказывает турецкий лингвист Хасан Эрен (Hasan Eren) в работе «О наших географических названиях» (2010) [Eren, 2010, 29].

В частности, Эрен говорит о том, что в настоящее время компонент *balıklava* остался только в диалектах, и приводит в качестве примера материал из словаря народных диалектов Турции [НДТ, 1965, 2]. Там даются номинации *Balıklağı* (город Конья) и *Balık kulağı* (город Сивас) и их этимологизация через тюрк. диалектное *kulak* "яма, где собирается вода после дождя и наводнения, водоносный пласт, бухта". Кроме этого, в некоторых местных говорах *kulak* обозначается место, куда сливается вода из рек или озер. В качестве подтверждения Хасан Эрен приводит и мнение Э.М. Мурзаева, который пишет, что слово *kulak* занимает огромное место в географической терминологии. По его словам, *kulak* имеет значение "яма, бухта, пролив, горный источник" [Мурзаев, 1984, 310–311]. А форма *balıklava* возникает в результате гаплогонии (выпадения одного из двух идущих друг за другом одинаковых или близких по звучанию слогов): *Balık kulağı* > *balıklava* [Eren, 2010, 29]. Однако, зная о наличии огузско-кыпчакских параллелий (*jajlak* – огуз., *jajlav* – кыпч., т.е. в цепочке *Balık kulağı* (огуз.) > *balıklava* (кыпч.) переход *ğ* > *v*), трудно объяснить появление в слове суффикса *-lav*.

Другие исследователи считают, что *Balıklava* – это вторая разновидность распространенной формы *Balıklağı*: *Balıklağı* < *balık kulağı* (в турецком языке частотным является изменение суффикса *-ı* на *-a*; см., например: *oklava* "скалка" встречается в некоторых говорах как *oklavı* < (*oklağı*) > *oklavu*; *tosbağa* "черепаха" – как *tosbağı* /*tosbağu*); *baklava* – как *baklağı* > *baklavı*/*baklavu*).

Турецкий топонимист Омер Асым Аксай (Ömer Asım Aksoy) в своей работе «О диалектах города Газиантепе» пишет, что суффикс *-leği* образует название места от имени существительных и прилагательных. В качестве примера он приводит топоним *Balıklağı* – населенный пункт в городе Газиантепе [Eren, 2010, 29]. Исходя из логики его рассуждений, топоним *Balıklava* действительно будет иметь значение "место, богатое рыбой, в озерах, реках и морях". Это же мнение высказывалось в работах русского этнографа С.М. Михайлова [Михайлов, 1972]. Нам ближе эта точка зрения применительно к этимологизации значения крымского топонима *Балаклава*.

Общие выводы относительно крымскотатарско-русского взаимодействия в топонимии Крыма можно свести к следующему:

Начальный этап взаимодействия крымскотатарского и русского языков, начавшийся после завоевания Крыма Россией (1783), был, по мнению большинства исследователей, «классическим»: «второй – русский – язык искажался под влиянием родного языка, которым в тот период владели все крымские татары» [Эмирова, 2008, 45]. Влияние крымскотатарского языка на русский было достаточно существенным и «проявлялось прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях» [Эмирова, 2008, 45], поэтому большинство ранних топонимов сохранились в языке в неизменной форме. Изменения коснулись только мест активного их освоения славянскими переселенцами, здесь «вектор взаимодействия» двигался в сторону образования параллельных наименований. Так, сёла материковых уездов Таврической губернии (части нынешних Херсонской и Запорожской областей) получили новые названия после эмиграции тюркского населения в Турцию, но, согласно «Списку населённых мест Таврической губернии по сведениям 1864 года», для

значительной их части, кроме новых славянских названий (антропонимных типа *Павловка (Керлеут), Анновка, Новомихайловка, Новониколаевка* и теологических типа *Троицкое, Воскресенское*), также указывалось прежнее тюркское название в неизменном виде.

И такое положение дел оставалось вплоть до 1944 г., до тотальной депортации крымских татар, когда «вектор взаимодействия» коренным образом поменялся. Как отмечает А.М. Эмирова, «при отсутствии в местах ссылки крымскотатарских школ и активизации процессов формирования смешанных браков русский язык стал мощно влиять на все уровни крымскотатарского языка, что имело следствием деструкцию, разрушение последнего и даже его частичное отмирание» [Эмирова, 2008, 45]. Естественно, вместе с языком стала уходить и этническая топонимия. Это положение подтверждается словами проф. Ильбера Ортайлы, высказанными в интервью одной из турецких газет: «Çocukların ve gençlerin ulusal dilde eğitimi çözülemeyen bir sorundur. Gençler giderek asimile oluyorlar» [Образование детей и молодежи на родном языке – это нерешаемый вопрос. Молодёжь ассимилируется с каждым днем. Т24: 23.03.2014]

Таким образом, анализ собранного материала позволяет сделать важный вывод о том, что топонимия данной зоны включает два пласта, которые во многом не совпадают. Первый, более ранний пласт – это тюркская топонимия, восстанавливаемая по старым картам и Камеральным описаниям Крыма разных лет. Для этой части топонимов воздействие русского языка ощущается только на уровне фонетико-графической адаптации. Второй, более поздний пласт – это топонимия, оставшаяся после массовых переименований и влияния русского языка, результатом чего стало возникновение семантически и грамматически модифицированных тюркско-русских (а позднее, на их базе и тюркско-русско-украинских) гибридов. Основным вектором тюркско-русского взаимодействия в топонимии зоны является метафорический перенос на основе сходства внешних признаков.

4. Тюркско-украинская топонимическая зона (татарско-украинское и турецко-украинское взаимодействие).

К этой зоне целесообразно отнести территории нижнего течения Днепра, от современного Днепропетровска до Запорожья, включая Хортицу. С IV по IX век, в период Великого переселения народов, регион пропускает через себя племена гуннов, аваров, болгар, мадьяр.

Этапным для формирования зоны является монгольское нашествие. Его результатом становится уход населения на северо-запад – к Киеву и Лубнам. Степи, называемые в летописных источниках «Диким полем», на долгое время оказываются в распоряжении кочевников-ногайцев, действующих под патронатом крымского хана.

Время безраздельного господства тюрков на этих территориях заканчивается в 1-й половине XV века, когда Великое княжество литовское вытесняет их на юг. Земли становятся пограничными между Великим княжеством литовским и возникшим в 1443 г. Крымским ханством. Условная граница проходит от устья Днепра – и далее на восток, по реке Самаре, то есть по территории современного Днепропетровска (части Екатеринославской и Таврической губерний, позднее переименованные в Александровскую).

В XVI веке начинается процесс постепенного прихода на территории славянского населения. Результатом этого становится организация ниже по Днепру Сечей, выполняющих функцию кордонов на пути татарских отрядов, и становление Запорожского казачества. Таким образом, наиболее активно зона тюркско-украинского языкового взаимодействия начинает развиваться в казацкое время, то есть в XV–XVIII вв. В этот период лексическая система украинского языка пополняется значительным количеством лексем, идущих от Крымского ханства и Турции и проникающих в различные сферы жизни. Чаще они касаются таких областей, как: 1) скотоводство: *чабан, отара, табун, аркан, торба, кабан, буланый, чалий, гайда*; 2) степная жизнь: *байрак, комиш, лиман, туман, беркут, сарана, бакай, гарба, куринь*; 3) огородничество: *баштан, гарбуз, кавун, тютюн*; 4) войско: *кіш, осавул, бунчук, чайка, со(га)йдак*; 5) одежда: *габа, кунтуш*,

кобеняк, шаравари, штани, очкур, сап'ян, постолі, тасьма, серпанок; б) торгівля, промысел, быт: чумак, аршин, могорич, майдан, чавун, казан, килим, тапчан, локша (локшина), кав'яр, кава, кобза, люлька, гайдамака, харциз, канчук, кайдани, чума. По мнению некоторых украинских учёных (А.М. Гаркавец, В.М. Кубийович), «не исключена возможность тюркских влияний на фонетическое развитие украинского языка, особенно в проявлениях двуслоговой гармонии гласных <...>, но уверенности в этом нет» [Кубийович, 1954, I, 13]. Во многих случаях в тюркской лексике действительно просматривается связь с тюркскими языками: тюркизмы обычно характеризуются гармонией гласных, отсутствием группы согласных в начале слова и, по большей части, конечным ударением.

В этот период тюркизмы проникают и в топонимию, образуя тюркско-украинские гибриды. В «Топонимическом словаре Украины» М.Т. Янко пишет: «Географические названия Украины прошли сложный путь возникновения и развития. Многие из них дошли до нас из седой древности – от периода индоевропейской языковой общности в V–IV тыс. до н.э.» [Янко, 1998, 4]. Тюркской топонимии учёный отводит особое место в своих работах, поэтому при анализе мы во многом опираемся на его исследования, но дополняем их и данными других источников. Полезными в этой связи оказываются и работы украинского историка, краеведа В.Г. Фоменко, который пишет:

«Вникнення назв топооб'єктів Запорізької області нерозривно зв'язане з історією заселення Подніпров'я і має свої особливості, що відрізняють її від усіх інших областей і країв Радянського Союзу.

По-перше, територія області, що лежить на північ від ріки Конки, була повернена Росії тільки після кримських походів 1736–1739 років, а землі, розташовані на південь, <...> звільнені від недобитків Золотої Орди.

По-друге, на початку заселення Приазов'я там залишалися, хоч і досить малочисленні, аули джамбуйлуських і киргизських ногайців, які зберегли і передали новим переселенцям багато старовинних назв рік, могил і урочищ.

I, по-третє, заселення території нинішньої Запорізької області відбувалося не один час, не однорідними переселенцями як за соціальним станом, так і за національністю» [Фоменко, 1969, 4].

Топонимическое языковое взаимодействие данной зоны представлено всеми типами топонимов и на всех уровнях языка. Тюркский компонент активно прослеживается в гидронимии, оронимии и ойконимии региона.

Выборка из украиноязычного топонимического словаря М.Т. Янко дала 78 тюркско-славянских лексем, из которых гидронимов – 27, ойконимов – 5, оронимов выделено не было. Гидронимы: *Бик* (*Велика Самара*), *Бистра* (7 рек с одинаковым названием), *Бичок* (5 рек с одинаковым названием), *Бугай* (2 реки с одинаковым названием), *Булатець*, *Бурчак* (3 реки с одинаковым названием), *Грунь-Ташань* (*Ташанська Грунь*, *Груня*, *Грунь Ташанська*), *Грунь-Черкес* (*Грунь-Черкаська*), *Іцунь*, *Іченька* (*Ічень*, *Ічня*, *Іченка*), *Кагамлик* (*Каганлик*, *Кагальник*, *Каганличка*), *Карачокрак* (*Карачекрак*, *Чекра*, *Каратупрак*), *Каратуль*, *Кільчень* (*Кільчень*, *Кільчен*, *Килчин*), *Коломак*, *Кушугум* (*Кошугум*, *Кучугум*), *Мокра Сура*, *Мокрий Кагарлик*, *Мокрий Тагамлик*, *Мокрий Ташлик*, *Сухий Кагарлик*, *Тагамлик* (*Тагамлак*, *Тамлик*, *Великий Тамлик*), *Тарган* (*Таргань*, *Tarchan*; 2 реки с одинаковым названием), *Ташенак* (*Таш*, *Ченак*, *Ташченик*), *Торч* (2 реки с одинаковым названием), *Чевельча*, *Янчокрак* (*Сухий Янчокрак*, *Карачокрак*, *Чекра*, *Янчукрак*, *Анчикрак*). Ойконимы: *Ічня*, *Коломак* (по гидрониму), *Кременчук*, *Кушугум* (*Кошугум*, *Кучугум*; по гидрониму), *Нові Санжари*, *Торчеськ* (*Торческь*, *Торьцьскь*, *Торческий город*, *Торческ*, *Торський*; по этнониму). Выборка была дополнена материалами других лексикографических источников, в частности топонимических словарей В.Г. Фоменко, М.С. Богомаза и В.С. Мороза [Фоменко, 1969; Богомаз, Мороз, 2006], а также данными описей разных лет [Описи, 1787] и старых карт Запорожья. В их числе: 1) Карта Украины, земли козаков, с соседними провинциями Валахии, Молдавии, Малой Татарии «Ukrania quae et Terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minorisq, Tartariae Provinciis exhibita» издана в Нюрнберге в 1720 году. Издатель и картограф Иоанн Баптиста Хоманн (Johann Baptista Homanno) (1663–1724); 2) Карта «Typus Generalis Ukrainæ five Palatinatum

Podoliae, kioviensis et Braczlaviefis terras nova delineatione exhibeas» издана в Амстердаме в 1648 году французом Гийомом Бопланом, который в течение двадцати лет путешествовал по территории Украины; 3) Генеральная карта Новороссийской губернии, разделенной на уезды, созданная в 1779 г. Иваном Исленевым (карта составлена через несколько лет после уничтожения Запорожской Сечи); 4) «Достоверная Ландкарта меж рек Днепра и Донца на разстояниях от устья Самары до Изюма и Луганской станицы, сочиненная 1749 года в сентябре и октябре м[еся]цах».

Нужно сказать, что собственно тюркско-украинского взаимодействия в формировании данных топонимов практически не обнаруживается. Считать тюркско-украинскими гибридами можно лишь гидронимы *Грунь-Ташань* (*Ташанська Грунь*, *Груня*, *Грунь Ташанська*) и *Грунь-Черкес* (*Грунь-Черкаська*). М.Т. Янко считает, что гидроним *Грунь-Ташань* «являє собою приклад «гібрида», в якому кожен з елементів відноситься до різних мов: перша частина складного гідроніма від українського терміна *грунь*» [Янко, 1998, 98]. И считает, что термин *грунь* занесён из западноукраинской лексики, поскольку «в Східній Україні загальне слово *грунь* у значенні «покрите лісом підвищення» не зустрічається» [Янко, 1998, 98]. Другая часть термина происходит от «тюркського «камінь», утворена українським суф. *-ан* (див. *Ташанка*), дана на відміну від *Грунь-Черкес* (*Грунь-Черкаська*)» [Янко, 1998, 99]. Фасмер со ссылкой на Петерсона предполагает связь единиц *грунь* и *грудь*: «Несомненно, связано с *грудь*, укр. *грунь* "холм"» [Фасмер I, 464]. Мнение Янко о возможном западноукраинском происхождении данного топонима кажется нам недостаточно убедительным, так как названия населённых пунктов имеют явное гидронимное происхождение, что подтверждается историческими справками: река *Грунь*, правый приток Псла; село *Грунь* Ахтырского района Сумской области, первое упоминание – в 1665 г., а в 1681 г. «земли по реке Груне царскою грамотой пожалованы племяннику гетмана Самойловича Василию Михайлову» [Исповедные Росписи, 350]; село *Грунь* Лебединского района Сумской области образовано уже позже; местечко *Грунь* Зеньковского уезда Полтавской губернии также упоминается уже позже [Исповедные Росписи, 350].

Вторую часть гидронима *Грунь-Черкес* М.Т. Янко связывает с черкесами, которые «в XV ст. нібито переселилися з Кавказу», а также добавляет: «Дехто виводить її від рослини *черкез чи* від слова *черкас*, так називали в минулому в Росії українців, що найбільш імовірно» [Янко, 1998, 99]. Второе название местечка *Грунь* Зеньковского уезда – *Черкесское* [Исповедные Росписи, 350].

Анализ списка топонимов данной зоны показывает, что в большинстве случаев речь идёт лишь о фонетико-графической адаптации уже существующих гибридных тюркско-русских топонимов, когда сформированный по русской словообразовательной модели гибридный топоним подвергается трансформации в зависимости от особенностей диалекта или принимающего языка. Это касается и топонимов, не вошедших в словарь М.Т. Янко, но обнаруживающихся на старых картах и в переписях. См. гидронимы Запорожья: *Акчокрак* (укр. *Акчокрак*), *Джекельня* (укр. *Джекельня*), *Домузла* (укр. *Домузла*), *Корсак* (укр. *Корсак*), *Берда* (укр. *Берда*), *Метрозлы* (укр. *Метрозлы*), *Юшанлы* (укр. *Юшанлы*), *Атманай* (укр. *Атманай*), *Большой Утлюк* (укр. *Великий Утлюк*), *Малый Утлюк* (укр. *Малый Утлюк*), *Бегим-Чокрак* (укр. *Бегим-Чокрак*), *Куркулак* (укр. *Куркулак*), *Опонлы* (укр. *Опонлы*, также *Апанлы*), *Чукрак* (укр. *Чукрак*, также *Чокрак*), *Гайчур* (укр. *Гайчур*), *Кизиярский ручей* (укр. *Кизиярського струмок*).

Достаточно спорными представляются следующие гидронимы:

Атманай (укр. *Атманай*) – от кр.-тат. *odaman* "старейшина пастухов или казачьего лагеря", тур., кр.-тат. *oda* "солдатская артель", "отряд" [Радлов I, 1121, Фасмер I, 95]. По нашему мнению, ближе толкование от ср.-греч. *Ὀθμανοί* "османы", получила название по имени Ὀθ(ο)μάνος – Османа I (1259–1326 гг.), основателя тур. султанской династии, от араб. *Othmân* [см. Литтман 89; Моравчик II, 187; Фасмер III, 172]. Народная этимология от *ат* "лошадь" и *манаат* "недоступная" из-за заболоченных берегов, недоступных для лошадей, кажется нам маловероятной.

Бегим-Чокрак (укр. *Бегим-Чокрак*) – если брать на вооружение концепцию Бушакова об этнонимном характере причерноморских топонимов, то возможно образование от этнонима *бегень* "казахи", тем более многочисленные письменные

источники свидетельствуют о присутствии на этих территориях казахских племен [Бушаков, 1991, 14]. Возможно также от *бельгун (бульгун)* "болотная сова, жёлтый сыч, *Strix Brachyotus*" [Фасмер I, 149]. Народная этимология *бехими* "скотоводческий", то есть толкуемая как "вода", "источник, здоровый для скота", не является обоснованной.

Опонлы, также *Апанлы* (укр. *Опонли*) – возможно, но маловероятно от общесл. *опона* – "завеса": церк., укр. *опона* "полог", др.-русс., ст.-слав. *опона* *катапéтама* (Супр.), сербохорв. *опона* "перепонка, кожаца", словен. *оропа* "занавес, завеса", чеш., польск. *оропа* [Фасмер III, 145–146]. Народная этимология от слова *анлы* "богатая на дичь" и якобы префикса *ап* (усиление значения слов, начинающихся на *а*) и сформированное значение "места, в которых особенно много дичи", несостоятельна.

Интересными для анализа являются также парные наименования рек – притоков реки Молочной: *Крушанлы (Курошаны, также Курушан/Куручан, укр. Крушанли)* и *Юшанлы (укр. Юшанли)*. При очевидном сходстве морфологической структуры слов этимологизация данных гидронимов осуществляется по разным принципам. См., например, в украинских источниках: 1) «Абсолютно вся гідронімія Токмацького району має тюркське походження і, можливо, остаточно склалася вже в половецький час. Крушанли (продовження – Курушани – «Пересихаюча»). Колись берега цієї річки колонізували багато народів, серед інших цікавим є той факт що в водах цієї річки 23 вересня 1860 року пройшло перше в Україні хрещення менонітів (колонія Вальдгейм, нині село Степове)»; 2) «Юшанли – назва тюрського походження, що перекладається як («ішунун» – «задоволення»)».¹ Очевидно, в данном случае ученый связывает топоним с др.-тюрк. глагольной основой *usan-* "проявлять беспечность" [ДТС, 1969, 616]. И.Г. Добродомов считает возможной связь гидронима с кр.-тат. компонентом *юшан* "полынь" и толкование как "покрытый полынью". В.А. Бушаков видит связь с

¹ Данные по украиноязычному краеведческому форуму:
http://www.siteadvisor.com/restricted.html?domain=http:%2F%2Fwww.content.net.ua%2Fregistration%2Fcontent%2Fua1495%2Fsecs%2Fs12100%2Ft_s.html&originalURL=-232061438&pip=false&premium=false&client_uid=3835175894&client_ver=4.0.2.171&client_type=IEPlugin&suite=true&aff_id=739&locale=ru_RU&ui=1&os_ver=6.1.1.0

этнонимом: *Üyşün/Işün*, по его мнению, является родо-племенным названием. В качестве примера он приводит род *уйсюн* у караногайцев, *уйшун* – у узбеков и башкиров, родовую группу с аналогичным названием – у каракалпаков; тогда *li-* следует считать суффиксом со значением относительности.

По нашему мнению, значение данных гидронимов возможно вывести из турецкого компонента *şanlı* "хороший" и компонентов *kuru* "сухой" и *kuş* "зима", то есть *Курианлы* – "хорошая летом" и *Юшанлы* – "хорошая зимой", что вполне укладывается в логику передвижения кочевых народов по территории данного района. Наше предположение подтверждается и данными турецкой топонимики. Ср. тур. *Kuru su* "сухая река" и *Soguk su* "холодная (зимняя) река". Однако сомнительным является фонетическое развитие данных топонимов.

Проще предположить образование *Юшанлы* от кыпчак. *ювшанлы* по *yavıŝan* "полян", ср.:, например, тур. диал. *yavıŝan*, кумык., *йув°шан*, башк., узб. *йушан* [ЭСТЯ 1989, 53–54], а *Курианлы* – *куршан* причастие по глаголу *курша-* "окружать, опоясывать, огораживать" [ЭСТЯ 1989, 151], ср. с тат. *урау* "окружать, обступать", *уралу* "обвивать, запутываться" [Османов, 1966, 590].

Возможно квалифицировать как тюркско-украинские оронимы: *Бельмак-Могила* (укр. *Більмак-Могили*), гора, возвышенность, высшая точка Приазовской возвышенности, в верховьях реки *Бельманки*; *Токмак-Могила* (укр. *Токмак-могила* / *Синя гора*); *Корсак-Могила* (укр. *Корсак-могила*); *Саур-Могила* (укр. *Савур-могила*, находится в Токмакском районе Запорожской области, восточнее села Новопротокофьевки), *Белосарайская коса* (укр. *Білосарайська коса*).

Бельмак-Могила – возможно выведение из тат., тур. глагольной формы *bilmäk*, где *bil-* "ведать, знать". Но вероятнее образование от тюрк. *bel II* "холм, возвышенность". В этом случае можно предположить, что *Бельмак* – это "главная высота, пограничная высота". Приазовская возвышенность характеризуется повсеместным обнажением кристаллических пород и представлена формами, имеющими вид куполообразных холмов – «могил». Отсюда – многочисленные тюркско-украинские номинации с этим термином: *Токмак-Могила* – из тур., чагат., тар. *tokmak* "деревянный молоток, колотушка" [Радлов III, 1156; Фасмер

IV, 70]. *Корсак-Могила* – из казах., кирг., бар. *karsak* "степная лисица" [Радлов II, 206; Фасмер II, 338]. Этимологию оронима *Саур-Могила* мы рассматривали выше. Применительно к украинскому варианту данного топонима – *Савур-могила*, приведём слова Е.С. Отина: «Украинцы заимствовали это географическое название у тюрков, но распространили его собственным географическим термином *могила*, имеющим близкое значение» [Отин, 2014, 145].

Белосарайская коса (укр. *Білосарайська коса*). Самым древним из известных нам названий Белосарайской косы было *Парисара* (родственно индоарийскому "обтекание, обход", по мнению Е.С. Отина) [Отин, 1992, 25–27]. В нем отразилась такая особенность северной береговой линии Азовского моря, как обтекание морским течением оконечности этой косы. В 1577 г. в этом месте крымским ханом Алды-Гиреем было основано селение *Болы-/Балы-сарай*: *бал*, *балы* "мед, медовый" и *сарай*, заимств. через тур., кыпч., уйг., тат. *sarai* "дом; дворец; каравансарай; комната для жилья; стойло; тележный сарай" [Фасмер III, 560], буквально "медовый дворец". Е.С. Отина в книге «Гідроніми східної України» приводит такую информацию: «<...> Так, ім'я урочища Балисарай (від назви населеного пункту Боли (Бали) Сарай, побудованного недалеко від гирла Кальміуса в 1577 р. кримським ханом Алди-Гіреєм) стає назвою річки <...> (сучасної Мокрої Білосарайки з її лівою притокою Сухою Білосарайкою). Порше: «...кочують по сю сторону Перекопи на Колмиюсе, да на Бердах, да на Балысараех» (1638 р.) <...>» [Отин, 1977, 83]. Там же, в примечаниях, говорится: «В основі першої частини ойконіма, певно, лежить кримськотат. апелятив бали – «медовий» (бал – «мед»). Зараз вже важко встановити причини такої номінації-прагнення до красивого імені (топонімічне «вітійство») або ж відображення виробничих занять його жителів (бджільництва або збору локриці, якою у давнину було багате узбережжя Аз. моря). Але найвірогідніше, що ця тюркська назва – наслідок народно-етимолог. перетворення давньої індоарійської форми **paṛi sara* – «обтікання, обхід» (О.Н. Трубочев. О синдах и их языке)» [Отин, 1977, 83]. Позднее, уже на почве украинского и русского языков, возникло второе

"народно-этимологическое" переосмысление уже этого тюркизированного имени – теперь на базе словосочетания "белый сарай".

Практически во всех рассмотренных выше номинациях речь идёт об общеславянско-тюркском взаимодействии, поскольку анализируемые тюркские лексемы могли одинаково свободно заимствоваться русским, украинским, белорусским языками. И выделить здесь именно тюркско-украинские гибриды представляется достаточно затруднительным, учитывая тесное переплетение этнических групп, языков и диалектов. Тюркско-украинскими, по нашему мнению, следует признать немногочисленные единицы, которые функционируют на уровне микротопонимии и включают компоненты: *бабай, байтало, баюра, баштан, бугай, бузівок, буруля, бусол, гарбуз, кавун, кайдани, кантар, канчук, кашук, кацап, кендюх, килим, кобза, колиба, кошара, кульбаба, курінь, лелека, майдан, отара, талан, терези, тютюн, чагар, чумак, шана, яр*. В большинстве случаев данные тюркские лексемы сначала вошли в лексический состав украинского языка и в качестве компонентов в состав казаческих прозвищ и фамилий (фактически все они обнаруживаются в современной украинской антропонимии, хотя «законы заимствующего языка накладывают на антропонимы свой отпечаток и не позволяют им сохраняться в том виде, в каком они употреблялись в языке-источнике» [Ибрагимова, 2009, 3]). Антропонимы, в свою очередь, стали производящими для топонимов (ойконимов и некоторых оронимов). То есть можно сделать вывод об антропонимном характере тюркско-украинской топонимии. Последний вывод верен и для собственно славянской топонимии региона. См., например, историю формирования казацкой деревни *Котовка* (Запорожье), которая зафиксирована в документальных источниках.

Археологические находки свидетельствуют, что территория на месте современной *Котовки* была заселена в древние времена. Здесь обнаружены стоянки времен неолита (V–IV тысячелетия до н.э.), раскопаны курганы с захоронениями эпохи бронзы.

Возникновение современного поселения связано с запорожским казаком Василием Котом, который первым поселился на горбинке между озёрами Плавы и

Лебединка. Впоследствии сюда перебрались семейные казаки из Запорожья и переселенцы с Полтавщины.

Поселение под названием *Котовка* впервые появляется на карте Запорожья 1770 г. В 1775 г. упоминается как местечко в составе Орельской паланки Запорожской Сечи.

Рассмотрим некоторые тюркско-украинские примеры. Толкования и словообразовательные гнезда антропонимов даны по следующим источникам: 1) Реєстр козацьких полків, 1649 (адаптирован В. Луценко); 2) Словари русско-украинских и украинских фамилий тюркского происхождения В.Ф. Ибрагимовой и П.П. Чучки); 3) Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел. – XXXIII. Полтавская губерния, 1862 [Списки, 1862].

Современное *бабай* "домовой", "дед, старик", тур. *baba* "предок, прадед, отец", кр.-тат. *баба* "отец", тат. *баба* "дед" [ЕСУМ I, 130]. Выявляется в украинских фамилиях *Бабай / Бабий, Бабайко, Бабаенко* [Ибрагимова, 2009, 21; Чучка, 2005, 39]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Бабайкин хутор* (Запорожская область), *Бабайкин луг* (Запорожская область). В данном значении это слово присутствует и в русском языке, однако его традиционное распространение ограничено Сибирью и Южным Уралом, то есть местами традиционной дислокации сибирских и уральских татар. Здесь можно сослаться на мнение И.Г. Добродомова, который, будучи родом из Курской области, утверждает, что впервые узнал об этом слове от русских в казахской глубинке – в Джамбульской области, в Таласском районе, а на своей родине и в Москве этого слова не встречал [Радио «Свобода». Интервью с И.Г. Добродомовым «От А до Я. Тюркский вклад в русский словарный запас» <http://www.svoboda.org/a/369955.html>]. В словаре Даля слово *бабай* фиксируется как тюркское (татарское), новороссийское и оренбургское [Даль I, 3–4]. В качестве топокомпонента выступает в топонимах *Бабай* (балка, Запорожье), *Бабайка* (село, Полтавская область, Карловский район).

Диалектное *бабура* "кость для игры" [Федосюк, 2004, 23], возможно, заимствовано через тюрк. *babr* "тигр" из перс. *babar* "дикое животное из семейства кошачьих, за которым охотятся из-за шкуры" [Фасмер I, 100]. Выявляется в украинских фамилиях *Бабура*, *Бабуренко* [Чучка, 2005, 41]. В качестве топокомпонента выступает в топонимах *Бабурь*, *Бабурка*, *Бабурово*. См. по словарю Фоменко: «*Бабурка* – правобережное село на р. Серелній Хортиці. В 1772 році для перестороги від ворога в Запорозкій Січі були виділені пости на кордоні, один з яких при «полковнике Иване Бабуре и двух старшинах на двести человек рядовых казаков пароконных» стояв проти острова Хортиці, Після ліквідації Запорозької Січі Бабура перейшов на службу в російську армію і в 1777 році дістав у рангову дачу 3882 десятини землі. Відтоді глибока балка на тій землі стала називатися Бабуркою, хоча її старіше найменування (за назвою річки) – *Середньо-Хортицька*» [Фоменко, 1969, 19].

Современное *байтала* / *байтало* "балбес, неработающий человек" (разг.) [ЕСУМ I, 113, 118]. В ДТС выделяются следующие значения основ *bat-* и *bataj-*: **Bat II** [ур. **bata-*] "плохой, негодный": *jabiz bat biz*. Мы [были] дурны и негодны (O₇). Ср. *bäd*. Это значение вполне соответствует семантике лексемы [ДТС, 1969, 88]. Но не совсем ясным в этом случае оказывается появление структурного компонента *-al*. Более логичным кажется привлечение в качестве мотивирующей основы *bataj-*: **Bataj** "сгорбленный": *eṅrāj bataj aqsaq čolaq* скрюченный, сгорбленный, хромой и безрукий [ДТС, 1969, 89: *Suv* 300₁₀].

В украинских источниках данная лексема зафиксирована как заимствование из тур. *battal* "непригодный, громоздкой" [ЕСУМ I, 149], хотя чаще в диалектах это слово употребляется как "бездельник" и представляется опосредованным заимствованием из арабского. Обнаруживается в украинских фамилиях *Байтало*, *Байталенко* [Чучка, 2005, 17]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Батайло* (балка, Запорожье).

Очевидно, семантика данного топонима не связана с семантикой рассмотренных в параграфе 3 топонимов с компонентом *байтал*. См.: *Байтал*, *Байтал-Коба* (населенный пункт и пещера в Крыму).

Современное *батлаук(а) / батлавук* "трава типа осоки", "небольшое заболоченное место" [ЕСУМ I, 151]. Очевидно, имеет отношение к тюрк. основе *bat-*. Ср. с тюрк. *batkak* "болото": чагат., каз., тат. *batkak* "болото", тур. *batak* "болото, болотистое место, лужа", *batmak* "погружаться, вязнуть" [Радлов IV, 1510; Фасмер I, 134]. Возможна связь с тур. *batakly* "болотистый" [Радлов IV, 1510] через *bat-la-yuk* (ресементация с метатезой *al – la* и ослаблением гласного). По мнению Фасмера, «темное слово» [Фасмер I, 130]. Выявляется в украинских фамилиях *Батлаук, Батлак* (не во всех случаях, поскольку образование *батлак* возможно и от *батлхаджинцы* (ингушское родо-племенное название), от имени Батал-Хаджи) [Чучка, 2005, 18]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Батлаук* (балка и село, Запорожье), *Батла(у)ки* (хутор, Запорожье).

Современное *башловка* "часть добычи" (выделялась для атамана или для особо отличившегося в боях рядового казака) [ЕСУМ I, 155]. Заимствовано из тур. *başlık* "выкуп за невесту, калым"; от тюрк. *baş* "голова", "глава, предводитель" и *-lik*, аффикс собирательности [ДТС, 1969, 86–87]; ср. с тур., крым.-тат., азерб., тат. *başlyk* "предводитель, начальник" [Радлов IV, 1203, 1558]. Адаптация тюркизма происходит за счет усечения основы и присоединения славянского суффикса *-овк-* со значением предметности. Выявляется в украинских фамилиях *Башловка, Башаловка, Башловок*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Башловок* (хутор, Запорожье).

Современное *баюра* "большая лужа, яма, промоина в реке" [ЕСУМ I, 156] (вариант: *балюра*, диал. [Рудниц. I, 68]). *Байыр/Вауыр* – кр.-тат., тур. "склон горы", "сугроб", "холм"; *бауыр* – каз. "склон". На тюркское происхождение этого украинского слова указывает Р.Р. Девлетов [Девлетов, 2000]. Согласно ЕСУМ, это слово произошло от южнославянского *banja* – "яма, углубление", что достаточно неубедительно. Слово представляет определенную семантическую проблему, поскольку связь с обозначенным апеллятивом не представляется достаточно четкой. П.П. Чучка как одну из версий мотививации антропонима *Баюра* предлагает диалектное *баюр-* "человек, занимающийся ворожбой, колдун" [Чучка, 2005, 51].

Выделяется в украинских фамилиях *Баюра, Баюрко, Баюренко* [Чучка, 2005, 51]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Баюра* (водоем и хутор, Запорожье), *Баюры* (водоем и село, Луганская область).

Современное *баштан* "бахча" произошло из тур.-перс. *bostan* "огород" [Бернекер I, 77], кр.-тат. *бостан* "огород" [ЕСУМ I, 156], тур. *boştan* "бахча". Выявляется в украинских фамилиях *Баштан, Баштаненко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах массив *Баштан*, село *Баштан* (Запорожье).

Современное *бугай* [ЕСУМ I, 275] – 1. "племенной бык", 2. "рычаг, лом", укр. *бугай*, откуда польск. *biłaj* "бык", также *bugaj* [Брюкнер, 47]. Заимствовано из тюрк.: ср. тур. *biğa* "бык", чагат. *boa*, др.-тюрк., уйг. *bika* [Гомбоц 46; Микл. ТЕI I, 267]. Русское *бугай* имело также значение "верхнее платье на меховой подкладке" [Дух. грам. Ивана Калиты 1327–1328 гг.; Срезн. I, 189]. Вероятно, тождественно упомянутому *бугай* "бык" [Фасмер I, 228]. Выявляется в украинских фамилиях *Бугай, Бугаенко, Бугайченко* [Чучка, 2005, 92]. Как отмечает В.Ф. Ибрагимова, «...прозвище *Бугья* было распространено в селе Буюк-Озенбаш Бахчисарайского района АРК (современное название села Счастливое) (Озен., 1992, 46; РКУС, 1994, 382)» [Ибрагимова, 2009, 37]. Возможно, поэтому имеет распространение в зонах переселения тюркских народов и формирует топонимы. В качестве топокомпонента выступает в топонимах: *Бугай* (река, два гидронима), *Бугаи Вторые* (село, Золочевский район, Харьковская область), *Бугай* (село, Раздельнянский район, Одесская область), *Бугаевщина* (урочище, Екатеринославская губерния, Новомосковский уезд).

Современное *бузівок* "годовалый теленок" [ЕСУМ I, 282], ср. тат., кр.-тат., ног. *бузав/бузау* "теленок" [Севортян II, 238–239]. См. по ДТС: **Buzaу** "теленок": *jılqıları kör ud buzauları kör*. У него много лошадей, много коров и телят (ЛОК 302). Ср. *buzaуu*. **Buzaуu I** "теленок": *ürün eşti erkäk buzaуu kелürmiş*. Она принесла белого с черными пятнами бычка (*ThS II*₆₁); *öküz ayaq bolıyınça buzaуu başı bolsa jег*. Лучше быть головой теленка, чем ногой вола (МК I 59); *buzaуusın entürmiş*

inäk tæg uliǰu. Завопив, как корова, лишившаяся своего теленка (КР 76₃) [ДТС, 1969, 130].

Выявляется в украинских фамилиях *Бузивок, Бузива, Бузивенко* [Чучка, 2005, 94]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Бузива* (балка и населенный пункт, Запорожье), *Бузовка* (село, Днепропетровская область, Магдалиновский район).

Этот тюркизм присутствует также в диалектах (укр., тат., южнорус.) в вариантах *бузело`к, бузило`к, бузи`мок, бу`зинок, бузаво`к, бу`зевок* [Миртов, 1929, 29; ЕСУМ I, 282; Рудниц. I, 242]. Фиксируется и в «Словаре староукраинского языка» в форме *Viczil* как производное от тюрк. *büciil* "кость для игры" [ССМ I, 133: Сучава, 1465 *GL* 176]. Возможно, отсюда появление слова *базавлук* в значении "телячий" [Губарев, Скрылов, 1970], ставшего распространенным географическим названием в районах исторического пребывания татар. Очевидно, этот исторический диалектизм не имеет отношения к формированию топонимов р. *Базавлук* (устар. *Бузулук, Безовлук*) и остр. *Базавлук*. М.Т. Янко выводит название реки от др.-тюрк. **bazuk, *bizuk* (тур. *bozük*) "испорченный", ср. *biz-* "уничтожать, губить", "портить, ломать" [ДТС, 1969, 130], что не объясняет появления в слове наращения *-ул/-овул-*. Остров *Базавлук* – место расположения Запорожской Сечи от 1593 по 1709 гг., после чего ее укрепления были разрушены русскими войсками, а Кош перешел на земли Крымской орды в Алешки. Представлен в украинских фамилиях *Базавлук, Базавлукенко, Бузулук* [Чучка, 2005, 15]. В качестве топокомпонента выступает в топонимах *Базавлук* (река, Днепропетровская область), *Бузулук* (речка, приток *Большого Бузавлука*), *Усть Бузулуцкая* (станция), *Бузулуки* (село, Гуляйпольский сельсовет).

Современное *буруля* "сосулька" (вариант: *бурулька*) в ЕСУМ трактуется как заимствование из караим., кр.-тат., тур. *борулу* "трубчатый" [ЕСУМ I, 305]. Такого значения в тюркских языках нами обнаружено не было. Но возможно образование от тур. основы *burġu* "морщина, складка". См. группу однокоренных слов по ДТС: **Burqar-** "морщиться": *essiz jüzi burqarar*. Лицо несчастного покрывается морщинами (МК II 188). Ср. *burqur-*. **Burqı** "сморщенный, морщинистый": *suvsalaq bolsar*

qoxşaq burqı bolur. От жажлы слабеют и становятся вялыми (букв. сморщенными) (ТТ VIII 14); burqı neç. Сморщенная вещь (МК I 427). **Burqıt-** "морщить": ol jüzin burqıttı. Он сморщил лицо (МК II 339). **Burquy** "морщина, складка" (на коже) (МК I 461). **Burqur-** "морщиться": işlär jüzi burquı. Лицо женщины сморщилось (МК II 171) [ДТС, 1969, 126]. Ср. *burqar-*. Не может быть исключена и связь с др.-тюрк. основой *bur-* в значении "испаряться" [ДТС, 1969, 125].

Возможно также образование от основы *burulu* кр.-тат., тур. "закрученный, завитый" – с. *Буруль-Кая*. Ср. *burta*, *burul(u)ça*, *burulmak*. См.: *burul(u)ça* "звивитый" (см. *burulu* и *-ça*) – р. *Бурульча*, с. *Борулча*, ср. личное имя у киргизов *Бурулча*; тур. глагол *burulmak* "скручивать" (см. *burul* и *-mak*). Очевидно, от этой же основы происходит и укр. *буруло/бурило* "вид рыболовной сетки типа невода", этимология которого в ЕСУМ трактуется как неясная [ЕСУМ I, 300].

Данный компонент представлен в украинских фамилиях *Буруля*, *Буруленко*, *Бырула*, *Быруленко*. В качестве топокомпонента выступает в номинациях *Бурульча* (река, Крым), *Борла* (урочище, Крым), *Бага-Буруль* (село, казац., утрач.). Последнее обнаруживается в старых церковных записях и реестровых книгах. В результате массовых переименований в 1949 году потеряли свои исторические названия 33 донских хутора. По словам Карташова: «Исчезли такие колоритные названия, как Абганер, Бага-Буруль, Будульчинер, Воронье Рыло, Зюнгар-Кубет, Невенчаный, Рейнфельд, Шимбядл. Взамен их появились новоиспеченные «села» с казенными названиями типа Советское, Бригадное, Октябрьское, Маевка, Новая Жизнь, Чапаевское» [Карташов, 2011, 1].

Менее вероятна связь анализируемых топонимов с тюрк. основой *borluk* "осадок (от грязной воды)" [Радлов IV, 1661]. Ср. *Бурлук* – название нескольких притоков реки Уды, бассейн Дона (Маштаков, Дон 45) [Фасмер I, 246]. Очевидно, основу следует рассматривать как самостоятельный топокомпонент, не имеющий отношения к модели «антропоним → топоним». Здесь, скорее, налицо обратный перенос (наименование по местности), что подтверждается наличием украинских фамилий *Борлюк*, *Бурлюк*, *Борлук*, *Бурлук*, *Бурлак/ан/ай*. Последний антропоним в словаре Ибрагимовой фиксируется как происшедший от кр.-тат. *бурь* "почка дерева" с

присоединением суффикса *-ли* и наращением основы: "с почками" [Ибрагимова, 2009, 39]. Такое толкование, по нашему мнению, не является надежным.

Современное *бусол* "аист" (варианты: *бусьок*, *бузьок*, *бусел*) [ЕСУМ I, 306; Рудниц. I, 269]; *boz* др.-тюрк. "серый", каракалпак. "беловатый", кар.-балк. "беловато-серый", уйг. диал. "белый"; *bozay* кыпч. "серый"; *бусол/бусул* караим. "аист". Р.Р. Девлетов считает это слово тюркизмом, ЕСУМ не исключает тюркское происхождение, однако указывает, что единой этимологии не существует [Преобр. I, 55; Фасмер I, 251–252; Девлетов 2000; ЕСУМ I, 306]. Выявляется в украинских фамилиях *Бусол*, *Бусоль*, *Бусолько*, *Бусоленко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Бусол* (балка и хутор, Запорожье).

Современное *гарбуз* "тыква" [ЕСУМ I, 472], от тур. *karpuz* "арбуз", ср.: кыпч. *harbuз*, тур., кр.-тат. *karpuз* [Радлов II, 213]. Выявляется в украинских фамилиях *Гарбуз*, *Гарбузенко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах: *Гарбузово* (село, Запорожье), *Гарбузинка* (гора, Запорожье), *Гарбузова Балка* (хутор, Кубань, Краснодарский край, основан переселенцами из Запорожской Сечи). Во время роспуска Войска Запорожского Екатериной II в 1775 году Межигорский монастырь (как и другие на Украине) был в плохом состоянии. Оставшиеся запорожские казаки вскоре оставили Запорожье и отправились на Кубань. Там они основали Кубанское казачье войско.

Современное *кавун*, *каун* "арбуз" [ЕСУМ II, 336], южн., зап. [Даль II, 71], укр. *кавун* "арбуз", польск. *kawon* "тыква" [Фасмер II, 154]. Заимствовано из тур. *kaun*, *kavun* "дыня", тат., казах., кыпч. *kaun* "арбуз, дыня", уйг., чагат. *kaun* "дыня" [Радлов II, 51; 77, 468], азерб. *gavun* [Радлов II, 1550]. Отсюда же *кавунищик* "торговец арбузами"; возможно, рус. новообразование от *кавун* или же заимствование из тюрк. **kav-uncu* + русск. суф. *-ик* [Фасмер II, 154; Даль II, 71]. Выявляется в украинских фамилиях *Кавун*, *Каун*, *Каунко*, *Кавуненко*, *Кауненко* [Чучка, 2005, 32]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Кавуны* (хутор, Запорожье и Киевская область), *Кавуны* (село, укр. *Кавуни*, Арбузинский район, Николаевская область).

Современное *кайдани* "оковы" [ЕСУМ II, 343]; *kaidāni* араб., заимствовано в украинский через тюркские языки; в украинских источниках связывается также с *хайтан* "шнурок", тат. [ЕСУМ II, 343 со ссылкой на Преобр. I, 291; Дмитриева, 566]. И.Г. Добродомов не опровергает это мнение, объясняя, что в дигорском (западном и северном) диалекте <осетинского языка> встречается слово *qadama* (множественное число *qadamatə*) "кандалы, оковы"; в иронском же диалекте осетинского языка ему соответствует *qadaman* (множественное число *qadamantə*) [Добродомов, 1979, 82–90, со ссылкой на Абаева, 1973, 224–255]. Исследователь приводит результаты «разысканий» В.И. Абаева, который приходит к выводу о том, что осетинское слово *qadama(n)* связано этимологически с тюркским (чагатайским) существительным *qadana* "кандалы", арабским *qaidāni* (двойственное число от *qaid*) "оковы, узы" (соответственно, украинское *кайданы*), а также латинским *catena* "оковы, цепь", причем "замена *n* → *m* могла быть результатом контаминации с арабским (вошедшим и в некоторые тюркские языки) *qadam* "нога".

Выявляется в украинских фамилиях *Кайдан*, *Кайденко*, *Кайданенко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Кайданы* (хутор, Запорожье) и *Новые Кайданы* (село, Екатеринославская губерния).

Современное *кантар* "ручные весы" [ЕСУМ II, 366]; из араб.-тур. *kantar*; от ср.-греч. *κεντηνάριον*, с *e* в русск. от *кентинарь* [Фасмер II, 222]. Зафиксировано в «Словаре староукраинского языка» в форме *кантарь* как образование от тюрк. *kantar* "вес" со значением "единица измерения веса" [ССМ I, 469: Сучава, 1460, *ВД II*, 273]. Выявляется в украинских фамилиях *Кантар*, *Кантарь*, *Кантарко* (возможно). В качестве компонента выступает в топонимах: *Кантар* (хутор, Запорожье), *Кантаровка* (город, Одесская область), *Кантарное* (поселок, Донецкая область).

Современное *кантар* / *кантарка* "уздечка" (диал.), (вариант: *вездечка*) [ЕСУМ II, 366]. Параллели обнаруживаются во многих тюркских языках, ср. чаг. *kantar*, тур. *kantarma* "удила" [Фасмер II, 181; Преобр. I, 292–293]. Выявляется в

украинских фамилиях *Кантарко*, *Кантаренко*. В качестве топокомпонента выступает в микропониме *Кантарка* (село, Запорожье).

Современное *канчук* "плётка, ногайка" (варианты: *камчы / камчу*), тюрк. [ЕСУМ II, 367]. Это слово присутствует также в польском, словацком, чешском языках, что, возможно, указывает на древность заимствования (ср. "кнут, плеть", казанск., оренб; см. *камчук*, тур. *катџи*, кр.-тат., тат. *камчы* [Фасмер II, 178; ЕСУМ II, 367]. Выявляется в украинских фамилиях *Канчук*, *Камчук*. В качестве топокомпонента выступает в микропониме *Канчук* (водоток, Запорожье).

Современное *капшук* "кисет" (вариант: *канчук*) [ЕСУМ II, 380]. Отсюда, возможно, *капшук/капчук* "мальш", курск., орловск. [Даль II, 89]; первонач. "мешочек" [Преобр. I, 295]; *капшық* каз.; *канчүк* "мешок, кошелек", новгор., *капшук* "мешочек, кисет", псковск., тверск., смоленск., лужск. [РФВ 40, 114], арханг. [Подвысоцкий, 1885, 30], курск., орловск. [Даль II, 89]. Из тур., тат. *карџик* (*карџук*) "мешочек, кисет, кошелек", чагат. *карџик* [Радлов II, 429], переход *ч > ш*; отсюда, по мнению А.Г. Преображенского, польск. *karczuk*, *karџiuk*, *karџiush* "кисет" [Преобр. I, 295]. Выявляется в украинских фамилиях *Капшук*, *Кашук*, *Канчук/Копчук* [Чучка, 2005, 282–283]. В последнем случае возможно и образование от метафоризированных компонентов: 1) *карџик* – *карџик* (*капчык* – *капджук*) "sünnette erkeklik organından kesilen parça" (обрезок мужского полового органа после обрезания); 2) *карџик* – *карџиһ* – *карџик* – *карџик* (*капчык* – *капджух* – *капджук* – *канчук*) "tahıl tanelerinin kabuđu, ağaç kabuđu" (древесная кора, шелуха) [НДТ, 1975]. В качестве топокомпонента выступает в микропониме *Канчук* (после 1948 года Корнеевка; укр. Корніївка, кр.-тат. Қарџиқ, Къапчукъ), См. также: с. *Копчак* (Гагаузия), с. *Татар Копчак* (Гагаузия).

Современное *кацап* "русский" (пренебр.) [ЕСУМ II, 408]; *кас(с)ап* – тат., тур. "мясник", "живодер" (арабизм); *каззан* – каз. "вор"; *кэззан* – каз. "лжец" [ЕСУМ II, 408]. По данным некоторых украинских исследователей (Д.И. Яворницкий, А.Е. Крымский, С.О. Ефремов), в отдельных украинских документах XVIII в. это слово писалось как *касап* [Наконечный, 2015, 272–273, со ссылкой на: Яворницкий, 1901, 11; Крымский, 1901, 474; Ефремов, 1902, 2], что опровергает

версию народной этимологии, предполагающей происхождение от сочетания *как цап*, то есть "как козел". Словарь М. Фасмера, также выводящий слово от украинского *цап* "козел", но с приставкой *ка-*, в данном случае не является убедительным [Фасмер II, 213; Преобр. I, 302]. Обе эти версии не объясняют возможные фонетические изменения, происшедшие в слове (появление *с* вместо *ц*, выпадение *к* в середине слова), и заставляют искать более надежные источники этимологии.

По нашему мнению, прозвище носит отпрофессиональный характер. На это указывает словарный анализ процесса формирования переносного значения. См.: *Kasap – Kasan* (arab. *kaşşāb*): 1. Eti yenen hayvanları kesen ve satan kimse. 2. Et satılan dükkan 3. *Sf. мес.*. Kan dökücü, hunhar (1. Человек, который режет барана или корову и продает мясо. 2. Магазин, где продается мясо. 3. *Перен. прил.* Кровожадный (прилаг.), палач, убийца.) [НДТ, 1975]. Подтверждение этимологии мы находим в «Словаре староукраинского языка», который фиксирует форму *касанъ* как татарское имя собственное, а этимологию считает пришедшей из молдавского (*касан*) со значением "мясник" [ССМ I, 471: Сучава, 1462 *Cost. D.* 11]. В этом же значении слово фиксируется Е. Бернекером в болгарском, сербско-хорватском языках [Бернекер I, 492] и К. Локочем – в румынском [Локоч, 89]. Украинских источников XVII–XVIII вв., где слово *кацап* употреблялось бы в значении "русский", нами не обнаружено, поэтому считать подтвержденной гипотезу М. Фасмера и др. нельзя. С этим согласны многие исследователи См. у В.А. Бушакова: *qasap* кр.-тат., *kasap* тур., *ğässab* перс. "мясник, резчик мяса" < араб. *qassāb* – б. *Kasan-Батак* около с. Коз [Бушаков, 2003, 107–235].

Изначальное звучание слова сохранили украинские фамилии *Kasan*, *Kasapenko*, *Kasapчук*, *Kassan* [Луценко, XI]. В качестве топокомпонента обнаружено в номинациях: *Кацапка* (местность, Запорожье), *товарищество Кацаповское* (Херсонская губерния, Ананьевский уезд).

Современное *кендюх / кендюк* (варианты: *бендюх, бендюг*) "желудок, пузо" ЕСУМ выводит из тур. *kindik* "пуп" и сравнивает с каз. *kəndək* в том же значении [ЕСУМ I, 166]. В данном случае ЕСУМ неправ, так как фонетически неточен

(трудно объяснить появление гласных на месте турецких [i]); и семантическая корреляция "пуп" – "желудок" (внешнее – внутреннее) кажется нам недостаточно близкой. Логичнее здесь предположить этимологию от основы с метафорическим значением "вместилище, хранилище", каким в данном случае выступает др.-тюрк. иранизм *kendük* "большой глиняный кувшин" [ДТС, 1969, 298: МК II, 129]. Данную гипотезу подтверждает и обнаруженное в турецких диалектах слово *kendik* со значением "хранилище для еды" [НДТ, 1975].

Выявляется в украинских фамилиях *Кендюх, Кендюк, Кендючко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Кендук(х)* (хутор, Запорожье), *Кендюки* (балка, Запорожье).

Версия ЕСУМ о появлении в вариантах начального *б* как результате контаминации *бембух (бамбух)* "коровий желудок, пуп" [ЕСУМ I, 131–132] и *кендюх* также не является достаточно надежной [ЕСУМ I, 166–167].

Современное *килим* "ковёр" [ЕСУМ II, 432], тур. *kilim*, каз. *кілем*, тат. *кәлем* [Фасмер II, 232]; также оренб., кавк., южн., курск. *келим* "ковёр" [Даль II, 105], польск. *kilim*. Из кр.-тат., тур., кыпч. *kilim* [Радлов II, 1373]. Выявляется в украинских фамилиях *Келим, Келименко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Келимова пустошь* (местность, Запорожье), *Келимки* (балка, Запорожье).

Современное *кобза* "музыкальный инструмент с восемью струнами" [ЕСУМ II, 476], юж.-рус.; укр., блр. *кобза*. Заимствовано из тюрк.: ср. тур. *кориз* "разновидность гитары, арфы", казах., кирг., караим. *kobuz*, уйг., шор. *kobus*, тат. *kibuz* "скрипка" [Фасмер II, 268; Радлов II, 654, 662, 670, 1036]. *Кобыз* тюрк. "музыкальный смычковый инструмент"; *кубзай/кубзайр* – др.-тюрк. "играть на кобызе", форма настоящего-будущего времени [ЕСУМ со ссылкой на Махмуда аль Кашгари (1071 г.)]. Выявляется в украинских фамилиях *Кобза, Кобыз, Кобзарь, Кобзаренко, Кобезка, Кобзич, Кобзович, Кобезченко* [Чучка, 2005, 260]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах: *Кобзы* (хутор, Запорожье), *Кобыза* (местность, Запорожье), *Кобзари* (поселок, Амвросиевский

район, Донецкая область), Каверзе, приток реки, она же Кавярзе, она же *Кобза/Хобза* адыг. (Краснодарский край, Адыгея).

Современное *колиба* "курень", "пастуший домик", "зимовье", от тур. *kulübe/kaliba/koliba* [ЕСУМ II, 510], хотя само по себе слово не может являться тюркским, иначе выглядело бы, как *külübe*, что не фиксируется словарями. Возможно, иранизм. Выявляется в украинских фамилиях *Колиба, Колыба, Кольбаченко, Кульбаченко* [Чучка, 2005, 275–276]. В качестве топокомпонента выступает в топонимах: *Колиба* (село, Запорожье), *Колибаївка* (деревня, Каменецко-Подольский район, Хмельницкая область).

Современное *кульбаба* "одуванчик" (вариант: *куйбаба*) [ЕСУМ I, 103; III, 136]; *Leontodon taraxacum*, донск. [Миртов, 1929, 160; Даль II, 217]. По оценке Фасмера, – «тёмное слово» [Фасмер II, 412].

Возможно, от *гюль баба*: тюрк. *gül* "роза, цветок" и *baba* "отец, дед, старик" [ДТС, 1969, 195, 130] (примером чередования согласных *-к- / -г-* в начале слова является тюркское *гёк/кёк* – "небо", "синий"). Это подтверждается и данными ЕСУМ, в котором это слово зафиксировано в двух формах: *кульбаба* и *баба-куль* [ЕСУМ I, 103; III, 136]. Этимология, вероятно, связана с тем, что во время плодоношения семена одуванчика на стебле напоминают голову седого старика. Авторы ЕСУМ также предлагают выведение этимологии от южнославянского *кульбава* "цветок", буквально – "цветок, склонный к загибанию" [ЕСУМ I, 103; III, 136]. Однако такая этимология слова *кульбава* весьма спорна и, кроме того, не объясняет появление чередования *-б / -в*. На самом деле, слово *кульбава* также может быть одним из славянских вариантов этого, судя по всему, древнего тюркизма [Луценко, XI]. В данном случае интересным представляется процесс переноса значения на антропоним, который может идти как в направлении «признак → цветок → прозвище → имя» ("похожий на одуванчик"), так и в направлении «человек → признак → прозвище → имя» ("старик с цветком"). Последний тип переноса наблюдается, например, в ситуации с именем героя османских времен *Gül Baba / Gül baba / Gülbaba* "отец-роза", "отец с розой", который носил цветок на головном уборе, откуда и пошло прозвище [İslam

Ansiklopedisi, 22]. Хотя, возможно, данная версия является народной этимологией: Ignác Kúnos пишет, что прозвище *Gülbaba* может происходить от *Kelbaba* [Kúnos, 116], а Gyula Németh считает, что антропоним является производным повелительного наклонения глагола *gülmek* "смеяться" [КС.А II/5, 379].

Существуют и другие версии образования антропонима с данным компонентом. Так, П.П. Чучка со ссылкой на Ю.К. Редько [Редько, 1969, 129] и Й. Йордана [Jordan, 1983, 141] пишет о том, что фамилия *Колибаб(а)* распространена на Западной Украине и в Румынии. В Польше, по данным К. Римута [Rymut, 1999, 426], антропоним значится с 1417 г. и выводится из апеллятива *kolibaba* со значением "неповоротливый, неуклюжий, вялый человек". Однако обоснование такой этимологии ученый не приводит, поэтому считать ее надежной нельзя. Выявляется в украинских фамилиях *Колюбаба*, *Колибаба*, *Кулибаба* [Чучка, 2005, 276]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах типа *Кульбабине поле* (Тернополь).

Современное *кошара* "овчарня, загон для овец" [ЕСУМ III, 67–68], кр.-тат. *koşara* "стан, стоянка пастухов". Согласно ЕСУМ, это слово является заимствованием из молдавского или румынского языков, куда попало из болгарского или сербохорватского, однако тюркское происхождение этого слова и связь с др.-тюрк. словом *köş* "кочевье", отражающим образ жизни кочевых тюркских племен, весьма очевидны [ДТС, 1969, 311]. Выявляется в украинских фамилиях *Кошар*, *Кошаренко* [Чучка, 2005, 298]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах: *Старые Кошары* (село, Николаевская область), *Кошары* (село, Одесская область), *Червонные Кошары* (село, Вознесенский район, Николаевская область). См. также: *Илэк-Кошарское* сельское поселение (Ракитянский район, Белгородская область) образовано из села *Илэк-Кошары*. Точное возникновения названия села *Илек-Кошары*, как и время его основания, точно пока не установлены. Предположительно, село возникло в конце XVII века, в период массового переселения жителей Слободской Украины. Своим названием село обязано реке Илэк, на берегах которой раскинулось. Вторая часть названия,

возможно, произошла от слова «кошары» – загоны для овец или другого домашнего скота, в котором животные находились не только в пастбищный период, но и зимовали. Вероятно, возле одного из таких загонов и возникло село. По переписи 1779 г. в *Илѣк-Кошарах* проживало 240 лиц мужского пола. Основное занятие жителей – земледелие и скотоводство при среднем наделе около 2 га на душу.

Современное *куринь* "шалаш", "воинское подразделение у казаков" [ЕСУМ III, 154]. Ср. с чаг. *kürän*: 1) толпа, племя, отряд воинов; 2) пекарня [Радлов II, 1451, 1455; Фасмер II, 425]; монгол. "кольцо", "стоянка кочевников, окруженная по периметру повозками", "родоплеменная единица, соответствующая 1000 кибиток" [ЕСУМ III, 154]; позднее укр. *куринь* "изба", откуда польск. *kureń* "землянка, лачуга". Выводится из др.-тюрк. основы *kur-* "окружать". Выявляется в украинских фамилиях *Куринь*, *Куриенко*, *Куриненко* [Чучка, 2005, 564]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах: с. *Куреневка* (укр. *Куренівка*, Чечельницкий район, Винницкая область), с. *Куреневка* (укр. *Куренівка*, Киевская область).

Современное *лелека* "аист" [ЕСУМ III, 217], от тур., из пратюркск. формы **(j)eglek*, от которой в числе прочего произошли: тур. *leylek* "аист", тат. *läkläk*, азерб. *leyläk*; звукоподражательное тур., туркм., кр.-тат *leylek* [Фасмер II, 478; Микл. EW, 164; ЕСУМ IV, 217]. Выявляется в украинских фамилиях *Лелека*, *Лелеко* (выпадение *й*), *Лылык* (выпадение *й*, *е//ы*) [Ибрагимова, 2009, 62; Чучка, 2005, 330]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Леляки* (село, укр. *Леляки*, *Пирятинский район*, *Полтавская область*). На территории Украины четыре населённых пункта с данным названием, также: *Леляки* (село, Винницкая область). *Лелітка* (село, Хмельницкий район, Винницкая область).

Современное *майдан* "площадь, место сходов" [ЕСУМ III, 361]; также "просека в лесу на высоком месте"; также "смолокурня", арханг. [Подв., 30], стар. *маидан* "базарная площадь" [Хожд. Котова 84]. Слово заимствовано из араб. или перс. через тюрк. посредничество, ср.: тат., казах., туркм. *maidan* "ровное, свободное место", тур., кр.-тат. *meudan* [Фасмер II, 559; Радлов IV, 1990, 2069];

персидское «а краткое» заимствуется в турецком как *e*. Выявляется в украинских фамилиях *Майдан*, *Майданко*, *Майданенко*, *Мейданенко* (чередование *e//a*) [Ибрагимова, 2009, 63; Чучка, 2005, 354–355]. В качестве топокомпонента выступает в топонимах *Майдан* (местность, Запорожье), *Майданка* (село, Запорожская область).

Современное *отара* "стадо овец" [ЕСУМ IV, 231–232], южн.-рус., донск., *атарара* – то же в укр. Вероятно, из тюрк.: ср. тат., башк. *utar* "скотный двор", казах. *otar* "пастбище, стадо" [Преобр. I, 668; Фасмер III, 169]. Выявляется в украинских фамилиях *Отарко*, *Отаренко*. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Отара* (скала, Запорожская область), *Отарки* (деревня, Запорожская область).

Современное *талан* "счастье, удача", также "прибыль, находка" [ЕСУМ V, 507], вятск., перм., *таланить* "удаваться", сиб., укр. *талан* "счастье", блр. *талан*, сюда же *бесталанний*. Заимствовано из тюрк., ср. чаг., тур. *talan* "добыча, грабеж", казах., саг. *talan* "счастье" [Фасмер IV, 14; Радлов III, 881]. Выявляется в украинских фамилиях *Талан*, *Таланенко*, *Талын* [Чучка, 2005, 544]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Талан* (хутор, Запорожье), *Старая Талановка*, *Новая Талановка* (деревни, Запорожье).

Современное *терези* "весы" (астр.) [ЕСУМ V, 550], тур. *terazi*, азерб. *тэрэзи*, кыпч. *tarazu*, в украинских источниках оценивается как тюркский иранизм [ЕСУМ V, 550 со ссылкой на: Фасмер IV, 46; Микл. EW, 354; Микл. TEL I, 53, II, 175]. В ДТС фиксируется как *terasuk / terazuk*, под вопросом идет форма *tarazuk*; предположительно перенос названия предмета быта на созвездие [ДТС, 1969, 561; СГТЯ IV, 52]. Выявляется в украинских фамилиях *Терези*, *Терезиенко*, *Терзи* (выпадение *e*) [Ибрагимова, 2009, 79]. В качестве топокомпонента выступает в микропонимах *Терези* (район и местность, Запорожская область).

Современное *тютюн* "самый низкий сорт листового табака, махорка" [ЕСУМ V, 695], блр. *цюцюн* [ЕСУМ V, 696]. Заимствовано из кыпч. *tutun* "курительный табак" [Радлов III, 1572], ср.: тур. *tütün* "табак, дым", каз., чаг., уйг. *тутун* "дым", кр.-тат. *түтүн* "табак, дым" [Фасмер IV, 138; Микл. EW, 365, TEL

II, 181], восходит к тюрк. основе *tüt-* "куриться, испускать дым" [ДТС, 1969, 601]. Выявляется в украинских фамилиях *Тютюн*, *Тютюник*, *Тютюнник*, *Тютюненко* [Ибрагимова, 2009, 82]. В качестве топонима выступает в микропонимах *Тютюн* (хутор, Запорожье), *Тютюновский пруд*, *Тютюновский могильник*, *Тютюновский район* (Ростовская область).

Современное *чагар* "заросли, кущи" (вариант: *чагарник*) [ЕСУМ VI, 274]; выводится из кр.-тат. *чајыр* "левада, луговина, пастбище" или тур. *çayır* "левада", ср. караим. *чъагар* [Фасмер IV, 310; Радлов III, 1853]. Выявляется в украинских фамилиях *Чагар*, *Чигар*, *Чагаренко*, *Чигаренко* [Чучка, 2005, 479]. В качестве топонима выступает в топонимах *Чигары* (село, Запорожская область), *Чигары* (село, Джанкойский район, Крым), *Чонгар?* (город, Запорожская область)

Современное *чумак* "кабатчик" [ЕСУМ VI, 354], казанск., перм. [Даль IV, 614], вологодск. [ЖСт. 19, I, 115] "торговец солью и рыбой", также укр., блр. *чумак* "возница". Источник некоторые ученые видят в метафорическом переносе в тюрк. языках; ср. тур. *сотак* "булава, длинная палка", уйг. *сотак* "сильный, крепкий" [Радлов III, 2032], причем можно сослаться на аналогичные случаи перехода значений «дерево» > «человек» [Локоч 35; Фасмер IV, 382]. Выявляется в украинских фамилиях *Чумак*, *Чумаченко* [Чучка, 2005, 678]. В качестве топонима выступает в микропонимах: с. *Чумаки* (укр. *Чумаки*, Токмаковский район, Днепропетровская область, основано приблизительно в 1741 г.), с. *Чумаки* (Днепропетровский район, Днепропетровская область, основано в 1926 г. переселенцами из Новомосковского района). Всего обнаружено 7 населённых пунктов с этим названием. Также: хут. *Чумаковка* (Екатеринославская губерния, совр. Пятихатский район, Днепропетровская область). По списку «Алфавитный список населенных мест области войска Донского», 1915 г., обнаружены отантропонимные номинации: *Чумаково-Россошинский*, хут. Нижнее-Кундрюченской станицы 1-го Донского округа; *Чумаковский*, хут. Нижне-Кундрюченской станицы 1-го Донского округа; *Чумаковский*, хут. Михайловской станицы Хоперского округа; *Чумаковский*, пос. Гуляй-Борисовской волости Черкасского округа; *Чумаковых*, хут. в юрте

Троицко-Харцызской волости Таганрогского округа; *Чумак*, хут. в юрте Александровской волости Таганрогского округа; хут. *Чумачевский*, в юрте Александровской волости Таганрогского округа.

Современное *шана* "почет, достоинство" (также: *шануватися* "удостаивать почета") [ЕСУМ VI, 375]; ср. караим. *şan* "достоинство", тур. *şan* "честь", "слава" [Микл. EW, 337; ЕСУМ VI, 375], "известность". М. Фасмер, А.Г. Преображенский, К. Локоч со ссылкой на этимологический словарь Миклошича [Фасмер IV, 375; Преобр. II, 87; Микл. EW, 337] пишут, что это слово заимствовано из польского, где оно восходит к средневерхненемецкому *schōnen* "беречь", "щадить". Ю. Луценко считает версию о немецкой этимологии несостоятельной и отдает предпочтение тюркской [Луценко, XI]. Выявляется в украинских фамилиях *Шана*, *Шанко*, *Шановенко*, *Шанлы* (ср. с распространенной турецкой фамилией *Шанлы* "славный"), *Шановний*. В качестве топокомпонента выступает в топонимах: мест. *Шана* (Запорожье), б. *Шанлы*, *Шанле* (Ставропольский край, место древнего поселения ногайцев), ср. г. *Шанлыурфа* и с. *Шанлы* (Турция).

Современное *яр* "крутой, обрывистый берег", "большой глубокий овраг", "отвесная скала", "берег в расселинах" [ЕСУМ VI, 548], ср. типичные названия, например, *Красный Яр*, *Черный Яр* и др. (по Волге, в Сибири). Заимствовано из тур., тат., башк., алт. *jar* "крутой берег, крутизна, пропасть, отвесная скала" [Фасмер IV, 559; Радлов 3, 99], чув. *şir* "крутой берег" [Бернекер I, 445; Преобр. I, 139]. Зафиксировано в «Словаре староукраинского языка» в форме *яръ* в значениях: 1) "узкая, глубокая впадина с крутыми обочинами" [ССМ II, 585: Прилуки, 1459 P 171] и 2) "весенние посевы, яровое" [ССМ II, 585: 1471 ЛКЗ 92 зв.]. Выявляется в украинских фамилиях *Ярко*, *Ярош*, *Ярошенко?*, *Яровой* [Чучка, 2005, 645–646]. В качестве топокомпонента выступает в микропониме *Яр* (местность, Запорожье).

Отдельного рассмотрения требует сегмент территории современной России, включающий области дислокации Войска Донского, – Кубанскую область и Ставрополье. Топонимию данной местности, очевидно, также следует считать

результатом тюркско-украинского взаимодействия или, что более точно, взаимодействия тюркских языков и русско-украинского билингвизма.

После ликвидации Запорожской Сечи и расформирования Запорожского войска (1775 г.) начался этап миграции казачества, который закончился исходом части его в Турцию и оформлением в 1787–1788 гг. нового казачьего войска – Черноморского. Места расселения казаков, получивших «в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию со всей землею, лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так, чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же – Азовское море служили границею войсковой земли» [Дмитренко, 1896, 2], сохранили черты тюркско-украинского взаимодействия, принесённые переселенцами. Выборка из «Казачьего словаря-справочника» [Губарев, Скрылов, 1966–1970], дополненная материалами из исследований В.Н. Ковешникова, А.В. Твердого, С.В. Самовтора [Ковешников, 2006; Твердый, 2011; Самовтор, 2008], позволила выделить гибридные топонимы, ставшие результатом этого взаимодействия.

Кочеты, река (Кочетинский хутор, 1-я, 2-я, 3-я Кочеты), левый приток реки *Кирпили*. Речка 1-я Кочеты (43 км) впадает во 2-ю Кочеты (45 км), а она, сливаясь, с 3-ей речной Кочеты (47 км), образует собственно реку Кочеты, которая у ст. Медведовской впадает в реку Кирпили. Истоки реки Кочеты располагаются на высотах не более 80 м. Народная этимология связывает гидроним со словом «кочет» и именем А.В. Суворова, существует даже легенда, «объясняющая» происхождение названия, однако принять её за основу нельзя, поскольку номинация существовала уже ранее в форме *Кочати* и была подвергнута фонетической модификации.

Название *Кочати* обнаруживается на старых картах местности. Некоторые исследователи (В.Н. Ковешников, А.В. Твердый) [Ковешников, 2006; Твердый, 2011] находят в топонимике тюркские корни и объясняют слово следующим образом: *Кочати* – *Кочты* или *Кошты* (*ч > ш* в ногайском языке). «Кош» – это кочевье, временное жилище, «коч» – становище, лагерь. *Ты* – суффикс в тюркской топонимике, таким образом, *Кочеты* (Кочты) означает Прилагерная река»

[Ковешников, 2006; Твердый, 2011]. Возможна и такая версия: «Коча» – сухое место на заболоченной пойме реки, покрытой камышом (ее приводит в своей работе А.В. Твердый) [Твердый, 2011]. Первая версия отчасти подтверждается данными других тюркских языков: *кош* "становище, лагерь", так как в других топонимах тюркского происхождения встречается этот компонент (*Нагой-Кош* "становище татар, нагойцев"). Однако нам кажется более достоверной связь данного топонима с тюркской основой *köç*-. См.: уйг., чагат. *köç* "поездка, путешествие, переселение", кирг., уйг., чагат., тел., алт., леб., тар., караим. *köçmäk* "кочевать" [Радлов II, 1286; Бернекер I, 537; Миккола, WuS 6, 144; Фасмер II, 357] и выводимое значение "река, вдоль которой кочевали, пограничная река". Еще логичнее предположить отпредметное значение данного гидронима и переразложение морфем в результате межъязыкового взаимодействия: *köçütçi* → *köç- ü[t- çi]*, где *köç-* – корень, *köç üt* – аналитическая форма глагола, а *çi* – суффикс, образующий существительное со значением лица по роду деятельности. См. по ДТС: **Köçütçi** "тот, кто перевозит, переселяет": *köçütçi ölüm kəlgü axır kün ol*. Смерть, переселяющая [в другое место], придет в последний день (*QBN 437*₁₃) [ДТС, 1969, 311].

Понура – речка (1-я, 2-я Понура) образуется при слиянии двух притоков 1-я Понура (юго-западный) и 2-я Понура (северо-восточный). Истоки обоих притоков располагаются на высотах не более 39 м над уровнем моря и находятся на линии между г. Краснодаром и ст. Динской. Впадает речка в Понури́нский Лиман. На старых картах встречается название *Конур* (*Кунур*). В.Н. Ковешников предполагает тюркское происхождение гидронима на основании «логического ряда» *Понура – Конура – Конур – Кунур – Коныр*. В частности, он пишет, что название можно сравнить с *Конур* или *Коныр* (казах.), означающим "тёмный, бурый, коричневый". Он же предполагает другое происхождение названия: от тюрк. *конур* / *кунур*, состоящего из *кун* "день, солнце" и *ур* "впадина", т.е. "солнечная впадина", в смысле "тёплая или хорошо освещенная долина". По другим источникам, *Кунур* происходит от *Хунур*, где *ху* "синий", *нур* "озеро" [Ковешников, 2006; Твердый, 2011].

Местное население объясняет происхождение названия реки от прилагательного «понурая», т.е. грустная, ходит, повесив голову, что является переосмыслением на основе фонетического сходства. Река дает название населенному пункту, формируя ойконим: «Хутор Бойкопонура получил название от двух слов "понура" и "бойко" – этническое название жителей западной части Украины» [Ковешников, 2006; Твердый, 2011].

По нашему мнению, ни одна из этих версий происхождения гидронима не является правильной. Логичнее предположить наличие в топониме побудительной формы глагола *kön-* и общее значение "направляй на истинный путь", поскольку указывать направление движения, ориентировать на местности – это та функция, которую выполняли реки по отношению к кочевым народам. См. по ДТС: **Köndür-** *побуд.* от **kön-** I: *havaqa bulun bolma köndür köñül*. Не будь пленником страстей, направляй сердце по правильному пути (*QBN 288₆*); *ajur köndüräjin taruüqa jolum* говорит: «Направлю [себя] по правильному пути служения» (*QBN 45₁₃*); *köni törüg köndürgil* устанавливай (букв. направляй) справедливые законы (*Suv 566₁₄*) [ДТС, 1969, 315].

Учитывая этническую пестроту и активные миграционные процессы в регионе, можно также предположить неоднократное наложение тюркских компонентов с последующим наложением славянского («двойное» ложное калькирование): тюрк. *kön-* "направляй на истинный путь" > *Конур/Коныр* ср. казах. *коныр* "тёмный", "бурый", "коричневый" > *Понура* (понурий – грустный, хмурый).

Оценивая гидронимную составляющую региона, нужно отметить, что на данной территории находится много балок – низменных, заболоченных мест, иногда полностью заполненных водой. Многие из этих балок имеют названия, но они являются уже более поздними и не представляют интереса для нашего исследования.

Баталташинск, город на правом берегу Кубани (совр. Черкесск); основан в 1803 г. как поселение линейной станицы и назван по имени Батал-паши, войско которого казаки разгромили на этом месте 28 сентября 1790 г. От 1880 г.

Баталпашинская станица имеет статус города, а казачье население выделено под управление обычных станичных властей. Местное население связывает название города не с антропонимом, а со словами «баталия» или «батальон».

Таким образом, в зоне тюркско-украинского взаимодействия номинационные тенденции реализовались следующими способами:

1. В качестве мотивирующих выступают прозвища и фамилии тюркского происхождения, адаптируемые при помощи украинских аффиксов и финалей: *Чумак* (антропоним) > *Чумаковка*, *Чумаки*, *Кульбаба* (антропоним) > *Кульбабине поле* (Тернополь).

2. Мотивирующими являются тюркские сочетания, подвергшиеся калькированию: 1) *Сюттень* от др.-тюрк. *süt* "молоко" > *Молочная* (укр. *Молочна*; крупнейшая река северо-западного Приазовья, Запорожская область); 2) *Карасу* от кр.-тат., ног., др.-тюрк. *qara*, тур. *kara* "чёрный, тёмный, мрачный" и *su* "вода" > *Чёрная/Карасу*; 3) *Бестаиш* от кр.-тат., тур., др.-тюрк. *beş*, ног. *bes* "пять" и кр.-тат., др.-тюрк. *taş* "камень, скала" (*с < ш* в ногайском) > *могила Каменна Бестаиш* > *Каменные Могилы*; 4) *Илкысу* > *Конка* (или *Конская*, укр. *Кінська*, река, левый приток Днепра, Запорожская область); здесь народная этимология «название от табунов диких лошадей, обитавших в данной местности», подтверждается данными турецкой топонимики: *İlk* "табун", *su* "вода".

3. Мотивирующими являются тюркские лексемы, ставшие терминологическими единицами, типа *курень*, *яр*, *есаул* и под.: *куринь* заимств. из чагат. *kürän* 1) толпа, племя, отряд воинов [Фасмер II, 425] > *Куренивка*; *яр* заимств. из тур., тат., башк., алт., леб., тел. *jar* "крутой берег, крутизна, пропасть, отвесная скала" [Радлов III, 99] > *Червоний Яр* (Запорожская область); *есаул* из чагат., тур. *jasaul* "распорядитель, исполнитель повелений" [Радлов III, 215], азерб. *äsaul*, тат. *iasoul*; см. Микл. EW, 414; Преобр. I, 218 [Фасмер II, 27–28] > *Єсаулівка* (село, Антрацитовский район, Николаевская область).

4. Мотивирующими являются слова и сочетания, подвергшиеся фонетическому переосмыслению, так называемые «ложные кальки», иногда ставшие результатом народной этимологии: гидр. *Карачук* от кр.-тат., ног., др.-

тюрк. *qara*, тур. *kara* "чёрный" и чук "penis" > *Каратыш* тюрк. чук "penis" трансф. в *тыш* "камень, скала" > *Коротыш* фонетич. трансф. > *Коротка* (семантическая трансф. «короткий»). Очень часто это касается перенесённых названий, то есть тех номинаций, которые были сформированы после ликвидации Запорожской Сечи и переселения казаков. См.: гидр. *Кочати* от *Кочты* или *Кошты*, *кош* "кочевье, временное жилище" [Ковешников, 2006], либо *köç* "поездка, путешествие, переселение", либо *köçütçi* "тот, кто перевозит" > *Кочеты* (кочет – петух), *Конур* (*Кунур*) ср. казах. *коныр* "тёмный", "бурый", "коричневый" > *Понура* (понурий – грустный, хмурый).

Таким образом, анализ топонимического материала позволил сделать вывод о том, что основным вектором тюркско-украинского взаимодействия в топонимии стал метонимический перенос по модели «нарицательное → антропоним → топоним». Формирование подавляющего большинства тюркско-украинских топонимов на базе фамилий и прозвищ даёт возможность говорить об антропонимном характере топонимии данной зоны.

5. Урумско-русско-украинская топонимическая зона.

Выделение данной зоны является логичным и обоснованным, если принять во внимание тот факт, что «лингвистически урумский чрезвычайно близок крымскотатарскому языку, однако сами урумы, как правило, избегают однозначного отождествления своего идиома с татарским или турецким языками, предпочитая говорить об их "сходстве". Информанты часто отмечают *смешанность* идиом (соединение элементов различных тюркских или *татарского* и *греческого/эллинского* языков), позволяющую говорить об урумском как об отдельном языке, несводимом полностью ни к одному, ни к другому» [Баранов, 2007, 159]. Нужно сказать, что данная зона языкового взаимодействия, несмотря на свою историческую древность, является самой «молодой» из рассматриваемых, поскольку складывается в период XVIII–XXI вв. в результате заселения региона носителями разных языков, в том числе восточными славянами и «приазовскими греками» – румеями и урумами.

Из истории известно, что впервые греки появились сначала в Северном Причерноморье в VII в. до н.э., а затем с V в. до н.э. и в Приазовье. Греки вели активную торговлю со скифами. По истечении непродолжительного времени начался процесс колонизации указанных территорий, когда греки постепенно стали оседать на этих землях, предпочитая побережья морей [Дьяков и др., 1956, 412–414]. Языковая ассимиляция части греческого населения крымскими татарами привела к тому, что греки перешли на тюркские диалекты, и результатом этой ассимиляции стало формирование особого урумского диалекта и особой этнической группы – урумов.

Хронологически период формирования данной зоны совпадает со временем правления Екатерины II, которая, желая защитить юго-западные границы Российской империи от посягательств крымских ханов, предложила крымским грекам переселиться на пустующие земли Дикого поля и Приазовья. Но, хотя квота на переселение была предложена значительная (планировалось переселить 1 млн. 400 тыс. семей), реальное число переселенцев оказалось существенно меньше. Руководство процессом переселения по распоряжению императрицы осуществлял А.В. Суворов, известный русский полководец. А.В. Бушаков, ссылаясь на данные картографии и историографии, пишет по этому поводу: «Грекомовні румеї (уруми їх називають *тат*, свою мову вони називали *айла* 15) та тюркомовні уруми (румеї називають їхню мову *базарьоту глоса* «мова базару, тобто міста»), яких вийшло з Криму 18 391 душа, поселилися між річками Берда і Мокрі Яли на заході та Кальміусом на сході. Заснованим тут селищам переселенці давали імена залишених ними в Криму рідних сіл. Румеї заснували села *Каракуба* (*Аргин*), *Константинополь* (*Фуна*, *Демерджі*), *Сартана*, *Стиля*, *Урзуф* (*Маджар*), *Чердакли*, *Чермалик*, *Єні-Сала* (*Янісоль*, *Харахла*) та *Ялта* (*Яліта*). Урумами були засновані села *Бешево* (*Бешуй*), *Богатир*, *Камар* (*Камара*), *Карань* (*Кара-Яні*), *Керменчік*, *Старий Крим*, *Ласпа* (*Ласні*), *Мангуш* та *Улакли* (*Джемрек*). Велику *Єнісоль* (*Велика Янісоль*, *Салгир-Сала*) заселили румеї та уруми. Наведені ойконіми показують, що урумські села знаходилися в південно-західній частині Кримського півострова. Села *Бугас* та *Анадоль* заснували в

двадцять років XIX ст. греки, що переселилися з Малої Азії. Адміністративним центром Маріупольського грецького округу, який охоплював засновані кримськими та анатолійськими греками в 1779–1826 роках 24 вищеназвані колонії, було засноване 1779 року місто *Маріуполь* (первісно *Марієнполь*), назване так по кримському селу *Майрум* зі скельним монастирем *Успенія Божої Матері*, в якому зберігалася священна реліквія – ікона *Діви Марії*. Ікону переселенці перевезли до Маріуполя [Браун, 1890; Бертъе-Делагард, 1914, 7–10, прим.; Сергиевский, 1934, 533; Иванова, 1979, 74–75; БСАМ, К 57–58]. Лише вісімнадцять родин, що вийшли з *Аутки*, з особистого дозволу Катерини II змогли через п'ять років повернутися до рідних домівок у Криму [Кондараки, 1783, 198]» [Бушаков, 2003, 52–53].

При переселенні із Крима в Маріупольську губернію було основано 21 поселення, із них десять урумських, дев'ять румейських і два смешаних (місто Маріуполь і селище Салгир Янисала, нині – Велика Новоселівка).

Освоєння виділених приазовських земель не було простим: холодні континентальні зими і специфічний ландшафт регіону стали причиною того, що багато греків-переселенців поступово відійшли до берегів Азовського моря. Немногі, що залишилися, все-таки адаптувалися до холодних зим і особливостей землеробства, і на сьогоднішній день їх нащадки становлять більшу частину населення Донбасу, Приазов'я і приазовської Росії.

Топонімічне мовне взаємодіяння даної зони представлено всіма типами топонімів і на всіх рівнях мови. Дослідники відзначають: «Вплив русько-українського двомов'я на живу мову і топонімію привело до полілінгвальних гібридів, виниклих внаслідок різнорівневої інтерференції (*Комар*, *Комарь* замість *Камара*; *Долинтарєво*, *Гурджи-ту-Хутра*, *Левку-ту-Хутра*, *Бешеве* замість *Бешев*, *Чердакли* як форма множинного числа: в *Чердаклах* і др.)» [Жарикова, 2011, 123]. Оскільки областю нашого дослідження є тюрксько-слов'янське мовне взаємодіяння, ми не розглядаємо топоніми румейського походження і лише в деяких випадках наводимо слов'яно-урумо-румейські гібриди,

интересные в плане экспликации тюркских и славянских компонентов. Тюркский компонент активно прослеживается в гидронимии, оронимии, ойконимии региона.

Опираясь на мнение исследователей, можно сказать, что топонимия данной зоны «имеет два диахронных яруса: нижний, состоящий из названий, перенесенных в Северное Приазовье из Крыма православными греками, и верхний, представленный названиями новых селений или их частей, появившихся на новом месте и отражающих новые реалии жизни приазовских греков» [Жарикова, 2011, 123].

Выборка из топонимического словаря Отин [Отин, 2014] дала 130 урумско-русских лексем, из которых гидронимных – 37. Это: *Алты́н Тарама́, Амáл, Арáл, Аракпа́ш, Ачли́ Тарама́, Баба́х Тарама́, Балаба́н Тарама́, Балтаму́р, Большо́й Караты́ш, Балы́х Чихха́н Тарама́, Горго́р Ольге́н, Зепа́р (Зепа́р Тарама́), Кашлага́ч, Кичи́к Озе́н, Кичиксу́, Кичи́к Даг, Клéбан-бык, Коста́ Чохра́х, Ксэ́нита Тарама́, Кувáл Чохра́х, Кунжи́, Мо́края Сарма́тская, Мо́крые Ялы́, Осра́х Хую́, Пига́бья, Сараба́ш (Сараба́ш Тарама́, Сарыба́ш Тарама́), Савлу́х Чохра́х, Сарба́н, Сува́т, Тарама́, Таи́ Чихарга́н Тыня́х, Хайна́х Чохра́х, Халфатина́г, Харла́йка (Чухурлы́ тарамá), Хуру́ Тарама́ (Сухая Волноваха), Ширилдау́х, Яр Осозы́.* Гидронимия района в основном представлена малыми формами (родники, ручьи, источники, оформленные в колодцы, ставки, небольшие реки и мокрые балки).

1. В качестве мотивирующих выступают фонетические и словообразовательные модификации сочетаний с урумскими родовыми терминами *су* "река", *тарамá* "балка", *чохра́х* "ключ, источник", *озе́н (узэ́н)* "речка, ручей": *Балы́х Чихха́н Тарама́, Кичи́к Озе́н, Кичиксу́, Коста́ Чохра́х, Кувáл Чохра́х, Осра́х Хую́, Савлу́х Чохра́х, Хайна́х Чохра́х, Харла́йка (Чухурлы́ тарамá)* от урум. трансформированного *чуху́р* "впадина, низина, яма" + суф. –к(а).

2. Мотивирующими являются исходные названия водных объектов, к которым добавляются определители *большой, малый, сухой, мокрый*, выполняющие роль словообразовательных формантов: *Большо́й Караты́ш, Мо́края Сарма́тская, Мо́крые Ялы́, Сухая Волноваха.*

3. Мотивирующими являются антропонимы: *Зепір* (*Зепір Тарамá*), *Костá Чохрáх*, *Ксэ́нита Тарамá*, *Халфатинáг* (из антропонимного сочетания *Халфа Тыйнак*, где *тыйнак* / *тыйнах* "пруд", "ставок", ср. кр.-тат. *тыйнакъ* с тем же значением).

4. Мотивирующими являются «признаковые» слова и сочетания, часто подвергшиеся вторичной метафоризации: *Аракна́ш*, букв. "пьяная голова" (ср. урум. *арак* "водка", *аракчи* "пьяница"); по предположению Отина: «В этом месте, как объясняют информанты, возникает быстрое течение, водоворот; у некоторых пловцов появлялось головокружение (отсюда "пьяная голова")» [Отин, 2014, 20]; *Хайна́х* (*Хайна́х Чохрáх*), из урум. *хайна́х* "кипящая вода, кипятки", по Отину: «Значение гидронима: "криница с кипящей водой"» [Отин, 2014, 156]; *Балтаму́р*, по мнению Отина: «его первая часть – *бал* "мёд" или "медовый", вторая – *тамыр*, *тамур* "корень", "жила". Первичное значение лексикализованного словосочетания – "медовый корень" [Отин, 2014, 30]; *Сараба́ш* (*Сараба́ш Тарамá*, *Сарыба́ш Тарамá*), по Отину: «...первая часть <...> – антропоним *Сарыба́ш* (букв. "рыжеголовый"; урум. *сары́* "жёлтый, рыжий", *баиш* "голова")» [Отин, 2014, 126–127]; *Таиш Чихарга́н Тыня́х*, по Отину: «...*таиш чихарган* "камень вынимали": *таиш* "камень", *чихарган* – действительное причастие прошедшего времени с аффиксом *-ган* от глагола *чихармах* "вытягивать, вынимать"» [Отин, 2014, 143]; *Ширилдау́х* от тюрк. *шырылты́* "журчание" + суффикс *-вух* (-вук, -ук, -ух), образующий отглагольные сущ. и прил.

5. Мотивирующим является слово или сочетание, подвергающееся топонимической метонимии, при этом наблюдаются разные типы метонимического переноса: 1) *тарамá*, географический термин, из урум. "балка" > *Тарамá*, гидроним; 2) *суат* из урум. "место водопоя домашнего скота", географический термин > *Сувáт*, гидроним; 3) *зепір* из урум. *зепір* "дурак, простофиля" > *Зепір* фамилия > *Зепір* (*Зепір Тарамá*) гидроним; 4) *Куинджі́*, *Куинжі́*, урумск. фамилия > *Кунжі́*, *Кунжу́*, разговорн. форма > *Куинджи тарамá*, *Кунжі́ тарамá* гидроним > *Кунжі́* гидроним; 5) *сарпа́н* из урум. "копна" > *Сарпа́н*, антропоним > *Сарпа́н*, гидроним; 6) (*Большо́й*) *Караты́ш*, букв.

"чёрный зуб", возможно, "чёрная скала", так как «географический термин слово *тиш* в тюркских языках означает "остроконечный утёс", "отвесная скала"» [Отин, 2014, 39], номинация по орониму; *Горгóр Ольгён*, ороним > *Горгóр Ольгён*, гидроним, см. у Отина: «Топонимизированное словосочетание со значением "Григорий умер". В этом месте когда-то было захоронение местного грека-урума, положившее начало сельскому кладбищу. Позднее вследствие переноса некронима на безымянную балку так стала называться и она. Ввиду невозможности звукосочетания *гр* в урумском наречии христианское личное имя *Григорий* изменяется в *Горгор*» [Отин, 2014, 52].

6. Мотивирующими являются сочетания (часто с родовым термином), подвергшиеся калькированию: *Балы́х Чихха́н Тарамá* > *Рыбная балка*. По словарю Отина: «Описательный урумский топоним со значением "балка, где появляется рыба". Тюркский (урумский) топонимический изафет, в котором функцию определения выполняет словосочетание *балы́х чихха́н* "рыба появилась", а определяемого – урумский географический термин *тарамá* "балка"» [Отин, 2014, 32]; *Ширилдау́х* от тюрк. *шырылты́* "журчание" + суффикс *-вух* (-вук, -ук, -ух), образующий отглагольные сущ. и прил. > *Шумок* [Отин, 2014, 184]; (*Старая Карань* кр.-тат. *каран* "мрак, темень", "тесный" > *Гранитное*).

В силу особенностей рельефа наиболее активны в районе оронимы. Выделено 78 топонимических единиц: *Авра́м Даг* (огуз.) / *Авра́м Тав* (кыпч.), *Авра́м-та-Хаядичá*, *Авра́м-ту-Джасп*, *Адамáн Чалга́н*, *Адамáн Чалга́н Тарамá*, *Аджи́ Павлу́ Тарамá*, *Алчи́ Обá*, *Ама́л Обá*, *Анто́шка Тарамá*, *Ара́л Тарамá*, *Аркады́-та-Убайда́*, *Арма́ Хая́*, *Асла́нова балка*, *Ат Чапха́н Обá*, *Атамáн Чалга́н Тарамá*, *Ах Топра́х Тарамá*, *Ачапа́н*, *Баба́*, *Баба́х*, *Баба́х Уя́*, *Бабахлы́ Тарамá*, *Базары́-ту-Стра́та*, *Балы́х Чихха́н Тарамá*, *Бибиши́-т-Хая́*, *Большо́й Караты́ш*, *Бугáс*, *Васи́ль Ольгён Тарамá*, *Гуржи́ Сува́т* (*Гуржи́ Сува́т Тарамá*), *Зау́т Йо́л*, *Зепи́р Тарамá*, *Зор Та́у*, *Йилáн Тарамá*, *Йылау́х Тобé*, *Йылхы́ Тарамá*, *Капу́рка*, *Когемли́ Тарамá*, *Крупча́тка Хула́х*, *Ксе́нита Тарамá*, *Кукóс Тарамá*, *Кунжи́ Тарамá*, *Май Тугáй*, *Манта́ Даг*, *Пелитли*, *Пляти́ Таиш*, *Почта́ Тарамá*, *Сара́ф-ту-Джасп*, *Сард́жан*, *Сары́ Топра́х*, *Скули́ Тарамá*, *Сува́т*, *Сульме́н Ольгён* (*Сульме́н-*

Ольгэн-Хулах), Тавлу Тарамá, Тайгань Страта, Тахлы, Таиш Тубэ, Тоган, Топал Тубэ, Топрах Чхур, Топчу Тарамá, Узун, Учурум, Фитилей Тарамá, Хабурга Тарамá, Хавалей Тарамá, Хаймах Тарамá, Халфатинаг, Хан Тарамá, Хочкар Эгерек, Хубатал, Хуру Тарамá, Чингэнэ Тарамá, Шайтанка (Шайтан Обá), Шахман Хая, Шенкустысн Убá, Шишма, Эмирлгэн Тубэ, Юзбаши Тарамá, Ялпах Обá.

В основном оронимия района представлена сухими балками, бывшими некогда «отводами» рек и превратившимся со временем в обычные овраги, что позволяет рассматривать их в группе форм рельефа – оронимов. Также присутствуют возвышенности разных видов.

1. В качестве мотивирующих выступают урумские родовые термины *тау* "гора", *тав/дав/даг* "лес", *тарамá* "балка", *оба/уба* "холм, курган", *хая* "скала", *тыш* "камень", *джап* "склон горы, косогор", *хулах* "балка, глубокий овраг", конкретизируемые антропонимами или сочетаниями с антропонимами: *Аврам Даг, Аврам Тав, Аврам-та-Хаядичá, Аврам-ту-Джап, Аджй Павлу Тарамá, Асланова балка, Балабан Тарамá, Василь Ольгэн Тарамá, Зепир Тарамá, Ксенита Тарамá, Кукос Тарамá, Кунжй Тарамá, Сарабаш Тарамá, Сарáф-ту-Джап, Сульмэн-Ольгэн-Хулах, Шахман Хая, Шенкустысн Убá.*

Из этой группы, по нашему мнению, следует исключить топоним *Балабан Тарамá*, который по словарю Отина имеет антропонимное происхождение: «Его определяющая часть – прозвище *Балабан* (от *балабан* "большой; великан; толстый; с большой головой"), определяемая – тюркский географический термин *тарамá* "балка"» [Отин, 2002, 29]. Учитывая перенесённый характер данного топонима (Старобешевский район) и его крымскотатарское происхождение, можно предположить иную мотивацию, поскольку компоненты *балабан* и *кичкинэ* (большой, малый) в огузских топонимах соответствует компонентам *биюк* и *кучук* – в кыпчакских. Вероятно, формирование диалектного значения «большой» происходит на основе метафорического «большеголовый», которое отмечает Радлов [Радлов 4, 1494]. Поэтому наблюдается существование параллельных наименований отдельных географических реалий: *Кучук-Тас-тау*, она же

Кичкине-Тас-тау; названия употреблялись как в кыпчакском, так и в огузском диалектах.

Возможно также и зоонимное происхождение топонима, так как укр. *балаба́н* заимствовано из тур., крым.-тат. *balaban* "сокол", род хищной птицы; кыпч. *balaban* [Радлов IV, 1494], ср.: казах. *balapan* "птенец" [Фасмер I, 111], а географические условия местности не исключают обитания в данной местности какого-либо вида соколов.

2. В качестве мотивирующих выступают урумские родовые термины, конкретизируемые этнонимами: *Гуржі́ Сувáт* (*Гуржі́ Сувáт Тарамá*), из тюрк. *гуржи* "грузин"; *Фитилéй Тарамá*, из заимств. группового прозвища *фитили́* "высокие темные люди"; *Чингэ́нэ́ Тарамá*, из заимств. *чингэ́нэ́* "цыган".

3. В качестве мотивирующих выступают урумские родовые термины, конкретизируемые словами, обозначающими социальное положение или род занятий человека: *Адамáн Чалга́н* из урум. сочет. *одаман чалган*, где *одаман* "старший пастух" и *чалган* – дейст. причастие прош. вр. от глагола *чалмах* "косить"; *Адамáн Чалга́н Тарамá* из урум. сочет. *одаман чалган*; *Атамáн Чалга́н Тарамá* из урум. сочет. *атаман чалган* (крым. *одаман* – начальник над пастухами [Лашков, 1897, 73]) [Бушаков, 1991, 79]; *Кувáл Чохра́х* от урум. *кавал* "дудка, сопилка", *чохрах* "родник, криница"; Е.С. Отин связывает название с прозвищем местного жителя *Кувал*, который, вероятно, занимался изготовлением музыкальных инструментов; *Топчу́ Тарамá* от урум. *топчу/топчи* "пушкарь, канонир"; ср. *топ* "пушка; ядро"; *Юзбаши́ Тарамá* от тюрк. *юзбаши́* "сотник" или урум. "староста" (*юзь* "сотня", *баиш* "голова, начальник").

4. В качестве мотивирующих выступают урумские родовые термины, конкретизируемые зоонимами (тюркскими или румейскими): *Аркады́-та-Убайда́* из рум. *аркуди́а* "медведь"; *Ат Чапха́н Обá* и *Ачапа́н* из урум. *ат чапхан* "лошадь скакала"; *Бабáх* и *Бабáх Уя́* из урум. *бабáх* "сурок"; *Бабахлы́ Тарамá* из урум. прилагательного *бабахлы́* "бабачий, сурчиный"; *Балы́х Чихха́н Тарамá* из урум. *балы́х чихха́н* "рыба появилась"; *Бибиши́-т-Хая́* из рум. *биби́ш* "голубь" и урум. *хая* – "скала"; *Йилáн Тарамá* из тюрк. *йилáн* "змея, гадюка"; *Йылхы́ Тарамá* из

урум. *йылхы* "табун"; *Хочкар Эгерек* из урум. *хочкар* "баран", *эгерек* "место отдыха скота на водопое", географический термин; *Щили́ Махала́* из рум. *щили́/щильи́* "собака" + урум. *махала́* "квартал", "часть селения".

5. Мотивирующим является слово или сочетание, подвергающееся топонимической метонимии: *чишма́/чешме́*, из урум. "источник, из которого начинается ручей", географический термин > *Чешме́* гидроним > *Шшима́* ороним, переход ног. *ч* > *ш*; из урум. *тогай* (*тугай*) "луг в пойме реки" > *Тоган*; *Данил Тарама* гидроним < б. *Данил Тарама* ойконим; *Кичиксу* гидроним < б. *Кичиксу* ойконим.

6. Мотивирующими являются слова и сочетания, подвергшиеся вторичной метафоризации: *Шайтанка* от тюрк. *шайтан* "чёрт, дьявол"; *Щили́ Махала́* из рум. *щили́/щильи́* "собака" + урум. *махала́* "квартал", "часть селения"; *Хабурга́ Тарамá* из урум. *хабурга́* "ребро", *Топáл Тубэ́* от урум. *топáл* "хромой, калека", *тубэ́* "холм, курган"; *Йылау́х Тобé* от урум. *йылау́х* "плачущий" (от *йыла* "плакать") и *тобé* "холм, степная могила", по Отину: «...*Йылау́х тобé* – "плачущий курган". По рассказам местных жителей, раньше здесь была мельница, где жили совы, которые «плакали» по ночам» [Отин, 2014, 70].

Уточнения, по нашему мнению, требуют оронимы *Тахлы́*, *Топáл Тубэ́*, *Хайма́х Тарамá*. *Халфатина́г*, *Шахма́н Хая́*.

1. Топоним б. *Тахлы́* по словарю Отина толкуется как «топонимизированное прилагательное с основой *дах* (*даг*) "лес"», результат разрушения полной формы топонима *тахлы тарамá*, с общим значением "лесистая балка", так как «её склоны были покрыты байрачным лесом, кустарником» [Отин, 2014, 142]. Но эта версия не представляется достаточно убедительной. Возможно толкование от кр.-тат. *taq*, тур., *tak* арка, "свод, купол" < перс. *tağ* (*-li/-li* – тюркский аффикс адъективности), то есть общее значение "куполообразная балка", ср.: г. *Так-Тау*, ск. *Так-Таиш* около с. Ворон, камень *Такин-Таиш* около Балаклары. (Вероятно, от этой же основы образовано и «темное», по мнению Фасмера, слово *тахán* – "плоская сторона игральной кости, альчика", терск. [РФВ 44, 108; Фасмер IV, 29], т.е. обратная сторона куполообразной игральной кости.)

2. *Б. Топáл Тубэ́* (Старобешево) определяется как «урумский ороним изафетного типа: географический термин *тубэ́* "холм, курган" определяется прозвищем *Топáл* (от урум. *топáл* "хромой, калека")» [Отин, 2014, 145]. Более справедливо иное толкование: *toplü* кр.-тат., тур. в одном из значений – "круглый, шарообразный" (*top* – мяч, шар, круглый, *-li* – тюркский аффикс адъективности, метатеза *al/la/li*), ср.: с. *Топлу* (*Топли*) (армянское село в Крыму).

3. Топоним *б. Хайма́х Тарамá* по словарю Отина толкуется как "каймачная балка": *хайма́х* "густые сливки", *тарамá* "балка". При этом этимология (причина номинации) топонима в настоящее время считается утраченной. Приводится только версия местного жителя П.Г. Сараваса о том, что «греки в старину куски обезвоженного каймака досушивали на стеблях камыша и осоки в балках, а затем разрезали их и подавали на стол» [Отин, 2014, 175]. Не исключается и антропонимное происхождение топонима: *Хаймах* как прозвище местного жителя. По нашему мнению, этимология топонима связана со старотюркским *ajmaq* "род" [СлРЯ XVIII I, 33], ср. башк. *ajmaq* "род или родовое подразделение в северо-восточной Башкирии", очевидно, заимствовано из монгольского. В этом случае возможно толкование топонима как "родовая балка".

4. Толкование топонима *б. Халфатина́г* Е.С. Отин связывает с сочетанием *Халфа Тыйнак*. См.: «Его вторая – определяемая – часть, скорее всего, была представлена урумским географическим термином *тыйнак / тыйнах* (ср. кр.-тат. *тыйнакъ*) "пруд", "ставок", "водохранилище", а первая (определяющая) – антропонимом *Халфа*, в основе которого лежит урумский апеллятив *халфа* "подмастерье, подручный", "помощник (ремесленника, учителя и т.д.)"». Ср. кр.-тат. *кал(а)фа*, ног. *калфа*, тур. *kalfa* с теми же значениями. Фамилия *Халфа* зафиксирована и в современном антропонимиконе приазовских греков. В балке когда-то, вероятно, был ставок или запруда, с которыми как-то был связан местный житель по прозвищу *Халфа* (владел ставком или построил греблю)» [Отин, 2014, 157], то есть предлагаются две версии, обе связанные с человеком. По нашему мнению, происхождение возможно связать со словом *халва́н* (*гальбан*) "смолистое вещество, выделяемое одним сирийским зонтичным растением". Из

греч. *χάλβανον, χαλβάνη* – то же, заимств. из семит.; ср. араб. *ḥalbān-*, др.-еврейск. *ḥel'bnāh-* [Фасмер IV, 217]. Персидский ученый Аль-Бируни писал, что «гальбан бывает трех видов: растущий у моря, на суше и в горах. Из первых двух один вид белый легкий и сухой, а другой мягкий и желтоватый, как мед прозрачный и острый. Этот вид хорош. Камедь бывает влажной и сухой, лучшая та, запах которой приятен". В торговле прошлого века в Россию очень хороший, довольно жидкий гальбан привозился из-за Каспийской области через Астрахань и Оренбург на Нижегородскую ярмарку. Некоторые разновидности растений, также называемые халваном, произрастают и в Крыму, откуда прибыли переселенцы – приазовские греки. Поэтому вполне вероятно наименование балки по типу растительности, сходной с известной им по типу и запаху.

5. Топоним *Шахман Хая* по словарю Отина имеет антропонимный характер: «топонимический изафет с урумским географическим термином *хая* 'скала' и антропоним *Шахман* (эту фамилию имеет несколько жителей Стылы)» [Отин, 2014, 183]. Как нам кажется, ближе версия образования данного слова от тюрк. *sokta* "дорожка, тропинка", ср. сев.-тюрк. *sakta* "тропа", казах. *sokpa*, чагат. *soktak* "дорога, тропа", от **sok-* "бить", согласно Радлову [Радлов IV, 526]. Ср. в семантическом отношении *шлях* [Фасмер III, 547]. То есть возможна этимологизация как «скала над дорогой / у дороги».

6. Топоним *Шёнкустысн Уба* по словарю Отина связывается с тюркским географическим термином *оба* (*уба*) "курган, холм, насыпь" и с неясной румейской определяющей частью. «В ней угадывается румейское прилагательное *шёнк* "весёлый". Что касается следующего *-(к)усты*, то им могло быть прозвище *Кусты* (представленное в современной греческой антропонимии уже как фамилия). Затруднение возникает и в объяснении следующего за ним звуко сочетания *-сн-*» [Отин, 2014, 183]. По нашему мнению, второй компонент топонима структурно представляет собой образование от заимствованного из калмыц. *устэ* "волосатый, покрытый шерстью", ср. *устсн* [устесен] "обросший (заросший) волосами (шерстью)" [Муниев, 1977, 555] – возможная номинация по характеру растительности.

Среди ойкономов выделено 17 единиц: *Адамán Чалгán, Арым, Бахчисарáй, Великая Новосёлка, Гезлеве́, Госуда́рев байра́к, Елизаветовка (Ялизоветовка), Новобéшево, Оджахсы́з Чет, Сартана́, Сатарая Карань, Суджи, Улаклы́, Хамы́ш Суáт Чет, Чердаклы́, Чермалы́к, Щили́ Махала́*. Многие из данных единиц дублируют ойконимы Крыма. По этому поводу Бушаков пишет: «В Донецкой области сохранились названия многих крымских селений, перенесенные мариупольскими греками с родины: *Бешево, Богатырь, Бугаз (Богаз-Сала, или Ходжа-Сала в Крыму), Каракуба, Карань, Керменчик, Комар, Ласпа, Мангуш, Сартана, Старый-Крым, Стыла, Улаклы, Урзуф, Чердаклы, Чермалык, Ялта, Янисоль* [БСАМ, К 99–100] (см. карту Крыма [БСАМ, К 54] и список, в котором сопоставлены названия селений мариупольских греков в Приазовье и селений, оставленных ими в Крыму, у А.Л. Бертье-Делагарда, [Бертье-Делагард 1914, 7–9])» [Бушаков, 1991, 61].

На этом основании можно сделать вывод, что номинационная тенденция в ойконимии реализовалась следующими путями:

1. Мотивирующими выступали названия исходных селений, то есть изначально перенесенные ойконимы, к которым добавлялись определители *новый, малый*, выполняющие роль словообразовательных формантов: *Бешево > Новобешево; Ласпа > Новоласпа; Комар > Новый Комар; Керменчик > Малый Керменчик; Сартана > Новая Сартана; Каракуба > Новая Каракуба*.

2. Мотивирующими выступали антропонимы – фамилии и прозвища основателей хутора, к которой добавлялись артикль и географический апеллятив: *Джавлах-ту-Хутра, Думбалака-ту-Хутра*.

3. Мотивирующими выступали слова и сочетания, подвергнутые метонимическому переносу: *богаз, бугаз* "проход; пролив, ложбина", географический термин > *Бугас (Волноваха); Койбаи*, антропоним, фамилия основателя хутора > *Койбаи*, название хутора [Отин, 2014, 39].

4. Мотивирующими являются слова и сочетания, подвергшиеся вторичному калькированию: *Щили́ Махала́* из рум. *щили́/щилы́* "собака" + урум. *махала́* "квартал", "часть селения" > *Собачёвка*.

По нашему мнению, следует конкретизировать значения таких перенесенных ойконимов, как *Сартанá*, *Елизаветовка* (*Ялизветовка*).

Ойконим *Сартанá* имеет перенесённый характер и не обнаруживает каких-либо других диахронных и современных вариантов в топонимии Причерноморья. Это вызывает сложности в его этимологизации. Е.С. Отин приводит в качестве аргумента информацию о том, что «многие греки название *Сартана* толкуют как *сары́ танá* "рыжий двухлетний телёнок" и приводит в подтверждение топонимическую легенду, которая не соотносится с перенесенным характером топонима. На этом основании Е.С. Отин предполагает, что вначале название имело метафорическое значение, относясь к какому-то географическому объекту – возвышенности, скале, похожей на телёнка. Аппелятивный элемент *tana* "телёнок-двухлетка" учёный обнаруживает в крымских номинациях *Тана-Су* / *Тунас* (река), *Сарытана* (село), *Танабос* (село), *Танагельди* (село), *Кокмана* (село). По нашему мнению, логичнее предположить связь с др.-тюрк. *sart* – названием тюркского населения городов Средней Азии. Заимствование через уйг., чагат., казах., алт. *sart* "сарт, купец" [Радлов IV, 335] из др.-инд. *sārthavāha* "предводитель каравана", *sārtha* "караван" [Фасмер со ссылкой на Этнографическое обозрение, 86, 282].

Версия о связи топонима *Елизаветовка* (*Ялизветовка*) с гидронимом *Сухие Ялы* и, соответственно, с тюркским словом *ялы́* "берег" кажется нам малоубедительной. Мы считаем, что ойконим имеет антропонимный характер («По преданию, село было основано в 1843 году помещиком Летягой, который дал селу имя своей дочери» [Отин, 2014, 138]), что, по его данным, подтверждается письменными источниками.

Очевидно, что ойконимия зоны носит в основном перенесённый характер. При этом перенесённые топонимы в ходе адаптации претерпевают значительные семантические, фонетические и морфологические изменения, что приводит к образованию полигибридных лексем. По этому поводу М.В. Жарикова, всесторонне изучившая ойконимию приазовских греков, пишет: «Взаимодействие языков при образовании рассмотренных ойконимов проявляется не только

посредством заимствования производящей лексемы из другого языка, но и через механизм номинационной аналогии, при котором ойконимообразовательный процесс ориентируется на славянские ойконимные модели (данная ориентация является следствием освоения греками русского и украинского языков)» [Жарикова, 2011, 126].

Таким образом, анализ собранного материала позволил сделать вывод о том, что в целом топонимия зоны развивалась в двух направлениях. Первое направление, наиболее активное в ойконимии, – это адаптация «старых», перенесённых крымских названий, позволившее сохранить историческую самобытность и колорит этнической тюркской топонимии, второе – формирование новых номинаций, ставшее естественным результатом влияния русско-украинского билингвизма. Основным вектором тюркско-славянского взаимодействия здесь стал метонимический перенос, реализуемый в моделях: «географический термин → гидроним / ороним»; «нарицательное оценочное → антропоним с оценочным значением → топоним», «антропоним → топоним».

Выводы к главе I

1. Формирование топонимии такого пёстрого региона, каким является Северное Причерноморье, имеет свою специфику, обусловленную взаимодействием народов и – соответственно – языков на конкретных территориях. Поиск исторических следов присутствия этносов в топонимии региона является важным при исследовании проблемы взаимодействия языков.

2. Для определения специфики взаимодействия языков в сфере топонимии оказалось целесообразным выделение на территории Северного Причерноморья четырёх наиболее крупных зон: 1) тюркско-русской топонимической зоны (турецко-русское, татарско-русское взаимодействие), 2) крымскотатарско-русской топонимической зоны, 3) тюркско-украинской топонимической зоны (татарско-украинское, турецко-украинское взаимодействие), 4) урумско-русско-украинской топонимической зоны.

3. Для тюркско-русской топонимической зоны характерно активное взаимодействие в гидронимии, на уровне средних и мелких водных объектов. Малые водные объекты, имеющие славянское происхождение, являются более поздними. Основными направлениями тюркско-русского взаимодействия в топонимии является метафорический перенос на основе сходства внешних признаков объектов при образовании гидронимов и оронимов и метонимический перенос по модели «гидроним → ороним / ойконим», то есть при наименовании форм поверхности и населённых пунктов гидронимы часто выступают в роли мотиваторов.

4. В крымскотатарско-русской топонимической зоне четко просматриваются два историко-лингвистических пласта. Первый, более ранний пласт, – это тюркская топонимия, восстанавливаемая по старым картам и Камеральным описаниям Крыма разных лет. Для этой части топонимов воздействие русского языка ощущается только на уровне фонетико-графической адаптации. Второй, более поздний пласт, – это топонимия, сохранившаяся после массовых переименований и влияния русского языка, результатом чего стало возникновение семантически и грамматически модифицированных тюркско-русских (а позднее, на их базе, и тюркско-русско-украинских) гибридов. Основным вектором тюркско-русского взаимодействия в топонимии зоны является метафорический перенос на основе сходства внешних признаков.

5. Основой тюркско-украинского взаимодействия в топонимии стал метонимический перенос по модели «нарицательное → антропоним → топоним». Формирование подавляющего большинства тюркско-украинских топонимов на базе фамилий и прозвищ даёт возможность говорить об антропонимимном характере топонимии данной зоны.

6. Топонимия урумско-русско-украинской зоны развивалась в двух направлениях. Первое направление, наиболее активное в ойконимии, – это адаптация «старых», перенесённых крымских названий, позволившее сохранить историческую самобытность и колорит этнической тюркской топонимии, второе – формирование новых номинаций, ставшее естественным результатом влияния

русско-украинского билингвизма. Основным вектором тюркско-славянского взаимодействия здесь стал метонимический перенос, реализуемый в моделях: «географический термин → гидроним / ороним»; «нарицательное оценочное → антропоним с оценочным значением → топоним», «антропоним → топоним».

Таким образом, анализ данного топонимического материала позволяет сделать важные выводы об особенностях миграционных процессов, происходящих на территории Северного Причерноморья, и составляющих топонимической системы региона, во многом сформированной в результате тюркско-славянского взаимодействия.

II. Особенности взаимодействия тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья.

1. Основные принципы номинации в топонимии Северного Причерноморья.

В одной из своих базовых работ Э.М. Мурзаев пишет о том, что географические названия никогда не бывают случайными, они появляются «в результате осмысленного процесса номинации, исходя из определенных признаков, отражающих исторические либо географические реалии» [Мурзаев, 1995, 3]. К таким реалиям относятся физико-географические объекты, политические, экономические, социальные, культурные явления, межличностные и межнациональные отношения – словом, все то, что формирует этническое и языковое сознание общества. Поэтому, по мнению ученого, можно говорить о той «миссии», которую выполняют географические названия: они «несут и сообщают важную историко-культурную информацию» [Мурзаев, 1995, 3]. Эту мысль подтверждает и исследователь региональной топонимии Г.Я. Рылюк, называя топонимы «выражением мироощущения людей», их «культуры, быта, обычаев, повседневного их окружения, психологического состояния и общения» [Рылюк, 1999, 7–8].

В течение длительного периода времени в топонимии вырабатывались определённые критерии и принципы наименования объектов. И важной задачей

исследователя становится выявление ведущих принципов номинации топонимов конкретного региона или конкретной местности.

Целью данной главы исследования стало выделение принципов номинации топонимии Северного Причерноморья, а также проверка правильности предположения о доминировании конкретных принципов в каждой из выделенных топонимических зон. В данном случае под принципом мы понимаем «исходное положение, основание для анализа чего-либо, сопоставления с чем-либо» (Başlangıç, hareket noktası, her şeyin kendisinden türediği ilk ve temel kaynak.) [Oğuzkan, 1973].

Исследование семантики топонимических единиц Северного Причерноморья проводилось нами главным образом путём анализа картографических и лексикографических источников, который позволил выявить три основных принципа, лежащих в основе номинации топонимии Северного Причерноморья: 1) номинация объекта по его свойствам и качествам; 2) номинация объекта по связи с человеком; 3) номинация объекта по связи с окружающими объектами. Однако, как нам удалось выяснить, эти принципы не реализуются последовательно в каждой из выделенных топонимических зон. Конкретный принцип выступает ведущим для топонимической зоны, определяя ее вид и характеристики. Так, номинация объекта по свойствам и качествам является наиболее характерной для крымскотатарско-русской и тюркско-русской топонимических зон. Номинация объекта по связи с человеком активнее проявляется в урумско-русско-украинской и тюркско-украинской топонимических зонах, а номинация объекта по связи с окружающими объектами – в урумско-русско-украинской зоне. На наш взгляд, такое распределение принципов номинации связано со спецификой формирования качественных и количественных значений (процесс метафоризации, переход качественных значений в количественные) в тюркских языках, с одной стороны, и более поздним влиянием фактора антропоцентричности, более характерного для славянских языков, с другой.

Остановимся на каждом из обозначенных принципов номинации подробнее и попытаемся выявить их дифференциальные характеристики.

1.1. Номинация объекта по его свойствам и качествам.

Свойства и характеристики номинируемого объекта могут быть различными, чаще они связаны с его качественными (цвет, вкус, запах, температура и т.п.) и количественными (высота, ширина, глубина, протяжённость, длительность, удалённость, численность и т.п.) параметрами.

В тюркско-русской и крымскотатарско-русской топонимических зонах в наибольшем количестве выделяются основы, указывающие на признаки, которые способны к оппозиции и проявляются в номинации в большей или меньшей степени. Если расположить их в порядке частотности проявления признака в номинации, то картина получится следующая.

Наиболее частотным в топонимии указанных зон является **цвет**. Он реализуется в виде семакомпонентов *kara / qara* (чёрный, темный), *kızıl / qızıl / al* (красный, красно-рыжий, алый), *ak / aq / beyaz* (белый, светлый), *sarı* (жёлтый), *gök / mavisi*, (синий), *mavi* (голубой), *yeşil* (зелёный), *gri / boz* (серый), *ala / rengarenk* (пёстрый), см.:

1) **qara** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **kara** тур., **хар** халх.-монг. "черный, темный"; компонент широко распространен в (1) топонимии, (2) антропонимии, (3) этнонимии: (1) г., м. *Кара-Бурун*, г. *Кара-Баур*, *Кара-Даг*, *Кара-Коба*, возв. *Каратав*, г., кур. *Кара-Оба* (несколько номинаций), хр. *Караколь*, *Кара-Оба*, ист. *Кара-Кишла* на г. Аранча около с. Шелен, *Каракумлар* у верхней Арпаты, *Кара-Чокрак*, р. *Каракунга (Каракунда)*, с. *Кара-Голь*, *Кара-Баг*, *Кара-Кую*; (2) с. *Карабай* (четыре ойконима), *Кара-Годжа*, *Кара-Гасан (Кара-Сан, Карсан)*, *Кара-Гурт*, *Кара-Джсанай*, *Каралез*, *Кара-Мустафа*, *Кара-Орлюк*, *Кара-Софу*, *Кара-Чора*, *Тоткара*; (3) с. *Каралар (-lar – тюркский аффикс множественности)*, *Бешевли(Бешуйли)-Каралар*, *Кара-Кипчак*, *Каралар-Кипчак*, *Кара-Кият*, *Кара-Меркит*, *Кара-Мин*, *Кара-Седжеут*; ср.: родовые группы *кара* у узбеков, *кара, каралар* у туркменов, *дюрткара* у казахов;

2) **qızıl** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **kızıl** тур., **qızıl** др.-тюрк. "красный" – г. *Кизил-Бурун*, *Кизил-Таш* (пять номинаций), *Кизилтопраги-Бурунун-Каяси* около с. Коз, г., ск. *Кизил-Кая* (несколько номинаций), ск. *Кизил-Байир* около с. Дуванкой, возв. *Кизил-Ор* около с. Чавке, колодец у с. *Кизил-Кую*, оз. *Кизил-Яр*, яр *Кизил*, с. *Кизил-Бай*, *Кизил-Мечеть*, *Кизил-Таш* (три ойконима); **al** кр.-тат., тур., ног., др.-тюрк. "ярко-красный", **al** халх.-монг. "красный, рыжий" – б., с. *Алсу(й)*;

3) **aq** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **ak** тур. "белый, светлый" – г. *Ак-Тобе*, *Ак-Топрак*, м. *Ак-Бурун*, ск., с. *Ак-Кая*, р. *Ак(Ах)-Метек*, с. *Ак-Мечеть*, *Ак-Мечеть-Найман*, *Ак-Таш* (два ойконима), оз. *Акташское*, дж. *Ахташлар*, ист. *Ак-Чокрак*, с. *Ак-Чокрак*, *Ак-Кую-Битак*, руч. *Аксу*, р. *Аксу-Дере*; компонент входит в состав антропонимов и генонимов, отраженных в топонимии: г. *Акбулат-Оба*, с. *Ак-Кульчук*, *Ак-Леуз*, *Ак-Мелез*, *Ак-Монай*, *Агоджа*, *Ак-Коджай*, *Актай* (ср. *tau*), *Ак-Чора*, *Ак-Шеих*;

4) **sarı** кр.-тат., тур. "желтый", ног. "желтый, рыжий", "белокурый", **sarığ/sarıq** др.-тюрк. "желтый", халх.-монг. "желтый, рыжий", "белокурый" – г. *Сарыкая*, р. *Сарысу* (притоки Альмы и Биюк-Карасу), оз., с. *Сарыголь* ~ *Сарыколь*, ист. *Сары-Таш*, с. *Сары-Чакмак*;

5) **kök** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **gök** тур. "синий, голубой", "небо, небосвод, небесный"; др.-тюрк. "зеленый", **xöx** халх.-монг. "синий, голубой", "серый, сивый" (про масть); "смуглый"; восходит к типу отантропонимных и оторонимных ойконимов – г. *Кок-Чокрак*, лес *Кок-Чокрак* около с. Камышлы, с. *Коккоз*, *Кокколуз*, *Кокташ*, *Коктебе*, *Коктебель*, *Коктана*, *Коктеин*, *Кокчора-Кият*;

6) **mavi** кр.-тат., **mavi** тур. "синий, голубой", **mavi** перс. "морской волны, голубой"; **māviyyu** "морской волны, голубой" – паст. *Су-Мави-Оба* около с. Соллар;

7) **yeşil** кр.-тат., тур. "зеленый" – оз. *Ешиль-Коль*, ур. *Ешиль-Богаз* около Бельбекских Ворот;

8) **boz** кр.-тат., ног., тур., **moz** др.-тюрк., **бор** халх.-монг. "серый, сивый" (про масть), ср. каз. **boz** "кобыла" – с. *Боз*, *Боз-Джайчи (Яйджи)*, *Бозгана*; **çal** кр.-тат., тур., др.-тюрк., **çal** ног. "сивый, чалый, серый"; **çal** тур. "голая вершина", ср.

болг. **чал** "высокая горная вершина, покрытая травой"; "равнина в горах" – г. *Чалкая*, с. *Чалгари*, *Чалтемир* (антр.);

9) **ala** кр.-тат., тур., ног., др.-тюрк., **алаг** халх.-монг. "разноцветный, пестрый, пятнистый, рябой" – б. *Алакат*, ущ. *Алакат-Богазы*, р. *Алабаш*, ск. *Алабаш-Хая*, с. *Алатай* (ср. *Alatau*), ур. *Ала-Буха*, ист. *Ала-Буха-Текне* (ср. *alabuğa*).

Изменение признака выражается в топонимах с компонентами типа *ağartmış* "побелевший, поседевший" (кр.-тат., тур. *ağar*- "белеть, сесть, линять, блекнуть", *-mış* – тюркский причастный аффикс) – г. *Агармиш*.

Метафоризация цветовых компонентов реализуется в нескольких направлениях. Достаточно часто наблюдается антропонимный перенос, особенно в сфере ойконимии, ср.: **Abaş** антр., **Habeş** тур. "эфиоп", "темный, черный", **habaş** др.-тюрк. "эфиоп" < араб. **habaş** "эфиоп" – с. *Терекли(Дерекли)-Абаш* и *Тюн(Дун)-Абаш*; **Carqın** антр., **yarqın** ног., **carqın** кирг. "светлый, лучезарный, лучистый", "свет, блеск" – с. *Асс-Джаркин*. Отмечены случаи зоонимного переноса в сфере оронимии и ойконимии, ср.: **çubar** кр.-тат. **şubar** ног. "рябой", "пестрый", **çorur** тур. "рябой", "лань", "пятнистая антилопа" – камень *Чубар-Таш*, паст. *Кой-Чубар* около с. Юкари-Тайган, с. *Чубар-Пристав*.

Вкусовой признак проявляется в компонентах *acı – tatlı* (горький – сладкий), *tuzlu – tuzsuz* (солёный – пресный), см.:

1) **acı** кр.-тат., **асі** тур. "кислый, горький, неприятный на вкус, едкий", **aşı** ног. "горький", **acığ** др.-тюрк. "кислый, горький" (новогр. *πικρός* "горький") – минеральный ист. *Аджису* около с. Коккоз, р. *Аджису* (л.п. Бельбека), яр *Аджи-Су-Ечи* около с. Коз (горько-соленый вкус воды), б. *Аши-Джилга*, с. *Аджи-Голь*;

2) **tuzlu** кр.-тат., тур. "солёный" – источники *Тузлу-Чохрахлар* у с. Ай-Серез (по свидетельству В.А. Бушакова, эти источники находятся под асфальтовой дорогой) [Бушаков, 2003, 223].

Обонятельный признак (запах) реализуется в компонентах *güzel / kokulu / burcu* (душистый, ароматный), *qoqmuş / kokmuş / çürük / sasıq / sivaş* (плохо пахнущий, смердящий, вонючий), см.:

1) **burcu** тур. "пахучий, ароматный, аромат" – ист. *Борчи-Текнечек, Борчи-Чокрак* около Алушты, *Бурчи ~ Бурчу* около с. Шелен, *Бурчу-Чокрак* и *Бурчин-Чокраклар* на г. Чатырдаг, б. *Борчи* около с. Биюк-Узеньбаш;

2) **qoqmuş** кр.-тат., **kokmuş** тур. "смердящий, протухший" (от тур. *qoq-*, *kok-* "смердить") – *Когмуш-Кая*, уступ хребта Кизил-Кая; **sasiq** кр.-тат., ног., **sasi** тур. "гнилой, смердящий", **sasiğ** др.-тюрк. "протухший" – г. *Сасик-Бурун*, б. *Сасик* у Судацкой дол., оз. *Сасик*, с. *Сасик-Кият*.

Температура как качество номинируемого объекта встречается в виде компонентов *soğuk / suvuq / suviq / salqın / salkın* (холодный), *serin* (прохладный / свежий), *sıcaq / sıcak* (горячий / жаркий), *buzlu / qar / kar* (ледяной / как снег), см.:

1) **suvuq** кр.-тат., **suviq** ног., **sovuk / soğuk** тур. "холод, холодный" – ист. *Сурук-Су* в балке Чугернети на Караби-Яйле, *Суук-Су* в гроте крепости Качи-Кальон, у с. Кучук-Ламбат, около с. Узунджа, у подножья г. Перчем, *Суук-Дере-Чокрак*, *Суюкджайлу*, *Сууксу-Чокрак*, пещ. *Суук-Хоба* на г. Чатырдаг, р., с. *Суук-Су*, с. *Суук-Сали*; **salqın** кр.-тат., ног., **salkın** тур. "прохладный" – ист. *Салкин-Чокрак*, *Сахлин-Чокрак* (**Salqın çoqraq*, см. также кр.-тат. **saqlı**, и **saklı** "спрятанный"), руч. *Салкин-Су*, *Салхин-Су*;

2) **serin** кр.-тат., тур. "свежий, прохладный" – р. *Серен-Су* в Ст. Крыму;

3) **sıcaq** кр.-тат., **sıcak** тур. "жара, тепло", "горячий, теплый" – горячий ист. *Сиджак-Су* около с. Янджу;

4) **buz** кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. > новогр. *μπούζι*, **muz** кр.-тат. "лед"; **buzlu** кр.-тат., тур. "со льдом" – с. *Ельбузлу*, ср. ойк. *Ельбузлук* в Болгарии; **qar** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **kar** тур. "снег" – г. *Кар-Насил*, *Карлы-Кая* около р. Зуя (-*li* – тюркский аффикс адъективности).

Очень активны в рассматриваемых зонах количественные признаки – указание на **размер, объём, высоту** объектов, которые реализуются в оппозитивных топокомпонентах *büyük / qulan / sarman / az – küçük / ufaq / ufak / ufşaq / uvşaq / ulu / uluğ / az / azğana* (большой / больший / великий – маленький / меньший / малый), *kısa – uzun* (короткий – длинный), *bol / keñ / gen – ince / yinçkä /*

tar / dar (широкий / просторный – узкий / тесный), *bol – qıl / kıl* (толстый – тонкий), *öksek / yüksek / ulu / uluğ – alçak* (высокий – низкий), см.:

1) **büyük** кр.-тат., тур., **biyik** кр.-тат., ног., **biyük** кр.-тат., **bedük** др.-тюрк. "большой"; входит в топонимическую пару с антонимом *küçük* – г. *Биюк-Таушан*, *Биюк-Егерек*, *Биюк-Оба*, *Биюк-Орман*, *Биюк-Сирт*, *Биюк-Синор*, *Биюк-Тюз* около с. Олсуй, ист. *Биюк-Чокрак*, камень *Биюк-Ташлар* около с. Туак, р. *Биюк-Дере*, яр, р. *Биюк-Узень*, ск. *Биюк-Кая*, хр. *Биюк-Кая* (*Биюк-Таш*, *Бойка*), с. *Биюк-Абай*, с. *Биюк-Актачи*, с. *Биюк-Ламбат*, с. *Биюк-Янкой* (также много других ойконимов с компонентом *биюк/буюк*); **qulan** кр.-тат. "большой, просторный, ровный" – канава *Кулан-Узень*, чтобы проводить воду из Массандры на земли сел Ай-Василь и Дереккой; **kör** кр.-тат., ног., др.-тюрк., тур. "богато; многочисленный"; в ойконимии противопоставлен по значению компоненту *az* и синонимичен *büyük* – с. *Коп-Ас*, *Коп-Бешкой*, *Коп-Кенегез*, *-Кипчак*, *-Кият*, *-Копсель*, *-Кочегень* (*Кьоп-Гючкен*), *-Отуз*, *-Сараймін*, *-Такиль* (*Кьоп-Такил*), *-Ойсул*, р. *Копкол*; **küçük** кр.-тат., тур., **kiçig, kiçüg, kiçük** др.-тюрк. "малый, маленький"; в ойконимии входит в пару с антонимом *büyük* и синонимом *az* – с. *Кучук-Абай*, *-Алкали*, *-Бораши*, *-Енкой*, *-Китай*, *-Кият*, *-Коджалар*, *-Кучук-Кой*, *Кучук-Мин*, *-Таракташ*, *-Узень*, *Узень-Баши*, *-Яшлав*, г. *Кучук-Синор*, р. *Кучук-Узень*; **sarman** тур. "величественный, большой, крупный" – возв. *Сараман* около с. Мангуш, г. *Качик-Сараман*; **ulu** кр.-тат., тур., **uluğ** др.-тюрк. "большой, высокий; видный" – г. *Улу-Кир* около с. Сараймин, дол. *Улукул*, мыс *Улукол* (ср. *qol*), речки, с. *Улу-Узень*, с. *Улу-Сала*, *Улукул* (*Орта-Кисек-Улукул*); **kiçkene** кр.-тат., **kişkene** ног. "маленький, немного" – с. *Кечкене(Кичкене)-Ель*, *Кичкине-Конрат*, *Кичкине-Кабан* (*Кучук-Кабан*), г. *Кичкине-Чобан*, ист. *Кичкине-Салма-Чокрак*; **ufaq** кр.-тат., **ufak** тур., **ufşaq, uvşaq** др.-тюрк. "маленький, дробный" – с. *Салгир-Ягаси-Уфак-Кемельчи*; **az** кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "мало, малый, немногочисленный"; в ойконимии **az, azğana** образует пары с компонентом *kör*, ср. пару *büyük – küçük* – с. *Аз-Отуз*;

2) **uzun** кр.-тат., тур., др.-тюрк., **uzın** ног. "долгий, длинный" – г. *Узун-Даг*, *Узун-Кая*, *Узун-Кир*, *Узун-Сирт*, камень *Узун-Таш* около с. Куркулет, пещ. *Узун* на г. Демерджи, *Узун-Коба* у верховья Салгира, ск. *Узун-Кая* на Караби-Яйле, яр

Узун-Йилга около с. Калимтай, с. Узун-Аяк-Карса (*uzunayaq* "длинноногий"), Узун-Сакал-Джанкой (*uzunsaqal* "длиннобородый");

3) **keñ** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **gen** тур. "широкий, просторный; вольный", **эн(г)** халх.-монг. "ширина", **эн захгүй** "безмерный" – с. *Кентогай* (*Кентугай*); **bol göl** (кр.-тат., тур. *bol* "широкий, вольный, просторный, богатый, полный", *köl/göl* "озеро, водоем") – по словам В.А. Бушакова, так назывались углубления в русле Бурульчи, застои, имеющие иногда вид небольших прудов, в которых были омуты, ср. *bol su* – большое количество воды – застой *Боль-Голь-Кичкене* на Бурульче около г. Йаман-Таш; **çoñgar/çoñgar**, ср. каз. **şalqar**, кирг. **çalqar** "необозримый, безмерный, широкий", халх.-монг. **цэлгэр** "просторный, широкий", **цэлгэр нутаг** "просторное пастбище", **цэлгэр тал** "широкая степь"; в кр.-тат. языке близок по значению компоненту **qulan** "просторный, широкий, ровный": **qulan çöl** "безмежная степь" – хороним *Чонгар* ("вся местность, которая пролегает до Сиваша, известная под названием *Чонгар*"), возв. *Чонгарташ* около с. Тайган, ср.: б. *Ченгар-Тарама*, приток Мокрой Волновахи (урумский гидроним в Северном Приазовье); **ince** кр.-тат., тур., **yinçkä** др.-тюрк. "тонкий, узкий" – г. *Индже-Йоллар* около с. Токлук (ср. *yol*), ист. *Инча-Су*, **Ince suv* (*Геническая протока*); **tar** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **dar** "узкий, тесный" – г., яр *Дар-Бугаз* (приток Авенды), ист. *Дар-Бугаз-Кишме*, горный проход *Дар-Йол* на выходе из с. Отуз (ср. *yol*), возв. *Тар-Тене*;

4) **qıl** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **kıl** тур. "волос, тонкий; как волос", **хялгас(ан)** халх.-монг. "волос" – г. *Кил-Копур* около с. Кокташ, *Киль-Даг* около с. Тав-Бадрак, с. *Кил-Тамак*, ск. *Килбурун*, ур. *Кил-Копир*;

5) **öksek** кр.-тат., **yüksek** кр.-тат., тур. "высокий" – г. *Оксек* около с. Биюк-Узеньбаш, *Уксек-Тене* около с. Кучук-Кой и Узунджа; **alçaq** кр.-тат., **alçak** тур., **alasa** ног. "низкий", ср. др.-тюрк. **al** "низ, нижняя часть", **alçaq** "скромный, покорный, кроткий" – м. *Алчак* (*Алчак-Кая*), г. *Алчак-Кая*, *Алчак-Кьоз* (*köz / göz* тур. "глаз", "отверстие, дыра, прорезь, арка", "источник", "горный проход". В.А. Бушаков приводит слова академика П.П. Кеппена о том, что татарское слово *кьоз* означает "впадина, лощина между двумя горами", "горное седло", вместо него

причерноморские татары употребляли слово *джан* "углубление") [Бушаков, 2003, 163].

Метафоризированные компоненты появляются в основном за счет активации семы «большой» в словах, связанных с основами *baş* (*baş*, *başlıca*, *başlıq*), *bay* (*bay*, *beu*, *Bayavut* этноним), *bäk*, *kör*. См.:

1) **baş** кр.-тат., тур., др.-тюрк., **bas** ног. "голова", "вершина, верховье", "основа, головной, основной" – г. *Яйлабаш*, *Таубаш*, *Атбаш*, ск. *Кокия-Кая-Баш*, возв. *Байрак-Баш*, мест. *Урбаш*, ист. *Баш-Чокрак* (несколько номинаций), *Карасу-Баш*, *Баш-Нара-Чауш*, с. *Ашага-* и *Юхари-Баш*, *Баглар-Баш*, *Джага-Баш(и)*, *Кишлав-Баш*, *Баш-Чокрак*, *Субаш* (ср. *su baş*), *Карасу-Баш*, *Биюк-* и *Кучук-Узень-Баш*, *Чамли-Узеньбашчик* (ср. *özen baş*), *Кольбаш*, *Чолбаш* / *Чульбаш*, *Еки-Баш*, *Миен-Баш*, *Баш-Аул*, *Баш-Киргиз* (два ойконима), *Баш*-*Алчин*, *Алабаш-Конрат*, *Куребаш*, *Сарибаш*, *Чурубаш*, *Башбек*; **başlıca** кр.-тат., тур. "головной, основной" – с. *Башлича*; **başlıq** кр.-тат., тур. "башлык, капюшон, шлем", "начальник", "выкуп за невесту" (каждый жених выплачивает будущему тестю), др.-тюрк. "предводитель, вожак" – местность *Башлик* вблизи Киркера (в ярлыке хана Гаджи-Гирея);

2) **bay** кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк., перс. "богатый", "бай, пан, хозяин", **баян** халх.-монг. "богатый, зажиточный"; в ойконимах реализуется значение "большой", и эти ойконимы часто выступают рядами: *Бай-Онлар* – *Кучук-Онлар*; *Бай-Кият* – *Кучук-Кият* и *Коп-Кият*, *Байкогенли* и *Когенли-Кият*; **Bayavut** этн.: др.-монг. племя *баяут* (*başağut* "богатый") и халх.-монг. племя *баяд* (ср. др.-тюрк. *başağut* "богатый"), племя *байаут* узбеков, *баят* огузов и туркменов (ср. др.-тюрк. *bayat* "бог"; также личное имя *Баят*) – с. *Баяут*, *Бая[t]-Туркмень* / *Байтуркмен*;

3) **bäk** "бек, дворянин"; термин входит в состав многих антропонимов, ср. халх.-монг. *бэх* "мощный, сильный" – с. *Бек-Булатчи*, *Бек-Котан(Кутан)*, *Бекивас*, *Баш-Бек* / *Башбек* (два ойконима), *Бельбек*, *Белбек-Бахтияр-Кесек*, *Белбек-Орта*, р. *Бельбек*, *Биглар*, ск. *Бельбек-Отар* на Чатырдаге (ср. *bel*

"возвышенность", "ущелье", "склон горы", тур. *derebeyi* "деребей", "деспот", "феодал"), р. *Биглар* (-*lar* – аффикс множественности).

Кроме этого, интересны компоненты, трансформирующие значение «богатый» → «большой». См.: **kör** кр.-тат., ног., др.-тюрк., тур. "богато, многочисленно"; в ойконимии противопоставлено значению *az* и синонимично значению *büyük* – с. *Коп-Ас*, *Коп-Бешкой*, *Коп-Кенегез*, -*Кипчак*, -*Кият*, -*Консель*, -*Кочегень* (*Кьоп-Гючкен*), -*Отуз*, -*Сараймин*, -*Такиль* (*Кьоп-Такил*), -*Ойсул*, р. *Копкол*.

Достаточно частотны случаи отантропонимного перехода, см.: **Ali** антр. < араб. '*aliy* "высокий, возвышенный, величественный"; личное имя *Али*, ср. кр.-тат. *aliy*, тур. *âli* "высший, высокий, возвышенный, благородный" – с. *Алибай*, *Али-Кеч*, *Али-Мерден*.

Местоположение, расстояние объектов реализуется в топокомпонентах *yukarı / yuqarı / üst – aşağı / alçaq / alçak / tömen / alt* (верхний – нижний), *ön / ilgerki – arka / geri / art / ilgeri* (передний – задний), *sol – sağ* (левый – правый), *iç / içki – dış* (внутренний – наружный), *ilgerki – art* (передний – задний), *yaq / yak – uzun / uzun / uzunca* (ближний / близкий – дальний / далекий), *ters / qarşı / karşı / köndelen / köşeleme* (противоположный), см.:

1) **yuqarı** кр.-тат., **yukarı** тур. "верх, верхний"; в названии населенного пункта указывается на то, что оно представляет часть села, расположенную по течению реки выше его верхней части, образуются ряды со значениями *aşağı* и *orta* – с. *Юхари-Аиргуль*, -*Айтуган*, -*Асма*, -*Баксан*, -*Баши*, -*Даур*, -*Джамин*, -*Каралез*, -*Керменчик*, -*Кипчак*, -*Конечи*, -*Мамут-Султан*, -*Сабли*, -*Тайган*; **üst** кр.-тат., ног., тур. "верх, верхняя часть; поверхность, верхний", **üstü** др.-тюрк. "верхний" – г. *Урмани-Усту* (см. *ortan* – кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "лес, лесной"); *Устель* – степная часть Крыма между Чонгаром и Феодосией (*el I* – кр.-тат. "народ, люди", "окраина, край", "село", ср. *Ичель*); **ast** кр.-тат., ног. "низ", **astında** "под", **astın** др.-тюрк. "вниз, внизу" – лес *Аст* около с. Дуванкой, паст. *Кая-Асти* около с. Бештерек, с. *Каясти*, *Каясти-Кипчак* (-*i* – тюркский аффикс принадлежности изафетной конструкции), ур. *Борлук-Астинда*, *Каралган*

Астинда, см. *aşağa* – ист. *Аша-Текне*; **aşağa/aşağı** кр.-тат., тур. "нижний"; в названии населенного пункта указывается на то, что оно представляет часть села, расположенную по течению реки ниже его верхней части, образуется ряд со значениями *orta* и *уиқарı* – с. *Ашага-Аиргуль*, *Ашага-Аратук*, *Ашага-Даир*, *Ашага(Тебен)-Лема*; **töben** кр.-тат. "низ", "перевернутый", карач.-балк. "внизу"; **tömen** ног. "низкий, невысокий", "низко, ниже"; в ойконимах означает "нижний" – г. *Томен-Байир* около с. Мангуш, с. *Тебен-Асма (Ашага-Асма)*, *Тебен-Лема (Ашага-Лема)*, *Тубен-Ели*, *Тобенкой*, *Тобен(Тюбень)-Сарай*, соленое оз. *Туз-Тубен*; **alt** кр.-тат., тур., др.-тюрк. "низ, нижняя часть" – с. *Кая-Алти(Каясти)-Канли (ast* – кр.-тат., ног. "низ"), *Дирек-Алты-Кипчак*;

2) **ileri** кр.-тат., тур. "перед, передняя часть (чего-либо), передний, впереди", ср. кирг. *ilgeri* "впереди", *ilgerki* "передний"; в ойконимии создает ряды со значениями *sirtki* и *orta* – с. *Ильгери(Ельгери)-Абла*, *-Аджи-Акмат*, *-Бий-Булуш*, *-Джайляк*, *-Джаманак*, *-Каракчора*, *-Кипчак*, *-Коджалки*, *-Коджанки*, *-Конрат*, *-Монтанай*, *-Чуча*, *-Шакул*, *Егри-Мантанай* (ср. также кр.-тат., др.-тюрк. **egri**, тур. **eğri** "кривой, загнутый", "плохой, нечестный, несправедливый"); **art** кр.-тат., ног., тур. "спина", "задняя сторона, задняя часть (чего-либо), зад, противоположная сторона, пространство, находящееся сзади (кого-, чего-либо), задний", др.-тюрк. "нагорье, вершина, горный перевал" – ист. *Балан-Арди*, яр *Каян-Арди* (левое ответвление оврага Куян-Таш-Узень около с. Коз), *Узун-Алан-Артина-Ратларин-Су (artina* – "позади, за"), холм *Дарсан-Арди* в Ялте, ур. *Кулесин-Арды* около с. Капсихор, мест. *Чазирлик-Арды*, б. *Артна-Дере*, кол. *Артна-Кую*. Ср.: *arqa*, *sirt*. **artqarı* "задний", ср. ног. *artqı* "задний, последний" – с. *Аткари-Карса*, *Аткари-Коджалки (Откари-Коджанки)*;

3) **iç** кр.-тат., тур. "внутренняя часть, внутренний", др.-тюрк. "внутренность" – *Ичель*, часть Южнобережья от Байдарских ворот до Алушты (*el* – кр.-тат. "народ, люди", "окраина, край", "село", ср. нетурецкое название *Ичель (İçel)* на юго-востоке Малой Азии), с. *Ич-Ель*; **içki** кр.-тат., тур., **işki** ног. "внутренний"; *içki* – ханский придворный в Крыму и Средней Азии – *Ашага-* и *Юкари-Ичкийский* кад. в Акмечетском кайм., с. *Ички* (два ойконима), *Ички-Джолман*, *Кир-Ички*

(*Кирк-Ички*), *Курт-Ички*, ср.: племя *ички* в узбекском улусе Ак-Орда; номинации с компонентом **diş** тур. "наружный", очевидно, являются утраченными для рассматриваемого региона, на вероятность их существования указывает обнаружение на смежных территориях: с. *Dişkaşa Köyü* (провинция Бурса, Турция);

4) **yaq** кр.-тат., др.-тюрк. "бок, сторона"; **yak** тур. "близкий, ближний" – г. *Як-Ярлар* около с. Шелен; **uzaq** кр.-тат., ног., др.-тюрк., **uzak** тур. "далекий, долгий, длинный" – пуст. *Узак-Алан* около с. Аргин; **uzun** кр.-тат., тур., др.-тюрк., **uzin** ног. "долгий, длинный" – г. *Узун-Даг*, *Узун-Кая*, *Узун-Кир*, *Узун-Сирт*, камень *Узун-Таш* около с. Куркулет, пещ. *Узун* на г. Демерджи, *Узун-Коба* у верхнего Салгира, ск. *Узун-Кая* на Караби-Яйле, яр *Узун-Йилга* около с. Калимтай, с. *Узун-Аяк-Карса*, *Узун-Сакал-Джанкой*; **uzunca** кр.-тат., тур. "довольно длинный" – пещ., ущ., р., с. *Узунджа* (*Узунджу*) в Байдарской долине;

5) **ters** кр.-тат., тур. "противоположный", "кривой", "непослушный, непокорный", "обратная сторона", др.-тюрк. "неправильный", "сложный, тяжелый", **teris** ног. "обратная сторона, изнанка", **tərc** халх.-монг. "чужой, враждебный" – г. *Терс*, *Терс-Топе* около с. Бешуй, *Кершитерс* около Судака, ист. *Терес-Агач* в ур. Бабу, пещ. *Терс-Коба* около Бахчисарая, ур. *Терскунда* около с. Чавке, с. *Терс-Конду*, *Тер(е)с-Багалак* (ср. *Аббас-Багалак*); **qarşı** кр.-тат., **karşı** тур., **qarsı** ног., **qarşu** др.-тюрк. "противоположный", "против, напротив", **qarşı** др.-тюрк. "вражда", "противоположный", **xarış** халх.-монг. "чужой, вражеский" – г. *Карши-Даг* около с. Уппа, *Каравли-Карши* около с. Коз, ск. *Карши-Кая* около с. Биюк-Каралез, лес *Карши-Даг* около Алушты и с. Дегерменкой, *Карши-Орман* около с. Тав-Бадрак; **köndelen** кр.-тат., **köldenen** ног. "поперек" (тур. *enine* "поперек"), **хөндлөн(г)** халх.-монг. "поперек, через", "поперечный, горизонтальный" – г. *Конделен-Йол* около с. Кутлак (**yol** – ног., тур., др.-тюрк. "дорога, путь"), паст. *Конделен* около с. Копирли-Кой; **köşeleme** тур. "наискосок, по диагонали", от **köşe** угол < перс. *gişe* "угол". В.А. Бушаков при этимологизации ориентируется на мнение академика П.П. Кеппена, который

считает, что татарское слово *кешлеме* означает "юго-запад" – ск. *Кешлеме-Кая* (на ней находится укрепленная Кокия-Исар), яр *Кешлеме-Дереси*.

Очевидно, что пространственность задаётся самой природой топонима. О многозначности пространственных топонимов пишет турецкий ученый Мустафа Шинел в своей работе *Gaziantep ilinin yakin taşınmış (paralel) yer adları* («Параллельные топонимы района Газиантепе»): «Aşağı yukarı kelimelerinin yanı sıra, büyük – küçük, eski – yeni, ön – arka vb. kelimeleriyle de yer adları farklılaştırılarak kullanılmaktadır». (Наряду со словами «нижний» и «верхний» для различия топонимов используются также слова «большой» и «малый», «старый» и «новый», «передний» и «задний» и т.д.) [Şenel, 2010, 1].

Компоненты *ön – arka / geri* не являются частотными и чаще обнаруживаются на старых картах или в камеральных описаниях. См., например, *Arka-dere* – «Задняя река» – приток реки Акчехисар (с 1942 года – Бяла река), ср.: *Такты-Арка, Кудрат-Арка* (территория Уральских гор), где тюрк. компонент *arka* метафоризируется по схеме «сзади → спина → спинной хребет → горный хребет, удлиненная возвышенность; водораздел». Очевидно, многие из топонимов данной группы можно считать утраченными в связи с исчезновением объекта номинации. При этом компонент *ön* (передний) часто восстанавливается только по оппозитивным компонентам *arka* и *geri* (задний), в современной топонимической системе он практически не встречается. Компонент *geri*, по нашему мнению, часто подвергается модификации. См., например, номинацию *Еркян-Кая* (*Ернен-Кая*), которую традиционно производят от ср. тюрк. *er* "земля, место". Оценка характера географического объекта («коническая обнаженная вершина с одиночными деревьями; склоны террасированы, южный обрывается скальной ребристой стеной Юркины скалы к верховью р. Сотера») позволяет предположить образование топонима от тюрк. *geri* со значением "задняя сторона скалы", "спина скалы". Тогда понятным становится и появление наращения *-ян/-ен*, выполняющего в топониме функцию «звуковой прокладки». Ср. с болгарскими: *Geri-sancak, Geril-ova* (Карлово) – «Задний санджак, задняя равнина» – село неподалёку от Шумена, существовавшее до конца XVII века [Asaroğlu, 2006, 361].

Компоненты *sol – sağ* (левый – правый) также малочисленны, поэтому трудно говорить об их локализации в каких-то определённых видах топонимов. Ср. с болг.: *Sol-İskir* (Леви Искър) – «Левый Искыр» – небольшая река, впадающая в реку Искыр [Асагоğlu, 2006, 896]; а также оппозитивные *Sağ-İskir, Düz-İskir* (Прави Искър) – «Правый Искыр» – вторая небольшая река, впадающая в реку Искыр [Асагоğlu, 2006, 310].

Традиционно активны в рассматриваемых зонах компоненты, указывающие на **время, возраст** объектов: *eski / üyken / atıq – yeni / yaş / sañ* (старый / старший – новый / молодой / младший), *sabah – akşam* (утренний – вечерний), *zamane / zəmane* (современный), *üyle* (полуденный); см.:

1) **eski** кр.-тат., тур., ног., др.-тюрк. "старый" – место *Ески Крым* (*Старый Крым*), с. *Ески-Аликеч, Ески-Джабач, Ески-Джандевлет, Ески-Ель, Ескикой, Ескикой-Тама, Ески-Орда, Ески-Полос, Ески-Сарай, Ески-Юрт*, ист. *Ески-Койнун-Су* на г. Демерджи, горный проход *Ески-Богаз*, канава *Ески-Дермен*, ур. *Ескикой; ülkün* кр.-тат., **üyken** ног. "большой", **üyken** кр.-тат. "старший" – оз. *Илькен-Коль* на Керч. п-ве, с. *Юкен-Калач, Юкон-Мин* (ср. *Кучук-Мин*); **atıq** "старый" < араб. 'atīq – место *Qırım Atıq (Eski Qırım)*; **yaş** кр.-тат., тур., др.-тюрк., **yas** ног. "молодой"; "век" – с. *Яшлав* (1530 г.), *Бююк- и Кучук-Яшлав/Яшлавчик* (*Бююк- и Кучук-Яшдаг, yaş dağ* "молодой лес"), *Яшпек*; **sañ**, ср. *уай, уайи, уейи* – с. *Джанкой* (три ойконима), *Джанкой-Бешкуртка, Джанкой-Ортель, Джани-Кесек*;

2) **Sabaq** антр., кр.-тат, **sabah** тур., **sābah** перс. "утро, рассвет" – с. *Собак-Ели, Собак-Баур-Сеит-Ели*;

3) **zamane/zəmane** кр.-тат., тур. "эпоха", "сегодняшний", **zamana** др.-тюрк. "час", "эпоха", **zāmane** перс. "эпоха, время" < араб. *zamānat* – г. *Замана*;

4) **üyle** кр.-тат., ног., **ögle** тур., **öylä** др.-тюрк. "полдень" – ск. *Ülle qaya* "Полуденная скала" около с. Хайто (Кайту): по замечанию В.А. Бушакова, «если солнце было над скалой, крестьяне садились обедать».

Топонимы и микротопонимы с оппозицией *новый – старый* обнаруживаются в современных топографических источниках в неравном соотношении. Это подтверждается и данными других регионов Причерноморья.

Так, проведенное нами в 2012–2014 гг. исследование тюркской топонимии Болгарии показало,¹ что из 210 обнаруженных и проанализированных тюркско-славянских топонимов данной группы 169 имеют значение «новый» и только 44 – «старый» [выборка по: Michev N., Koledarov P., 1989]. Утрата одного из компонентов пары обусловлена, скорее всего, естественными социально-демографическими процессами, что характерно для ойконимии вообще: жители, чаще молодые и трудоспособные, уходят со «старых» мест и осваивают «новые» территории; население «старых мест» постепенно стареет, и со временем «старые» поселения прекращают своё существование. Какое-то время топонимы живут в народной памяти, но со временем уходят. В лучшем случае следы номинаций остаются в архивных записях, но часто не обнаруживаются и там.

Метафоризированные компоненты возникают в основном за счет антропонимов, см. оппозицию «ранний – поздний»: **Evel** антр., **evel** кр.-тат., **ev(e)l** тур. "первый", **ävel** ног. "раньше", **ävelgi** ног. "первый" – с. *Евель-Шейх*; **Keç** антр., **keç** кр.-тат., **geç** тур. "поздно, поздний", **keş** ног. "вечер, поздний", **keç** др.-тюрк. "долго, поздно" – с. *Аджи-Кеч* (два ойконима), *Али-Кеч* (два ойконима), *Бутегеч*.

На **направление** объектов топонимии указывают компоненты *gün/güney* (южный), *batı* (западный), *doğu/berdi* (восточный); компонента *kuzey* (северный) ни в топонимии Северного Причерноморья, ни в топонимии Турции обнаружено не было, см.:

1) кр.-тат., ног., др.-тюрк. **kün**, тур. **gün** "солнце, день", (см. *doğ-* – "рождаться, появляться, возникать", *-ğan* – тюркский причастный аффикс настоящего-прошедшего времени) – с. *Контуган* (*Гюн-Туган*) (два ойконима);

2) **batı** кр.-тат., тур. "запад, западный" – яр *Бати*, впадает с запада в р. Шелен у с. Капсихор (ср. также новогр. *βαθύς* и др.-тюрк. *batığ* "широкое влажное место, низина"), г. *Айбатли* (*ay* – кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "месяц"); см. также компоненты *közeleme*, *qible*, указывающие на местоположение, направление;

¹ Обобщение в статье: Хамуркопаран Д. Отражение пространственных отношений в топонимии Болгарии // Преподаватель XXI век. – М.: Прометей, 2014, № 1. – Ч. 2. – С. 362–369.

3) **doğ-** кр.-тат., тур., **tuv-** кр.-тат. "рождаться; возникать, появляться"; **doğğan** кр.-тат., тур., **tuvğan** кр.-тат. "рожденный, родной" (-*ğan* – тюркский причастный аффикс настоящего-прошедшего времени) – ист, руч. *Догдан-Су*, ист. *Догданин-Чокраги*, с. *Айтуган*, *Кон-Туган* ~ *Гюн-Туган* (два ойконима); очевидно, направление на восток указывал метафоризированный компонент *berdi*: **berdi** кр.-тат., ног. **verdi** тур. "[бог] дал" (-*di* – тюркский отглагольный аффикс, образующий существительные со значением лица), компонент антропонимов – с. *Азберды*, *Аталикберды*, *Бахти-Берды*, *Бахтиверды*, *Джафар-Берды*, *Джафер-Берды*.

Также (и даже в большей степени) на направление указывали и цветовые компоненты: чёрный цвет в представлении тюрков символизировал север, красный – юг, белый – запад, светло-голубой – восток [Ziyai, 2007, 46–47]. При этом номинация северного направления осуществлялась только за счет метафоризированного цветового компонента [см. в турецкой топонимии: Özkan, 2012, 169–182]

В связи с этим сомнению может быть подвергнуто распространенное в науке мнение Е.М. Поспелова о том, что «...специфика названий гор заключается в том, что в отличие от имён населённых пунктов, рек, морей включаемые в них цветовые характеристики в большинстве случаев отражают реальный цвет объекта, а не какие-либо иные (социальные, идеологические, ориентирные) признаки» [Поспелов, 1988]. Ученый приводит в качестве примера оппозицию *Каратау* – *Актау*: «В тюркской топонимии *Каратау* («чёрная гора») – «гора, покрытая черневой тайгой», противопоставляется *Актау* («белая гора»). В связи с этими двумя терминами нужно указать и третий – тюркск. *алатау* – «пёстрые горы», т.е. горы, в высокогорной части которых перемежаются белые пятна снега, чёрные каменистые россыпи, зелёные участки травянистой растительности, серые гранитные массивы» [Поспелов, 1988]. По нашему мнению, отсутствие в тюркской топонимии прямой номинации *kizeu* опровергает это представление, а приведенный ученым пример доказывает только тенденцию номинирования объектов по направлению и местоположению: север – центральная часть – юг. А

наличие той или иной растительности в данных местностях лишь отражает природные характеристики объектов, связанные с местоположением.

В урумско-русско-украинской топонимической зоне при обозначении направления преимущественны конкретные топонимические указатели, см.: *Тайгань Стрѣта* – «дорога, ведущая из села Стыла Старобешевского района на Таганрог (запись 1974 г.). В первой части описательного дримонима (названия дороги) отразилась старинная форма тюркского топонима *Тайган*, впоследствии упростившаяся и вошедшая в современное название города Таганрога. Эту звуковую форму мы находим в памятниках русской письменности XVII века: «к Тайгануругу», «до Тайгануругу» и т.д. Значение современного дримонима: "Таганрогская дорога", "дорога на Таганрог". Румейск. *стрѣта* – "дорога"» [Отин, 2014, 139].

Признак **скорости** в указанных зонах представлен менее активно. Это компоненты *deli* – *yavař*, *ađir* (быстрый – медленный), см.: **deli** кр.-тат., тур. "сумасшедший, неистовый, бурный, быстрый" (например, о реке); "дремучий, непроглядный" (о лесе) – яр, ист. *Дели-Дере*; употребление в топонимии определяет интенсивность признака, см. у М.Т. Янко: «*Тилігул (Делігул, Делі-Гьоль)* – ріка, впадає в Тилігульський лиман, розташований на Чорноморському узбережжі. Назва від тюркського (кипчацького, караїмського), турецького «дурний, скажений» і монгольського «ріка». Дослівно: «Буйна ріка» в розумінні: «Ріка з неспокійною течією». Назва дана за її буйність під час весняних повенів у порівнянні з її спокійною течією протягом усіх інших періодів року» [Янко, 1998, 306–307]. Ср. с тур. гидронимом *Yavař Göl* (г. Карс, Турция).

На **статичность/нестатичность** объекта указывают метафоризированные компоненты *tentek* – *yavař*, *ađir* (подвижный – спокойный). Метафоризация происходит за счет переноса «живое – неживое», см.: **Tentek** ген., **tentek** кр.-тат., ног. "проказник, сорванец", "дурной, дурень", тэнэг халх.-монг. "дурной, дурень" – с. *Тентек-Уйшунь* (два ойконима), ср.: род *тентек* у казахов, родовая группа *тентек* у узбеков. Ср. также рассмотренный выше пример *Аракпаш* < *аракбаш*, букв. "пьяная голова".

Форма, конфигурация, сходство с другими объектами реализуется через топокомпоненты *tomalaq / tögerek/top / toparlak / yuvan / yuvarlıq / yuvar* (круглый / округлый / сферичный), *supaq / soraq* (овальный / продолговатый / вытянутый), *süyrü / sivri* (остроконечный), см.:

1) **tomalaq** кр.-тат. "круглый" – ск. *Томала[к]-Кая*, яр *Тумалак-Таш* (приток р. Улу-Узень); **tögerek** кр.-тат., ног. "круг", "круглый", **tögrök** халх.-монг. "круг, кружок" – г. *Тегерек* около Бахчисарая, с. *Тукарек*; **top** кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "мяч, шар, круглый", "пушка" > новогр. *τόπι* "пушечное ядро, мяч" – ск. *Топ-Кая* (представляет собой утес), ист. *Топ-Кая-Чокрак*; **toparlak** тур. "круглая вещь, шар", "круглый" – г. *Топарлих-Кая*, (-*lıq* – тюркский аффикс собирательности); **yuvan** ног. "толстый" (о круглом и продолговатом предмете) – г. *Юван-Кая* около с. *Ай-Сезез*, ср. также кр.-тат., тур. *yuva* "гнездо", ног. *yuva* "дикий лук", др.-тюрк. *yuv-* "катить, скатывать"; **yuvarlıq** (*yuvar* кр.-тат., тур. "шар", -*lıq* – тюркский аффикс собирательности), ср. тур. *yuvarlak* "шар, круглый, сферичный" – с. *Юварлик*;

2) **Supaq** антр., ср. каз. **soraq** "продолговатый, овальный" – с. *Сунак*;

3) **süyrü** кр.-тат., **sivri** кр.-тат., тур., **süvrä** др.-тюрк. "остроконечный, острый", **süyri** ног. "вытянутый, конусоподобный" – г. *Сюрю-Кая* (четыре номинации), *Сюрютепе*, *Сюрю-Оба*, *Сюроба*, камень *Сюрюташ* около с. Бурлюк, холм *Сюр-Кая* около с. Коз, пещ. *Сюйрю-Коба* около с. Бага, ск. *Сиври-Кая* около с. Коккоз, г., с. *Сивриташ/Сюрюташ*.

Метафоризация компонентов происходит на основании сходства по внешнему виду или сходства по назначению, см.: **çalma** кр.-тат., тур., **şalma** ног. "чалма, тюрбан" – камень *Чалма-Таш* около с. Камышли на южном берегу Крыма; **çatır / çadır** кр.-тат., тур., др.-тюрк. > новогр. *τσαντίρι* "палатка, шатер", "халупа, лачуга", *şatır* ног. "шатер, палатка, кибитка, юрта" < перс. *çador* "шатер, палатка", "тент, навес", "чадра", *çätr* "парасоль, навес, тент" – ур. *Чадир*, ист. *Чадир-Чокрак*, г. *Чатир-Даг*, р. *Чатирлык* (-*lıq* – тюркский аффикс собирательности).

Тактильные характеристики объектов номинации реализуются через компоненты *qart / kart / sert – yumuşak* (твердый / черствый – мягкий), *çıplak /*

çiplaq / tüz / düz / yalpaq (ровный / гладкий / голый / плоский), *çağır* (рвущий / режущий); *pürüzlü, yaş / ıslak – quru / kuru / qırı / qırğaq / quruğ / quruq* (мокрый – сухой), *yarışqan / yarışkan / yaruşğan* (липкий), см.:

1) **qart** кр.-тат., ног., **kart** тур. "старый", "твердый, черствый" – г. *Харт* на севере от Судака, *Карт-Кая* "Старая скала" около Гаспри, *Харт-Оба*, *Харт-Хелик-Тене*, *Хартин-Кая* (отрог Караби-Яйлы), ск. *Картни-Каяси* на Караби-Яйле, с. *Карт-Бий* (два ойконима), *Карт-Казак*, *Карт-Мишик*; **sert** кр.-тат., тур. "твердый, мощный", "суровый, жестокий, грубый" – пуст. *Серт-Байир* около с. Калимтай;

2) **çiplaq** кр.-тат., **çiplak** тур. "голый" – г. *Чиплак-Кир* около с. Керменчик, холм *Чуплах-Сиртлар* около с. Ускют, *Чуплах-Хир* на г. Демерджи; **tüz** кр.-тат., **düz** тур. "плоский, ровный", "равнина", "долина", **tüz** др.-тюрк. "ровный, плоский", "одинаковый" – г. *Биюк-* и *Кучук-Тюз* около с. Мускомия, ур. *Черкестюс* (местность между притоками Качи и Бельбека), с. *Тюзлер* (сейчас *Высокогорное*); **yalpaq** кр.-тат., ног., **yalpak** тур., **yalbı** др.-тюрк. "плоский" – ск. *Ялла[к]-Кая*;

3) **çağır**, ср. **çaqıl**, кирг. *çağır taş / çaqır taş* "камень с острыми, режущими краями", *цахир* халх.-монг. "кремень"; каз. *şağır* "бурьян" – пещ. *Чагир*, *Чагир-Хосар* на г. Чатырдаг, мест. *Чагирлик-Арди* (-lıq – тюркский аффикс собирательности, *art* – кр.-тат., ног., тур. "спина", "задняя сторона, задняя часть");

4) **quru** кр.-тат., **kuru** тур., **qırı** ног., **qırğaq**, **quruğ**, **quruq** др.-тюрк., **хуурай** халх.-монг. "сухой" – р. *Куру-Узень*, руч. *Куру-Индол*, ущ., яр *Куру-Узень* (возле р. Алачук), с. *Куру-Узень* (два ойконима), с. *Куру-Джага-Шейх-Ели*;

5) **yarışqan** кр.-тат. "боярышник", **yarışkan** тур. "боярышник"; "липкий", **yaruşğan** др.-тюрк. "липкий" – г. *Янушканлик* около с. Копирликой (-lıq – тюркский аффикс собирательности), пещ. *Ябушкан-Хоба* на Караби-Яйле, ур. *Янушханлик* на Яйле.

Метафоризация компонентов происходит за счет переноса «относительный признак → качественный признак» и развития качественного признака в сфере «живое – неживое»: **çaqmaq** кр.-тат., др.-тюрк., **çakmak**, тур. "кремень, кресало" >

новогр. **τσακμάκι** "кресало", ср.: племя *чакмак* у узбеков, личное имя у тат. **Çağmaq** – с. *Чакмак, Кара-Чакмак, Паша-Чакмак, Сару-Чакмак(Чокмак)*; **taz** кр.-тат., тур., **daz** тур. "голый", "плешивый, лысый", **taz** ног. "шелудивый, паршивый", др.-тюрк. "проплешина, лысина, паршивый, шелудивый, плешивый", **taz yer** "лишенная растительности солончаковая местность", **tas** тур. "голый"; "безволосый, плешивый" < **tas** "лысый, безволосый" – г. *Таз-Агармиш, Таз-Оба, Тас-Кая, Тас-Тау*, холмы *Тас-Тене* около с. Ефенди-Кой, ист. *Таз-Чокрак*.

Кроме указанных выше, следует отметить также **общие признаки** объектов, такие как *dülber / cemil / cämil / camıllparlak I / güzel – parlaq II / yavuz* (хороший / красивый – плохой / безобразный), *temiz – kir / kirli* (чистый – грязный), *alis / halis – öbek / öpkük / u(l)paq* (однородный / целый – разнородный / дробный / часть) и под., см.:

1) **dülber** кр.-тат., **dilber** тур. "красивый, хороший, красочный, красота, прелесть" < перс. *delbär* "красота" – ур. *Дюльбер*; **cemil** тур. "чудный, красивый", **cämil** перс. "красивый"; **camil** "красивый, милый, милость" – пуст. *Джемил-Тав* "Чудный лес"; **parlaq I / parlak** тур. "блестящий, прекрасный", от *parla* "блистать, сиять"; **güzel** кр.-тат., тур. "прекрасный" – с. *Гюзель-Тене*; **parlaq II** кр.-тат. "поломанный, разбитый, треснутый", от **parla** "ломать, колоть, рубить", **paralak** тур. "разорванный", от *parala* "рвать, раздирать" – ск. *Парлак* около с. Туак, *Парлак-Кая* около с. Токлук; **yavuz** кр.-тат., тур. "суровый, грязный, жестокий" – ист. *Явуз-Дере* и *Яуз-Чокрак* у б. Каракач-Чокрак-Дере;

2) **temiz** кр.-тат, тур. "чистый" – с. *Темиз-Су*; **kir** кр.-тат, др.-тюрк., **kirli** тур., **хир** халх.-монг. "грязь" – сад *Кир-Конка* (принадлежал герою Крымской войны, капитану 2-го ранга А.Х. Кокараки; после его смерти был поделен между двумя его сыновьями, название утратилось) [Юрицин и др., 1978, 125];

3) **alis** кр.-тат., **halis** тур. "чистый", **xales** перс. "без примесей, настоящий, искренний, прямой" < араб. *xälis* – г. *Алис-Тене* около Сюйренской башни; **öbek** тур. "часть (чего-либо)", "холм" – г., с. *Опук*, с. *Конча-Упук*.

Метафоризация в значительной степени происходит за счет расширения круга отантропонимных компонентов, см.: **Bereket** антр., **bereket** кр.-тат., ног.,

тур. "счастье, достаток", "богатый урожай", **bārākāt** перс. "достаток", "благословенный" < *barakat* "благословение, благодать, небесный дар" – с. *Берекет*, кург. *Берекет-Оба*; **Cürât** антр., **cürât** кр.-тат., **cüret** тур., **cor'ât** перс. "смелость, отвага" < араб. *cur'ât* – с. *Курат*; **Qasim** антр. < араб. *qasīm* "красивый, хороший" – паст. *Хасим-Кош*, ср. также кр.-тат. *qasim*, тур. *kasim* "то, что делит, разделяет", "ноябрь", "половина года" (по народному календарю после 8 ноября – начало зимы, после 6 мая – начало лета), перс. *ğasem* "то, что делит, разделяет" < араб. *qāsīm*; **Qaspörü** антр. (ср. тур. *has xass* "присущий (кому, чему)", "чистый", "настоящий"; "исключительный, выдающийся", "султанский, царский" < араб. *xāss* – с. *Есен-Ели-Каспору*, *Суртай-Каспору*; **Toymaz** антр., **toymaz** "ненасытный" (кр.-тат., тур., ног., др.-тюрк. *toy-* – "наедаться", *-maz* – тюркский аффикс, образующий отрицательную форму причастий) – с. *Тоймаз* (*Таймас*); **Asan** антр., араб. **häsän** "прекрасный, хороший"; личное имя *Гасан* < араб. *hasan* – с. *Асан-Аджи*, *Гасан-Бай* (*Гасанбай*), *Асан-Сакал-Мангит*, *Гаджи-Гасан*, *Кара-Гасан* (*Кара-Сан*), *Карсан*, *Кой-Асан* (*Кой-Гасан*).

Достаточно частотен перенос по модели «живое – неживое». Как и в ситуации с импликацией семы «большой» в основах *baş* и *bay*, в данной группе топонимов активной становится сема «богатый» в основе *effendi*, см.: **efendi** кр.-тат., тур. "хозяин, властитель", "глава семьи", "богатый" – ист. *Афенди-Чешме* в горном массиве Карадаг, с. *Ефендикой* (два ойконима).

В качестве топокомпонента выступает и метафоризированная основа **ciger** – кр.-тат., тур. "печень, легкое", "душа, сердце" < перс. *segär* "печень, сердце"; в топонимах приобретает значение "смелость, храбрость", например, г. *Кара-Джигер* около с. Уппа.

Кроме того, топонимными становятся и некоторые другие основы, называющие качества человека. Например, значение основы **toq** кр.-тат., ног., **tok** тур. "сытый, состоятельный" модифицируется в топонимии в значения "плотный", "густой", ср. др.-тюрк. *toq* "сытый". В.А. Бушаков отмечает, что прилагательное входит в состав антропонимов, отраженных в ойконимии Крыма: с. *Ток-Йол* (*Джол*) (*yol* – кр.-тат., тур. "дорога, путь"), *Ток-Булек*, *Токмай*, *Токмай-*

Ишунь(Уйшун), Ток-Мегмет, Биюк- и Кучук-Токсаба (компонент *Toqsaba* В.А. Бушаков связывает с родо-племенным названием: племя *токсоба* кыпчаков (*токсобичи* в русских летописях), родовая группа *Токсаба* у казахов – с. *Биюк- и Кучук-Токсаба*), *Тохтаба, Ток-Чарли, Ток-Шейх, Тук-Мамашай*.

В некоторых случаях наблюдается ассоциативный перенос по внешним признакам, см.: **çolaq** кр.-тат., **çolak** тур., **şolaq** ног. "сухорукий, человек с искаленной рукой", ср. каз. *Şolaq* "короткий, куций", перс. *çolağ* "калека, безногий, безрукий" – г. *Чулак-Кая* у верховья Арпаты.

Как отмечалось выше, номинация топонимических объектов по их свойствам и качествам оказалась наиболее представленной в тюркско-русской и крымскотатарско-русской топонимических зонах. Обнаруженные в тюркско-украинской и урумско-русско-украинской зонах тождественные номинации носят перенесенный характер и являются результатом миграционных процессов в регионе, то есть считать данный признак номинации характерным для указанных зон нецелесообразно.

Однако, как уже отмечалось выше, кроме «чистых» значений компонентов в топонимии имеет место наложение разных типов значений и разные виды трансформаций: переход качественных значений в относительные, притяжательных – в относительные и качественные. Такие трансформации обнаруживаются и в Запорожье, и в Северном Приазовье. Установление специфики семакомпонентов топонимов и выстраивание логики формирования топонимических рядов является существенным при определении значений топонимов каждой конкретной топонимической зоны.

1.2. Номинация объекта по связи с человеком.

Чаще к таким номинациям относятся образования, мотивированные именами, фамилиями или прозвищами человека, и количество их в топонимии отдельных регионов довольно значительно. Сравнение топонимических систем четырех выделенных зон показало различие в характере номинаций в указанных зонах и интенсивности их распределения. Особенно активно данные принципы

проявляются в урумско-русско-украинской и тюркско-украинской топонимических зонах. Так, из 129 проанализированных нами русско-урумских гибридных топонимов (выборка по словарю Е.С. Отин, 2014) этноориентированными оказались 35 единиц, что составляет 27% от общего количества тополексем. В тюркско-русской и крымскотатарско-русской зонах этот процент значительно ниже – около 7%. Наиболее активными для всех четырех топонимических зон оказываются следующие виды номинаций.

Номинация по имени в урумско-русско-украинской зоне дает гибридные топонимы, включающие личные имена еврейского или греческого происхождения (румейское влияние) и тюркские или тюркско-румейские географические апеллятивы, см.: *Аврám Тав* – роща у села Староигнатьевка, Тельмановского района; апеллатив урумского происхождения *тав* "лес", которому в других тюркских языках соответствуют *тау*, *тав*, но со значением "гора"... [Отин, 2014, 12]; *Аврám Даг* – б., л.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса, возле села Староигнатьевка, Тельмановского района, роща *Аврám Даг*; *Аврám-та-Хаядичá* – б., л.п. Малого Кальчика (Восточного Кальчика, Калки), возле сёл Малый Янисоль и Кременёвка Володарского района (варианты: *Аврám-та-Хаядй́ча*, *Аврámта-Хаянй́ча*), *хая* "скала" с румейским деминутивным суффиксом *-ича* (*-ица*), присоединённым к осложненной интерфиксальными звуками *-д-*, *-д-* и *-н-* производящей основе (*хаяд-*, *хаяд-*, *хаян-*) [Отин, 2014, 13]; *Аврám-ту-Джан* – возв. около села Кременёвка (б. Чердаклы) Володарского района, *ту* – румейский определённый артикль, безаффиксный топонимический изафет [Отин, 2014, 13]; *Аджй́ Павлу́ Тарамá* – б., п.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса (варианты: *Аджипáл Тарамá*, *Аджипау́л Тарамá*, *Аджю́ Палу́тар*, *Ачипалу́ Тарамá*); Е.С. Отин указывает на различие семантики компонента *haci* в составе турецких словосочетаний: (1) *haci ağa* "гуляка, повеса", *ağa* "господин", "сельский богатеи", (2) слово, используемое при обращении со значением "брат", (3) *haci baba* "отец, папаша" (обращение к пожилому человеку), отсюда невозможность однозначного толкования топонимов: *Аджй́ Павлу́ Тарамá* – "балка почтенного Павлу́" (всеми уважаемого местного жителя) или "балка гуляки Павлу́" [Отин, 2014, 15]; *Анто́шка Тарамá* –

б. на окраине села Стыла Старобешевского р-на (вариант: *Антошкина Тарама*, русский суффикс притяжательности *-ин*), урумский географический апеллятив *тарама* "балка" [Отин, 2014, 20]; *Коста Чохрах* – ист. в посёлке Старобешево, названа по имени местного жителя *Косты* (Константина) Фёдорова, выкопавшего и благоустроившего её, *Чохрах* – географический термин со значением "родник, криница" [Отин, 2014, 70].

В некоторых случаях ввиду значительной деформации топонима представляется затруднительным определить точный характер имени, однако это не влияет на восприятие метонимической модели в целом, см.: *Ксенита Тарамá* – б., л.п. Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса, зафиксированная на «Плане земель домохозяев Больше-Каракубского сельского общества Бешевской волости Мариупольского уезда Екатеринославской губернии», составленном в 1910 году (Донецкий городской архив, фонд 156, единица хранения 19), в настоящий момент – село Петровское Волновахского района. В словаре Е.С. Отина зафиксировано, что один из информантов (житель Стылы) сообщил, что *Ксинитава* – «это фамилия» [Отин, 2014, 91]. То есть можно считать данный топоним румейско-урумским гибридом, испытавшим славянское влияние: рум. *ксéнос* "чужой", урум. *тарамá* "балка", конечное *-та* – остаток румейского определённого артикля. В поминальных списках «мариупольских» (приазовских) греков, в ревизских сказках XIX века зафиксировано мужское имя *Ксенита*, поэтому значение топонима могло быть "балка Ксениты".

В тюркско-украинской топонимической зоне количество номинаций по имени является существенным, но имен славянского происхождения практически не обнаруживается, что связано с характером формирования данной зоны и (см. параграф 4 главы 1 исследования).

В тюркско-русской и крымскотатарско-русской зонах в составе топонимов в основном распространены имена, связанные с исламскими традициями, см., например: *Аббас* (с. *Аббас*, *Аппаз/Апас*, *Аббас-Багалак*, *Аппас-Гаджи-Мекия*), *Али* (с. *Алибай*, *Али-Кеч*, *Али-Мерден*), *Алим* (ист. *Алим-Басты* в Байдарской дол.,

пещ. *Алимнин-Кобаси* (три номинации), скальный навес *Алим-Айдамах-Хобаси* около г. Демерджи), **Амет** (от *Агмад* – с. *Амет-Ели*, яр *Агматин-Дере*, *Агмет-Джилга*, с. *Ахмат*, *Ельгери-Акмат*, *Нагайчи-Акмат*), **Асан/Гасан** (с. *Асан-Аджи*, *Гасан-Бай/Гасанбай*, *Асан-Сакал-Мангит*, *Гаджи-Гасан*, *Кара-Гасан/Кара-Сан*, *Карсан*, *Кой-Асан/Кой-Гасан*), **Айдар** (с. *Айдар*, *Айдар-Гази/Гайдар-Качи*), **Айша** (с. *Айше*), **Камал/Джамал** (с. *Джамал*) и др. Очевидным является преобладанием мужских имен над женскими и смещение вектора номинации в сторону ойконимии.

К этой группе следует отнести и многочисленные топонимы (в основном ойконимы), мотивированные компонентом *сита/уита* кр.-тат., тур., ног. «пятница», «пятничный»: ***Cuma/Yuma*** кр.-тат., ног. антр. (по свидетельству В.А. Бушакова, так называли детей, которые родились в пятницу, священный для мусульман день) < араб. *сум'ат* "неделя"; "пятница" – с. *Джума-Ели*, *Джума-Кисек-Аратук*, *Джума-Иляк*, *Джумаиш-Кирк* (-*ş* – антропонимный тюркский суффикс), с. *Джума-Мечеть* "Пятничная мечеть".

Некоторые топонимы, по предположению В.А. Бушакова, связаны с именами конкретных исторических личностей, см.: ***Ayuş***, антр., *Агиш* (*Тел-Агиш*) – сын ногайского мурзы Ягмурчи, двоюродного брата Шах-Мамайя (XVII в.) – с. *Аиш* (два ойконима), *Гечерагиш*; ***Burluq***, антр., *Бурлюк* – сын Менгу-Темира и брат Токти – с. *Бурлюк*, древнее укрепление *Кале-Бурлюк* (или *Кале*) около с. Алма-Кермен, б. *Бурлюк-Дере* (однако возможно иное происхождение гидронимов – от кр.-тат. глагольной основы *burul-* "крутиться, вертеться, закручиваться, завиваться", гидр. *Великий Бурлюк* в бас. Дона, *Аккан-Бурлюк*, *Нижний Бурлюк* в бас. Ишима, см.: *burma*, *buruluşa*); ***Cantöre***, антр., *Янтура салтан* – сын крымского хана; возможно, от него – тат. личное имя *Cantürä/Yantürä* – с. *Джантора*; ***Caraqçı***, антр., алт. личное имя *Ďarıqçı/Ďoriqçı*, *Джорикчи* – родоначальник казахских племен албан, суан и дулат – с. *Джаракчи*, *Асс-Джаракчи*.

Номинация по фамилии является ограниченно представленной во всех четырех зонах. Выявляется в урумско-русско-украинской зоне, как наиболее

молодой из рассматриваемых. По мнению Е.С. Отина, отфамильным по происхождению является топоним *Кунжі́* – б., л.п. Кальца (вариант: *Кунжу́*). Исследователь пишет, что название представляет собой топонимизированную урумскую фамилию *Куинджі́*, *Куинжі́*, в живой разговорной речи фонетически изменившуюся в *Кунжі́*, *Кунжу́*, которая «вначале выполняла роль определения перед утраченным географическим термином *тарамá* "балка" (**Куинджи тарамá* "балка Куинджи"). Сама же фамилия *Куинджі́* этимологизируется на основе румейского апеллятива *куинджі́с* "золотых и серебряных дел мастер, ювелир"» [Отин, 2014, 93].

В тюркско-украинской зоне номинации по фамилии присутствуют, но в большинстве случаев их трудно отличить от топонимов, имеющих отпрозвищный характер.

Фамилии в тюркско-русской и крымскотатарско-русской зонах представлены компонентами родо-племенных названий (генонимов). Иных в период активного формирования топонимии региона, очевидно, не существовало. Из компонентов родо-племенных названий наиболее активны: ***Bitaq***, род *байтак* у караногайцев, родовая группа *битак* у казахов – с. *Битак*, *Ак-Кую-Битак*, *Мурзали(Мурзалар)-Битак* (в Крыму жили мурзы *Битакские*); ***Biydali***, род и родовые группы *бийдали* у казахов – с. *Бийдали-Конрат*; ***Bosterçi*** – с. *Бустерчи*, *Бюк-Бустерчи*, *Баран-Бостерчи* и *Ногай-Бустерчи(Бостерчи)*; ***Bozoğlu***, род *бозолу* упоминается в ярлыке хана Мухаммед-Гирея от 1623 года – с. *Боз-Оглу-Каратаяк*, *Боз-Оглу-Кереит*, *Боз-Оглу-Салаул*; ***Burçi***, род *борчи* у казахов, *борчжи* у манчжуров и *борчжи*, *борчит* у монголов. В.А. Бушаков приводит также имя *Бурджи-нойона*, который находился в улусе Джучи – с. *Бурчи*, *Бюк-* и *Кучук-Бурчи*; ***Sabaç*** – с. *Джабач*, *Ески-Джабач*, ср. родовые группы *джабачи* у казахов и *япач* у туркменов; ***Sabağa*** кр.-тат., *sabaği* кирг., *yabaqi* др.-тюрк., древний тюркский народ *ябаку* – с. *Джабага*, ср. родовые группы *жабаги* у казахов, *джабаги* у киргизов, *ябак* у теленгитов; ***Sabanaq/Samanaq*** – с. *Джабанак*, *Елгери-Джаманак*, *Сирт-Джаманак*, ср. род *джаманак* у киргизов; ***Satınçı*** – с. *Джаминчи*, *Джамичи (Ямичи)*, род *жаманиша* в каракалпаков, род,

родовая группа *яманчи* у узбеков; *Canlar* – с. *Джанлар*; *Çağmaq*, племя *чакмак* у узбеков, от него – татарское личное имя *Çağmaq* – с. *Чакмак*, *Кара-Чакмак*, *Паши-Чакмак*, *Сари-Чакмак*(*Чокмак*); *Çavke*, у татар юго-западного Крыма существовало предание о враждебном черкесском племени *чавка* – с. *Биюк-* и *Кучук-Чавке*; *Çüb[n]ji*, племена *чанни*, *чепни*, *чибни* у огузов и туркменов – села *Биченак* и *Чаби*; *Çotqara* – с. *Чоткара*, ср. родовая группа *чуткара* у казахов, род *чоткара* у киргизов; *Çuça* – с. *Чуча* (*Чучак*), *Ельгери-* и *Сиртки-Чуча*, ср. родовая группа *чучак* у казахов; *Eltoq*, род *ильтоқ* у казахов – с. *Ельтоқ*; *Könçi*, племя *кьончи* у могул, *Кончи* – внук Орды, старшего сына Джучи (он владел восточной половиной удела Джучи) – с. *Кончи* (несколько ойконимов), *Ашага-* и *Юхари-Конечи*, *Конча-Упук*, *Конче-Конташли*; *Oñlar* кр.-тат., ног., др.-тюрк., племя *онг* узбеков (*-lar* – тюркский суффикс множественности), – с. *Биюк-Онлар* и *Кучук-Онлар* (по два ойконима), *Bayonlar*, *Sekizonlar*; *Qambar*, Джучи *Канбар*; *Канбар* ~ *Камбер*, верный слуга халифа Али – с. *Камбар* (*Гамбар*, *Канбар*) (три ойконима), *Отар-Гамбар*, ср. родовая группа *канбар* у киргизов [подр.: Бушаков, 1991 и 2003].

Номинации по прозвищу обнаруживаются во всех описываемых зонах. В большинстве случаев это компоненты, связанные физическими особенностями и характером людей, чаще негативного свойства, см., например: *Топál Тубэ́* – возв. около пос. Старобешево, географический термин *тубэ́* "холм, курган" определяется прозвищем *Топál* (от урум. *топál* "хромой, калека") [Отин, 2014, 145]; *Сарбáн* – кол. в пос. Сартана (вариант: *Сарбáн* (*Сарпáн*) *Хую́*, румейский апеллатив *сарпáн* "копна" или мотивированное им прозвище *Сарпáн* (*Сарбáн*), носителем которого был местный житель тучного телосложения. [Отин, 2014, 127]; *Зепiр* – б., п.п. Мокрой Волновахи (вариант: *Зепiр тарамá*, урум. *тарамá* "балка"); топоним связан с урумской отпрозвищной фамилии *Зепiр*, возникшей от нарицательного слова *зепiр* "дурак, простофиля". (По данным Е.С. Отина, отмечена также современная фамилия с русским суффиксом *Зепиров*» [Отин, 2014, 67]); *Балабáн Тарамá* – б., п.п. Кальмиуса в Старобешевском районе, определяющая часть – прозвище *Балабáн* (от *балабан* "большой; великан;

толстый; с большой головой"), определяемая – тюркский географический термин *тарамá* "балка"» [Отин, 2014, 29].

Достаточно часты случаи, когда прозвище дает наименование группе людей, и топоним образуется уже от «группового прозвища». Е.С. Отин в своих исследованиях приводит довольно интересные фвкты, см.: *Фитилéй Тарамá* – «балка, п.п. Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса (Эксп., 1966 г.). Вариант: *Фитилей* (ВТКЕГ). На военно-топографической карте Екатеринославской губернии 2-й пол. XIX в. присутствует только первая (определяющая) часть топонимического изафета. Однако эта часть составного топонима могла быть и русской формой родительного принадлежности от группового прозвища *Фитили́* (ср. греч. *φίτιλι* "фитиль"), первый носитель которого мог быть так поименован из-за высокого роста (*фитилями* ещё недавно называли высоких и худых людей). Если это было так, то перед нами лексико-грамматический румейско-русский гибрид. Вариант на военно-топографической карте-трёхвёрстке – отголосок реально бытовавшего в народной речи топонимического словосочетания *балка Фитилéй*. На карте оно передано как *б. Фитилей*. В 1973 г. в селе Стыла, Старобешевского р-на, этот топоним записан был также в виде румейско-урумского гибрида: *Фитили́яс Тарамá*» [Отин, 2014, 153]; *Суджи* – «название части («кутка») села Великая Шишовка, Шахтёрского р-на. До конца XIX в. – самостоятельный хутор. <...> Первопоселенцем хутора мог быть человек с прозвищем *Суджа* оттопонимного происхождения. <...> Потомков *Суджи* стали именовать *Суджами*, и на базе этого уже группового прозвища позднее образуется ойконим с первоначальной семантикой "селение, где проживают люди с групповым прозвищем *Суджи*"» [Отин, 2014, 162]; *Кукóс Тарамá* – «балка, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса недалеко от села Николаевки Волновахского района (запись 1973 г.). Гибридный румейско-урумский топоним изафетного типа: антропоним *Кукóс* (от румейского *кукóс*, сравните новогреч. *Χῶνχος* "кукушка; одинокий человек; простак"), урумский географический термин *тарамá* "балка", определяемый существительным *Кукóс*,

т.е. "балка Кукóса, Кукóсова балка". В антропонимиконе современных приазовских греков зафиксирована фамилия *Кукоз*» [Отин, 2014, 92].

Эти и подобные компоненты обнаруживаются и в современной антропонимике, в составе русских и украинских фамилий, последние, в свою очередь, участвуют в номинации новых топонимических единиц.

В тюркско-украинской топонимической зоне количество номинаций по имени является существенным и значительно превосходит все иные типы номинаций (см. параграф 4 главы 1 исследования). Следует, однако, обратить внимание на то, что в большинстве случаев личные имена здесь являются греческими и еврейскими по происхождению и входят в состав тюркско-украинских гибридных топонимов.

В крымскотатарско-русской зоне наиболее частотны отпрозвищные топонимы типа *alaköz, bozköz, çayköz, kökçeköz, kökköz, qaraköz*, связанные не с индивидуальными, а групповыми признаками народа, проживающего в конкретной местности, см., например: *aqköz* "светлоглазый", ср. тур. *aq gözli* "человек с дурным глазом" – с. *Ак-Коз* (два ойконима). Многие из таких прозвищ становятся родо-племенными названиями, но сохраняют прозвищное значение в других языках, см.: *Аппақ* антр. (ср. прозвище *Ан(н)ак* у караимов), *ар-ақ* кр.-тат., *арак* тур. "совсем белый" – с. *Аннак*, ср.: родовая группа *аннак* у казахов.

Учитывая пестрый этнический состав региона Северного Причерноморья и характер миграционных процессов широко представленными оказываются **номинации по национальности**. Наиболее активны они в тюркско-русской и крымскотатарско-русской топонимических зонах. Фактически, в топонимии этих областей нашли отражение все факты, связанные с межнациональным взаимодействием людей.

В топонимии тюркско-русской и крымскотатарско-русской зон активно представлены компоненты *Арап* (кр.-тат., тур., *Arab* др.-тюрк. "араб", "очень смуглый", *ärab* перс. "араб" < араб. 'arab – с. *Апан, Ески-Апан, Корти-Апан, Апан-Чаур*, ср.: племя *аран* у узбеков); *Boğdan* (кр.-тат., тур. "Молдавия", "молдавский", "молдаванин" (от имени одного из царей Молдавии) – яр *Богдан*

Дере; *Céneviz* (кр.-тат., тур. "генуезец", "генуезский" < ит. *Geno(v)ese* – ск. *Дженевез-Кая*, на ней расположен Гурзуф); ***Çingene*** (кр.-тат., тур. "цыган" – ур. *Чингин-Алан*, *Чикене-Йол*, м. *Чингене-Бурун*, возв. *Çingene töpe* около с. Буюк-Озенбаш); ***Çerkes*** (кр.-тат., тур. "черкес", "черкесский" – с. *Черкез*, *Черкез-Ели* (два ойконима), *Черкез-Тобай*, *Черкез/Черкес-Кермен*, г. *Черкасин-Даг*, *Черкез-Кош*, яр *Черкес-Кош*, возв. *Черкезин-Хир*, *Черкес-Тене*, ист. *Черкес-Чокрак*, *Черкасин-Чокрак*, дерево *Черкес-Дерек* (*Черкес-Джевиз*) у Мисхори); ***Çufut/Cühut*** (кр.-тат., тур. "еврей", "еврейский народ", этим термином в Крыму татары называли евреев, крымчаков и караимов, – крепость *Чуфут-Кале* (*Киркор*)); ***Çuvaş*** (кр.-тат. "чуваш" – с. *Чуваш*, ногайский аул); ***F(i)renk/Färäng*** (кр.-тат., тур. "европеец", "иноземец" < новогр. *Φράυκος* "европеец" – г. *Френк-Мезер* в Восточном Крыму, яр *Френк-Чешмеси* около м. Карадаг); ***Kürt*** (кр.-тат., тур. "курд" – с. *Куртлер-Фоц-Сала*, квартал *Куртлер-Маале* в с. Коккоз, горный проход *Куртлер-Богаз*); ***Noğay*** (кр.-тат., ног., тур. "ногаец, ногайцы" – с. *Ногай-Бустерчи*, *Ногай-Тама*, *Ногайли-Кипчак*, *Ногайли-Кирк* (-*li* – тюркский аффикс адъективности), *Ногайлик* (-*liq* – тюркский аффикс собирательности), *Ногайнинки* (-*ninki* – сложный аффикс принадлежности), *Нагайчи*, *Нагайчи-Ахташ*, *Ахмат-Ногайчи*, возв. *Ногайли-Оглу-Оба* около Ст. Крыма); ***Osman*** (антр.; этн. турок-османов, от имени турецкого султана *Османа I*, имя чел. *Осман* – поляна *Осман* около с. *Татар-Осман*, ур. *Осман* около г. Аю-Даг, ск. *Осман-Кош*, с. *Осман*, *Османчик*, *Татар-Осман-Кой*, по данным В.А. Бушакова, около села находился сад турка Мемета); ***Özbek*** ("узбек" – с. *Узбек.*); ***Qazaq/Kazak*** (кр.-тат., ног., тур. "козак", "украинец", "россиянин" – г. *Казак-Кая* около с. Отуз, с. *Казак* (два ойконима), *Бой-Казак*, *Карт-Казак*, *Киргиз-Казак*, *Казаклар* (по данным В.А. Бушакова, у села жил мельник Андрей; -*lar* – тюркский аффикс множественности), ср.: род и родовая группа *казак* (*козок*), *казахлар* у узбеков, *казактар* у киргизов); ***Qırğız*** (этно.: племя *киргиз*, ногайцев, башкир и узбеков, родовая группа *киргиз* у казахов, род *киргиз* у тувинцев; древний народ *киргиз* (др.-тюрк. *qırğız/qırqız*), занимавший Минусинскую котловину на Енисее, потомками которого являются современные хакасы и киргизы, – с. *Киргиз* (два

ойконима), *Биюк-* и *Кучук-Киргиз*, *Баджак-Киргиз*, *Баш-*, *Буйтень-*, *Мавлеш-*, *Одаман(Адаман)-*, *Тама-Киргиз*, *Тамак-Киргиз*); **Qumuq** (кр.-тат., тур. "кумык" – с. *Кумуклар-Отари*, *-lar* – тюркский аффикс множественности); **Tatar** (кр.-тат., ног., тур. "татарин", тур. "гонец", др.-тюрк. название народа – с. *Tatar-Кой*, *Tatar-Осман-Кой*, *Tatar-Базар*, *Tatar-Джолман*, *Сариколь-Татар*, г. *Tatar-Ялга* около с. Лаки, хр. *Tatar-Хабурга*, ист. *Tatarбы*); **Tat** (кр.-тат. "тат", "горный и южнобережный татарин" (этим термином ногайцы называли всех крымских татар), тур. "чужак" (так турки называли главным образом арабов и иранцев), др.-тюрк. "чужеземец, иноплеменник" – с. *Tat-Ели*); **Türkmen** ("туркмен" – с. *Туркмень*, *Бая[m]-Туркмен*, ср. род *тюркмен* у акногайцев); **Urum** (кр.-тат. "крымский грек", тур. "грек, родившийся и живущий в Турции или в какой-то другой мусульманской стране", – ур. *Урум-Мегале* около с. Бьюк-Ламбат; В.А. Бушаков приводит сведения уроженца Ай-Сереза Ферата Усеинова о том, что татары этого села называли расположенное над ним христианское кладбище *Urum dedelerimizniñ mezarlığı*, т.е. «кладбище наших дедушек-урумов»); **Urus** (кр.-тат., тур. "русский" – г. *Урус-Кьоз* около с. Ворон).

В урумско-русско-украинской зоне номинации такого типа носят в основном перенесенный характер, но есть и те, что сформировались позже, уже на урумско-русской почве, см.: *Чингэнэ Тарамá* – балка в Бешевской степи, урум. *тарамá* "балка", *чингэнэ* "цыган" [Отин, 2014, 178]; *Гуржү Суват* – б. в бассейне Мокрой Волновахи, урум. географический термин *суват* "место водопоя", *гуржи* "грузин". [Отин, 2014, 54].

В тюркско-украинской зоне преимущественным является компонент **козак/казак** – холм. *Козаки*, с. *Казак* (два ойконима), с. *Бой-Казак*, ст. *Козачий*.

Номинация по признаку родства является традиционной для топонимии в целом. В тюркской культуре система родовых терминов является, очевидно, более разветвленной, отсюда – ее большая продуктивность и в плане образования географических терминов.

В тюркско-русской и крымскотатарско-русской зонах термины родства представлены довольно активно, в основном это компоненты: **abla** (кр.-тат., тур.

"старшая сестра" – пещ. *Абла-Коба*); **ağa** (кр.-тат., тур. "старший брат" – с. *Азмет-Ага, Азамат-Ага-Кесек, Джантемир-Ага, Каплан-Ага-Кесеги, Мустафа-Ага*, оз. *Аганин-Гьолу* на *Караби-Яйле*); **ana** (кр.-тат., тур. "мать" – ск. *Вай-Анам-Хаяси*, с. *Ана-Ели, Анакой-Ели*); **ata** (кр.-тат., тур. "отец", "дед", *atarlar* "предки" – г. *Чобан-Ата* около с. *Токлук*); **baba** (кр.-тат., тур. "отец" – г. *Баба-Даг/Баба-Хая (Мангун-Кале)*, с. *Бабагасан/Бабасан, Бабасан-Найман*); **bala** (кр.-тат., тур. "ребенок" – р. *Бала/Бала-Су* (название Гуви от ск. *Балан-Кая* до с. *Ай-Василь* – замечание В.А. Бушакова [Бушаков, 2003, 120]), *Бала-Салгир (Малый Салгир)*, ск. *Бала-Кая, Бала-Хаяси*, хр. *Баланин-Каяси*, яр *Бала-Дере*, ист. *Балан-Арды*, г. *Балали-Кая*, ск. *Балали-Кая (Келин-Хая), Кор[к]ма-Балам*); **ciyen** (кр.-тат., тур. "племянник", "внук по дочери" – с. *Джиен-Софу*, два ойконима); **emsee** (кр.-тат. "дядя по отцу" – г. *Емджемен-Кая* с двумя острыми утесами около с. *Ай-Серез* [Бушаков, 2003, 149]); **kelin/gelin** (кр.-тат., ног., др.-тюрк., тур. "невеста", "невестка" – ск. *Гелин-Кая* – склон горы *Кастель, Гелин-Кая (Кизил-Таш)* около с. *Кизил-Таш, Келин-Хая (Балали-Кая)* на г. *Демерджи*); **pika** (кр.-тат. "сестра" – г. *Пике-Тепе* около с. *Кокташ*); **qarı I/karı** (кр.-тат., тур. "жена", "женщина", "старая женщина", *qarı* др.-тюрк. "старый", *qartana* кр.-тат. "бабка", "баба" – ск. *Кармана-Кая* на г. *Демерджи, Карман-Куш*); **qız/kız** (кр.-тат., ног., др.-тюрк., тур. "девочка", "девушка", "дочь" – ск. *Киз(Хиз)-Кая*, ист. *Хиз-Кая-Чокрак*, м. *Хис-Куле-Бурун* (на мысе находится средневековая башня *Qız quille* [Бушаков, 2003, 193]), башня *Киз-Кулле (Киз-Куллеси, Хиз-Куле)* около с. *Черкес-Кермен*, дозорная башня *Киз-Кулле* в *Судацкой крепости* [Бушаков, 2003, 193], городище *Киз-Кермен*, холм *Кизлар-Оба*, с. *Хизлар*.

В урумско-русско-украинской зоне количество топонимов с компонентом родства незначительно, и семантически они ограничены несколькими лексемами. Е.С. Отин в словаре фиксирует единицы с компонентами *baba* "отец" и *bala* "ребенок", но и они не являются бесспорными, см.: *Бабá* – «степная могила в истоке балки *Долын Тарама*, л.п. *Сухой Волновахи*, л.п. *Мокрой Волновахи*, п.п. *Кальмиуса*. Возможны два объяснения происхождения оронима: а) топонимизированный урумский апеллятив *баба́* "отец", следствие

антропоморфизации географического объекта; б) возвышенность получила такое название по грубому каменному изваянию – «бабе», оставленному после себя кочевыми тюркскими племенами (половцами и др.)» [Отин, 2014, 27]; *Бабала Пиғабья* – «несколько родников на окраине с. Стыла, Старобешевского р-на; возле болота на правом берегу Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Урумско-румейско-русский топонимный гибрид. В его первом компоненте отразился, вероятнее всего, тюркский антропоним *Бабá* или соответствующий апеллатив *бабá* "отец", осложненный суффиксом прилагательного *-лы*, изменившимся в *-ла*; во втором – румейский географический термин *пиғад* "источник, родник" с русской флексией множественного числа...» [Отин, 2014, 27].

В тюркско-украинской зоне в топонимии в основном присутствуют термины родства со славянскими корнями *батько, дід, дядько*.

Номинация по профессии, роду деятельности очевидна для любой этнической топонимии, и тюркская в данном случае не является исключением. Северное Причерноморье становится интересным объектом для наблюдений, поскольку по топонимии региона, испытавшей на себе влияние многих языков и культур, возможно восстановление ремесел, связанных с образом жизни кочевых народов и их модификацией в период перехода к оседлости.

В тюркско-русской и крымскотатарско-русской зонах наиболее распространенными компонентами, связанными с родом занятий человека, являются: ***çoban*** (кр.-тат., тур. "чабан" – м. *Чобан-Басти (Меганом)*, башня, м., р. *Чобан-Кул(ле) (Чобан-Кале)*, ист. *Чобан-Чокрак*, р. *Чабан-Суат, Чобанай*, г. *Чобан-Ата* около с. Токлук, *Чобан-Каяси* около с. Отуз, *Кічкіне-Чобан*, ск. *Чабан-Таш, Чабан-Инкла-Кая*); ***çölmekçi/çömlək*** (кр.-тат., тур. "гончар" – с. *Чольмекчи*); ***dermenci*** (кр.-тат., тур. "мельник" – с. *Дерменджи*).

Также представлены термины – названия профессий: *baltacı* ("лесоруб"; ист., яр, р. *Балтаджи*), *baqsı* (очевидно, "лекарь, знахарь"; с. *Бакси*), *bödenesi* ("охотник на перепелов"; с. *Беденеджи-Найман*), *sılqıcı* ("пастух лошадей, табунщик"; с. *Джилкеджи-Ели*), *çoуunçı* (очевидно, "жестянщик, изготовитель котлов"; с. *Чоюнчи, Чоюнчу, Чуюнчи*), *oqçı* ("стрелок, лучник"; с. *Окчу-*

Гаджилар; А.В. Бушаков указывает на наличие рода *окчи* туркменского племени *ески*; с. *Окçулар* в Анатолии), *qazançı* ("мастер по изготовлению котлов", "повар"; с. *Казанчи*; род *казанчи* у башкиров), *sabançı* ("пахарь, земледелец"; с. *Сабанчи* два ойконима), *savurçı* ("скорняк"; с. *Савурчи*, *Сарчи-Ели*, *Сарчи-Кият*; пл. могулов *саричи*), *talqançı* ("пекарь"; с. *Талканчи-Кирей*), *tamğaçı* ("тот, кто ставит тавро"; с. *Тамгаджи*), *tarpançı* ("ловец диких лошадей"; с. *Тарпанчи*, *Кучук-Тарпанчи*), *taşçı* ("каменщик"; с. *Тащи(Таиши)-Конрат*; род *тачи* у казахов), *toğınçı* ("мастер по изготовлению колес"; с. *Тогунчи*; род. группа *тугунчи* у казахов), *tuzaqçı* ("охотник, ловец сетями, капканщик"; с. *Тузакчи* (по данным В.А. Бушакова относится к 1576 г.), *Біюк-* и *Кучук-Тузакчи*; род. группа *тузакши* у казахов), *yağmurçı* (очевидно, "охотник"; с. *Ягмурча*, *Ягмурчи*).

В урумско-русско-украинской зоне компоненты древних «профессий» обнаруживаются только в отпрозвищных топонимах: *Топчу́ Тарамá* (*Отрубя́* от "отруб", "хутор") – б. возле села Комар Великоновоселковского района, урум. термин *тарамá* "балка" определяется антропонимом *Топчу́* (от *топчу/топчи* "пушкарь, канонир"; ср. *топ* "пушка, ядро")» [Отин, 2014, 145]; *Сара́ф-ту-Джап* – возв. около с. Кременёвка (бывш. Чердаклы́) Володарского района, антропоним *Сараф*, ср. турец. *sarrafa* "меняла" [Отин, 2014, 127]; *Кувáл Чохра́х* – ист. в пос. Старобешево, урум. термин *чохрах* "родник, криница" определяется прозвищем *Кувал* от тюрк. *кавал* "дудка, сопилка". По словам Е.С. Отина, «его обладатель, вероятно, изготавливал этот народный музыкальный инструмент или играл на нём. Кавал делали из бузины, поэтому крымские татары называли её *кавал агач* (*агач* – "дерево")» [Отин, 2014, 92].

Номинация по социальному статусу предполагает отражение в топонимии положение человека в обществе, его манеру поведения, участие в трудовом процессе. Нужно сказать, что «проекция статуса» существенно различается в зависимости от рассматриваемой зоны. В крымскотатарско-русской зоне преимущественны компоненты *äbdal*, *baba*, *dede*, *xosa*, *hafiz*, *molla*, *qadı*, *qosa*, *şeiq*, *seit*, связанные с исламскими традициями и религиозной иерархией: *äbdal* перс. "святой", "заступники Магоммеда", *abdal/avdal* "святой, анакорет"; от него –

имя чел. < араб. *badīl*, мн. *'abdāl* "наместник"; "анакорет, набожный человек, святой", "странствующий дервиш" – с. *Абдал*, ср.: род *абдел* у башкир, родовая группа. *абдал* у казахов; ***baba*** кр.-тат., тур., др.-тюрк. отец; тур. "шейх" (глава некоторых орденов дервишей); *баавай* халх.-монг. "папа", *baba* личн. имя *Баба* – г. *Баба-Даг/Баба-Хая (Мангун-Кале)*, с. *Бабагасан (Бабасан), Бабасан-Найман*, ср.: род *бабасан* у казахов, родовая группа *бабасан* у сибирских татар; ***dede*** кр.-тат., тур. "дед, дедушка"; по данным В.А. Бушакова, *деде* также – шейх у дервишей-мевлеви – г. *Деде-Осман-Кири* около с. Керменчик, с. *Деде*; ***хоса(ё)*** кр.-тат., ***һоса*** тур. "учитель" (отсюда, по мнению В.А. Бушакова, кр.-тат. *оса* "учитель"); "ходжа", "мулла, духовная особа" < перс. *хасе* "хозяин"; "ходжа" – с. *Ходжа-Сала (Коджа-Сала, и Бугаз-Сала), Аблагоджа, Агоджа, Булат-Ходжа*, ср. племя *ходжа-атай* в Крыму, род *ходжа* у казахов, племя *ходжа-ели* узбеков, род *ходжали* у узбеков-локайцев, родовая группа *ходжа(лар)* у туркменов.

Социальный статус повышало посещение мусульманином Мекки. Отсюда – появление в топонимии (в основном в ойконимии) большого количества номинаций с компонентом *аси/хаси*: ***аси*** кр.-тат., ***һаси*** тур., ***äsi*** ног., ***һаси*** перс. "гаджи, мусульманин, который совершил паломничество в Мекку", "паломник" < араб. ***һасс*** "паломник, гаджи" (отсюда – кр.-тат. личное имя ***Аси***) – с. *Аджилар, Гаджилар, (Г)аджи-Ели, (Г)аджи-Кой, Гаджи-Сала* (укр), *Хаджи-Сала* (рус.), *Гаджи-Бай, Гаджи-Гасан, Аджи-Байчи, Аджи-Бешер, Аджи-Бике, Аджи-Булат, Аджи-Булек, Аджи-Даут, Аджи-Ибраим, Аджи-Кал, Аджи-Кеч, Аджи-Менде, Аджи-Муса, Аджи-Мушкай/Джамушкай, Гаджи-Тархан, Асан-Аджи, Булек-Аджи, Бурнаш-Аджи, Камагаджи/Камахаджи/Камаджи, Орак-Аджи, Орман-Аджи, Чегер-Аджи*, пещ. *Гаджи-Хоба/Хаджи-Хоба*, ур. *Кармаджи*, яр *Гаджи-Дереси/Хаджи-Дереси*.

На социальный статус в оппозиции «богатый – бедный» указывают компоненты *бай* (*бай, беу, Байавут* этн.), ***bäk*** (примеры см. выше) и *derviş*: ***бай*** кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк., перс. "богатый"; "бай, хозяин", ***баян*** халх.-монг. "богатый, зажиточный"; термин входит в состав многих антропонимов, использованных в топонимии, – хутор *Бай-Су*, с. *Бай-Абаи, Байбору, Байгоджа*,

Байгельды, Бай-Ели-Чонгурчи, Байконду, Байкончек / Байгончик, Байсары, Байчура, Аджи-Бай, Гассан-Бай, Кара-Бай, Кизиль-Бай, Кир-Байлар, Конурбай, Мамут-Бай, Моголбай ~ Молбай ~ Малбай, Теренбай, Якшибай, с., ур., яр Байбулат, г. Халил-Бай; derviş кр.-тат., тур. "дервиш", "нищий, бедняк" < перс. *dārviş* – с. *Аман-Дервиш*.

К этой же группе, очевидно, можно отнести и компонент *ğazi/gazi*, значение которого в топонимии реализуется как «воин», см.: **Ğazi** антр., **ğazi** кр.-тат., **gazi** тур. "гази, борец за веру" (за ислам), "победитель неверных", **ğazi** перс. "борец за мусульманскую веру", "победитель, герой" < араб. *ğāzi* "завоеватель, воин" – с. *Айдар-Гази, Бей-Гази*.

В урумско-русско-украинской зоне, кроме традиционных для тюркской топонимии компонентов *baş* и *baу*, выделяются и славянские *государь, царь*, см. *Юзбаши́ Тарамá* – «балка в селе Кременёвка Володарского района (записи 1964 и 1983 гг.). Урумский топоним, состоящий из антропонима, мотивированного апеллятивом *юзбаши́* "сотник" (*юзь* "сотня", *баиш* "голова, начальник") или омонимичным апеллятивом *юзбаши́* "староста" и географического термина *тарамá*] [Отин, 2014, 186]; *Госудáрев байрáк* – «село было основано в 1754 году как пограничное поселение у истоков Лугани девятой ротой полка Прерадовича, затем вошло в состав Горловки...» [Отин, 2014, 48]

Номинация по событиям, произошедшим с конкретным лицом является активной в тюркской топонимии, см. рассмотренные выше топонимы *Адамáн Чалгáн; Атамáн Чалгáн Тарамá; Сульмéн Ольгéн; Горгóр Ольгéн; Васíль Ольгéн*, «указывающие» на эти события.

Интересно, что «траурный» компонент *öl-* кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "умирать" является наиболее активным из событийных в крымскотатарско-русской зоне и, соответственно, в урумско-русско-украинской, что, очевидно, связано с перенесением не столько названий, сколько тенденций номинации. См.: г. *Ольмез-Кир*, паст. *Огуз-Олень* (**Ögüz ölen, -an* – тюркский причастный аффикс настоящего-прошедшего времени), яр *Чельгине-Ольген* "Цыган помер", *Мемет-Ольдек-Дере* "Река, где погиб Мехмет" – название верховья Донги (*-dıq* –

тюркский причастный аффикс настоящего-прошедшего времени), ср. *ölmez* "бессмертный, неумирающий" (-*maz* – тюркский причастный аффикс, образующий отрицательную форму настоящего-прошедшего времени). Ср. с тур: *Ölmez Köyü* «Деревня, которая не умрет» (провинция Алтынэкин, г. Конья).

См. также топонимообразующие «событийные» основы:

bas- "наступать, давить, топтать, ступать" – м. *Чобан-Басты* (Меганом) [Çoban bastı] "(Место), где ступал чабан";

boğul- "быть задушенным, утопиться" – ист. *Углан-Буглан* [Oğlan boğulan] "(Источник), где утонул парень" в верховье Индола;

dök- "лить, выливать, сыпать, насыпать, высыпать; терять" (листья), линять (о животных, птицах) – с. *Чорба-Докен* [Çorba döken] "Тот, что пролил суп" (антропоним).

kel- "приходить" – паст. *Султан-Кельда-Оба* [Sultan keldi oba] "Курган, к которому приходил султан", ур. *Хан-Гельди* [Xan geldı] "(Место, куда) приходил хан" на Караби-яйле;

ket- "идти, ехать" – паст. *Огуз-К[е]тен* [Ögüz keten] "(Место), откуда исчез бык";

yaşır- "прятать, скрывать, *yaş-* прятаться, скрываться" – ск. *Кыз-Яширган* [Qız yaşırğan] "(Место), где прятали девушку (девушек)".

Номинация по историческим событиям, связанным с конкретным этносом, характерны для более поздних топонимов, см., например, г. *Баталташинск* (совр. Черкесск), изначально станица, которая названа в честь победы казаками войска Батал-паши 28 сентября 1790 г. (дата основания города – 1803 г.)

В тюркско-русской зоне такие компоненты обнаруживаются, и все они хорошо описаны. В крымскотатарско-русской топонимической зоне таких компонентов выделено не очень много, в основном это наименования, зафиксировавшие время возникновения в письменных источниках, см., например, названия населенных пунктов: *Ак-Мечеть* – с XVIII в., *Ак-Шеих*, *Курман-Кемельчи* и *Ислам-Терек* – с XIX в., *Сарабуз* – с 1873 г., *Биюк-Онларс* – 1805 г.,

Джурчис и *Ички* – с 1798 г., *Албат* – с 1520 г., *Отузы* – с 1461 г. Кроме этого, встречаются описательные топонимы, касающиеся конкретных народов, см.: **çağır-** "звать, приглашать, созвать, призывать" – м. *Чуфут-Чеарган-Бурун* [Çufut çağırğan burun] "Мыс, с которого созывают иудеев" на г. Мангуп-Кале (в Крыму термином Çufut татары называли, кроме евреев и крымчаков, также караимов, проживавших в городах Мангуп-Кале и Чуфут-Кале).

Нужно сказать, что в большинстве случаев на данный тип номинации накладывається и другие типы номинации (см. ниже), что объясняется сложным характером внутрисемантических и этимологических связей в структуре топонимов.

Таким образом, топонимы, мотивированные антропоцентрическим компонентом, оказываются достаточно интересными в аспекте межъязыкового взаимодействия и наиболее представлены в урумско-русско-украинской и тюркско-украинской топонимических зонах Северного Причерноморья.

1.3. Номинация объекта по связи с окружающими объектами.

Данный тип номинации в большей степени характерен для русско-урумско-украинской топонимической зоны. По нашему мнению, это объясняется влиянием «переселенческого мышления» на формирование топонимии новых осваиваемых мест проживания урумских греков. Связь с окружающими объектами в данной зоне проявляется как прямая и как опосредованная. К прямой номинации, например, можно отнести наименования, связанные:

1) с выражением прямых относительных значений объектов: б. *Тахлы́* – результат разрушения полной формы топонима с географическим термином *тарамá* "балка", *Тахлы тарамá* – "лесистая балка"; возв. *Таш Тубэ́* – определяемый термин *тубэ* "холм, курган", определяющий – *таш* "камень". значение "каменистый холм, каменная степная могила";

2) с общим значением «обустройство места проживания»: *Оджахсы́з Чет* – окраина посёлка Старобешево, где, по сведениям Е.С. Отина, обосновались первые переселенцы из Крыма и отсюда началась застройка их нового, ещё не

обжитого ими селения. В их домах вначале не было дымоходов, поэтому, в отличие от новой, построенной позже части села, застроенной домами с дымоходами и трубами, этот край села называли «бездымоходным». В урумском наречии *оджа́х* – "комнатная печь с открытой топкой", *-сыз* – морфема со значением отрицания "без", *чет* – "край, окраина, конец, угол" [Отин, 2014, 117].

3) с общим значением «организация хозяйственной деятельности человека»:
б. *Сува́т* – топонимизированный урумский географический термин *суат* "место водопоя домашнего скота" [Отин, 2014, 137]; б. *Скули́ Тарамá* – первая часть названия этимологизируется на основе румейского слова *склы*, урумского и крымскотатарского *ускюли́* "лён", которое определяет урумский географический термин *тарамá* "балка". На склонах этой балки, очевидно, когда-то были посеы льна [Отин, 2014, 131]; б. *Тавлу́ Тарамá* – в основе названия апеллятив *тавлá* "конюшня" [Отин, 2014, 139];

4) с общим значением «место осуществления трудовой деятельности»: ур. *Арма́ Хая́* – определяющая часть топонима – существительное *арман* "место молотьбы, гумно, ток", определяемая – географический апеллятив *хая* "скала", то есть "скала, каменистый выступ, где добывался камень для молотьбы". Ср. кр.-тат. *арманташ* "камень для обмолота"» [Отин, 2014, 21]; б. *Крупча́тка Хула́х* – русско-урумский гибридный топоним изафетного типа, в котором *крупчатка* – "небольшое предприятие, вырабатывающее крупу" в роли определения по отношению к урумскому географическому термину *хула́х* "овраг". Возле оврага была мельница для выделки *крупчатки* – высшего сорта белой пшеничной крупки – измельчённого зерна, очищенного от шелухи» [Отин, 2014, 91]; *Базары́-ту-Стра́та* – урумско-румейское гибридное название дороги со значением "дорога на базар". Ср. новогреч. *стра́та* "дорога, путь". Мариуполь для приазовских греков долгое время был важнейшим местом торговли – базаром, где проходили ярмарки» [Отин, 2014, 28]; б. *Почта́ Тарамá* – урумский географический термин *тарамá* "балка" определяется существительным *почта* (т.е. "почтовая балка"). Раньше по дороге, которая проходила через эту балку (юго-западнее села), возили на лошадях почту» [Отин, 2014, 124]; б. *Пляти́ Таиш* – «балка, л.п. Сухой

Волновахи (запись 1962 г.). По свидетельству жителей посёлка Старобешево Л.Н. Фёдорова (1869 г. рождения) и Г.Ф. Михайлова (1898 г. рождения), в этой балке был карьер, где местные жители добывали плоский камень, который шёл на мощение улиц села и на кровлю хозяйственных построек. *Пляти таиш* – следствие сокращения полной формы *Пляти таиш тарамá*, представляющей собой румейско-урумский гибрид, в состав которого входит румейское прилагательное *пляти* "широкий", урумское существительное *таиш* "камень", а также урумский географический термин *тарамá* "балка"» [Отин, 2014, 123].

В плане взаимодействия языков интересными оказываются случаи, когда с течением времени тюркский аппелятив утрачивает своё первоначальное значение и славянский компонент восполняет это утраченное значение. Чаще это касается составных номинаций, см.: «*Мокра Сура* – ріка, права притока Дніпра. Ім. частина складного гідроніма *Сура* походить від тюркського «висихаюча». *Мокра* на відміну від *Суха Сура*, обумовлена тим, що повноводніша останньої» [Янко, 1998, 204]. Но встречаются и сложноосновные лексемы, см.: «Вернёмся к гидрониму *Каратыш*, территориально связанному с Каменными Могилами (ручей *Бестаиш* назывался также *Малым Каратышем* или просто *Каратышем* – уточнено нами). Он имеет вариант *Коротыш*, появившийся благодаря сближению с прилагательным *короткий*. Это один из случаев так называемой «народной этимологии» в топонимии. Прямое свидетельство о ней мы находим на «Карте русско-турецкой и польской границ» 1760 г., составленной в Академии наук в Петербурге, где интересующий нас гидроним представлен как семантически «ясное» прилагательное – р. *Коротка*» [Отин, 2014, 81].

Под опосредованной номинацией следует понимать разного рода метонимический перенос, когда лексическое значение одной тополексемы проецируется на значение другой, и основанием для этой проекции является наличие у носителей языка комплекса представлений о тождестве называемых объектов. Анализируя процессы опосредованной номинации, Л.И. Маршева пишет: «Речь в этом случае идёт о широко понимаемых метонимических связях, то есть переносе лексической единицы с одного денотата на другой при наличии у

носителей языка устойчивых представлений о внешнем, функциональном, пространственном и ином сходстве и близости называемых объектов» [Маршева, 2008]. В плане межъязыкового взаимодействия наиболее показательными здесь являются географические названия, образованные от гидронимов, мотивированных тюркскими основами: река *Коломак* и село *Коломак*, см.: «*Коломак* — 1) ріка, ліва притока Ворскли (басейн Дніпра). Походження назви точно не встановлено. Припускають, що вона утворилася від турецького «ріка», «вода притока» і форманта *-мак*. <...> 2) селище міського типу Харківської обл. <...> Назва від р. *Коломак*, на якій розташоване селище» [Янко, 1998, 161]. См. также перенос «карьер – водоём»: *Таш Чихарган Тыньх* – «ставок в селе Старомлиновке Великоновоселковского района (запись 1970 г.). Смысл этого урумского описательного названия изафетного типа в том, что ставок появился на месте каменного карьера (*таш чихарган* "камень вынимали": *таш* "камень", *чихарган* – действительное причастие прошедшего времени с аффиксом *-ган* от глагола *чихармах* "вытягивать, вынимать")» [Отин, 2014, 143].

Однако в единицах, представляющих собой результат межъязыкового взаимодействия, не всегда удаётся выяснить мотивы мотивации. «При непосредственном выяснении мотива названия обнаруживаются многочисленные мотивационные параллели. Они позволяют вписать изучаемые языковые единицы в один контекст с моделями, которые пользуются тем же или сходным номинативным материалом для выражения иного содержания» [Маршева, 2008]. См., например, номинацию *Керимбердилибан* от кр.-тат., ног. *berdi*, тур. *verdi* "дал, отдал" (*-di* – тюркский отглагольный аффикс, образующий существительные со значением лица). Возможное толкование: *Керимберди* /кр.-тат., ног. *Kerim berdi* /тур. *Kerim verdi*, досл. "Керим отдал", *бан/бан* "венгерский или хорватский князь времен Османской империи", то есть общее значение "тот город, князю которого город отдал Керим". Направление указывается опосредованно, через обозначение характерных признаков города.

Кроме того, особую роль здесь играет так называемая народная этимология. «Актуальная и потенциальная информация, заложенная во внутреннюю форму

номинативной единицы, постоянно расширяет и одновременно видоизменяет знания об объекте, облекая их в уже существующие, старые формы. Подобные процессы доказывают: при бытовании топонимов одинаково важным оказывается не только то, что они называют, но и через что они это называют» [Маршева, 2008]. Многие из таких топонимов связаны с «топографическими легендами». Напомним рассмотренный выше топоним *Сартанá* и его толкование на основе топонимической легенды: рыжий телёнок как бы подсказал грекам выбор места поселения. Однако название посёлка возникло не в Приазовье, а в Крыму. Вероятно, вначале оно имело метафорическое значение, относясь к какому-то географическому объекту – возвышенности, скале, похожему на телёнка.

Кр.-тат. апеллятив *tana* "телёнок-двухлетка" встречается в топонимии Крыма: в названии реки *Тана-Су (Тунас)* и в названиях сёл *Сарытана (!)*, *Танабос*, *Танагельди*, *Коктана*. Применительно к топонимам Крыма можно, вероятно, говорить о незавершившемся процессе терминологизации этого слова. Ср. также народные географические термины, появившиеся благодаря употреблению в переносном смысле апеллятивных обозначений животных, и развившиеся из них географические имена: *бык*, *бычок* "скалистый берег", "каменный утёс", "мыс", "камень в воде", с одной стороны, и селение *Бык*, с другой; *конь* "большой каменный валун" и селение *Конь* (в Тульской области России) и т.д. Ороним *Сары Тана* впоследствии мог быть перенесён на расположенное рядом селение. В разговорной речи произошла редукция срединного *ы* в прилагательном (**Сары́ Танá* → *Сартанá*). Катоиконимы: *сартáнцы*, *примóрцы*. На базе современной румейской «уличной фамилии» *Сартаньоту* (с суф. *-оту*) восстанавливается катоиконим *сартаньоту*» [Отин, 2014, 143].

На основании исследованного нами фактического материала можно сделать предположение о том, что часто в основе топонимов лежит мотивировочный признак, не соответствующий этимологическому. В качестве примера можно привести и рассмотренный выше топоним *Хан Тарамá*, где один тип номинации накладывается на другой, создавая опосредованные отношения: *хан* "кровь" и

тарама "балка" трактуются как "кровавая балка". Название связывают с цветом почвы на склонах, но мотивируют его возникновение тем, что именно здесь была кровавая битва русских с татарами на реке Калке в 1223 году [Отин, 2014, 159]. При этом указанным единицам присущи разные типы мотивированности: полная прямая, при которой происходит полное вхождение прямого значения производящего в значение производного (кровавая – там, где много крови), и полная переносная, когда переносное значение производящего без остатка включается в семантику производного (кровавая – красная, как кровь).

Для наименований отдельных, в основном сельских, местностей распространённой является ситуация полимотивированности, когда для одной номинативной единицы предлагается несколько мотивировочных версий. «Ориентация говорящих на разные типы номинации способствует возникновению вариантных внутренних форм слова, проявляющихся через осознание носителями говора связи формы и значения географического имени и отражающих полимотивацию номинативной единицы» [Маршева, 2008]. См., например: *Хабурга́ Тарамá* – «балка вблизи посёлка Старобешево (запись 1969 г.). Урумский топоним изафетного типа, вторая часть которого – географический термин *тарамá* "балка" определяется другим термином *хабурга́* "скала", "косогор", который восходит к тур., кр.-тат *kaburga/haburga* с основным значением "ребро". Объяснение названия жителями посёлка: «На этом месте жители посёлка проводили соревнования по национальной борьбе, во время которых ломали друг другу рёбра» [Отин, 2014, 154].

Полимотивированность топонимов часто приводит к изменениям структурным. См., например: *Хавалéй Тарамá* – «балка, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса недалеко от посёлка Кипучая Криница Старобешевского района (запись 1973 г.). Первое слово этого составного названия, вероятно, вначале было урумским прилагательным *хавалы́* (от тур., кр.-тат. *hawala* "дудка", "свирель") с изменившимся, в результате адаптации в русском языке, суффиксом –*лы* на –*лей*; второе слово – географический термин *тарамá* "балка". Можно предположить, что балка была местом встречи местных дударей и пастухов или на её склонах

росли деревья и кустарники, из которых делали этот нехитрый народный музыкальный инструмент» [Отин, 2014, 154]. И здесь уже встаёт вопрос о взаимосвязи номинационного типа топонима и его структуры. Ср. с рассмотренным выше топонимом *Кувáл Чохрáх*.

В целом, на основании проанализированного материала, видимо, можно говорить о том, что номинация объекта по связи с окружающими объектами наиболее активно представлена в урумско-русско-украинской топонимической зоне Северного Причерноморья, причем преобладающей здесь оказывается опосредованная номинация, основанная на метонимическом переносе.

2. Классификация топонимов по объектам топонимической номинации.

Выделенные нами принципы номинации по-разному «работают» не только в конкретных топонимических зонах Северного Причерноморья (тюркско-русской; крымскотатарско-русской; тюркско-украинской; урумско-русско-украинской), но и имеют разную активность и разную направленность при обозначении типов географических объектов (гидронимов, оронимов, ойконимов) в этих зонах. Выявление этих особенностей является важным для создания общей картины взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере топонимии рассматриваемого региона.

Гидронимы – это наименования объектов, которые объединяются наличием в них воды, то есть это названия рек, озер, ручьёв, родников, болот, прудов, водохранилищ, каналов, колодцев [Подольская, 1978, 64].

В ономастической литературе отмечается ряд определённых факторов, которые участвуют в становлении гидронимов на отдельной территории. Это и географические особенности региона, и особенности освоения водных объектов конкретными этносами, и ментальные характеристики народов, участвующих в создании гидронимии региона.

Считается, что крупные водные реалии «часто получают названия на основе своих физических свойств, мелкие – на основе образов, порождённых

фантазией человека в связи с необычностью их форм» [Суперанская, 2007, 106]. Ср.: 1) *Ингул* (Ангул) – река, л.п. Южного Буга (длина 354 км). «Назва остаточно не розгадана. Роблять припущення, що вона могла утворитися від турецького «тихий», «лінивий»...» [Янко, 1998, 138], *Кагул* (*Кагульское*) – озеро (площадь до 93,5 кв. км) на юго-западе Одесской обл., на левом берегу Дуная. «Назва від тюркського «кругле озеро» [Янко, 1998, 140] и 2) *Апанлы* – река, п.п. Корсака (бассейн Азовского моря, длина – 28 км). «Гідронім виводять з тюркського «багатий на дичину» і префіксу з підсилювальним значенням *ap-*. Інші назву виводять від тюркського «колодязь» і суфіксу *-ly*. Дослівно: «Колодязна», «Річка, що тече в западині» [Янко, 1998, 25]; *Тобечикское озеро* (*Тобечик*) – на северо-востоке Керченского п-ова (длина – 18,7 кв. км). «Деякі дослідники назву виводять від латинського «виснаження» та складного суф. -чиськ. (рус. –чик и -ск). Дослівно: «Виснажене озеро; озеро, що вмирає». Більш вірогідне тлумачення від тюркського терміну «пагорб, могила» та тюркського зменшувального суф. -їк (*тобечик* «невеликий пагорб» + слов. суф. -ськ(е), рус. -ск). Дослівно: «Те, що біля пагорбу» [Янко, 1998, 308].

Интересно и то, что совсем небольшие водные объекты чаще имеют описательные, метафорические названия, см., например, упоминаемый выше гидроним *Ширилдау́х* – «ручей, п.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса; возле села Староигнатьевка Тельмановского района (запись 1972 г.). Вариант: *Шумок*. Урумский гидроним со звукоподражательной основой *ширил-/шарыл*, присутствующей в лексике многих тюркских языков. Ср. кр.-тат. глагол *шырылдама́к* "журчат" (*озён ширилда́й* "река шумит"), *шырылты́* "журчание". Структура гидронима: глагольная основа *шырылда́-* (звукоподражательный корень *шыр-* + суффикс *-ылда-*), к которой присоединён суффикс *-вух* (*-вук, -ук, -ух*), с помощью которого в тюркских языках образуются отглагольные существительные и прилагательные. Славянский вариант названия *Шумок* – смысловая калька, возникшая в речи двуязычных урумов» [Отин, 2014, 184]; «*Мелек-Чесме* – ріка на Керченському п-ові. Назва від тюркського «ангел» та «джерело» [Янко, 1998, 198].

Данные положения подтверждаются и анализом гидронимов Северного Причерноморья с тюркским компонентом. Для анализа нами были отобраны 87 топонимов Северного Причерноморья, называющие различные водные объекты.

Большинство гидронимов отражает такие количественными и качественные характеристики называемых объектов, как величина, протяжённость, удалённость от других объектов, цвет, прозрачность, вкусовые качества воды, её запах и др.

Наиболее представленной в топонимии Северного Причерноморья является номинация по величине объектов. Очевидно, это объясняется тем, что количественный признак является визуально выраженным и наиболее понятным носителю языка. Так же «понятностью» можно объяснить и номинацию по цвету, вкусу и запаху воды. Достаточно последовательно реализуется и принцип номинации по отношению к другим объектам и наличием в структуре топонима родо-племенного названия. Выделить последний в качестве топокомпонента во многих случаях оказывается крайне затруднительным. См., например, гидроним *Алачук*, где возможна номинация от родо-племенного названия *алач* или от тюрк. *алачук* "шалаш". Также зачастую затруднено выяснение мотивации для номинации (например, в топониме *Енишары/Яшышары* некоторые исследователи усматривают связь между этим названием и высадкой турецких войск в Крыму в 1475 г., что является довольно спорным). Наименее представлен принцип номинации по звуку и «маневренным характеристикам» водных объектов, что объясняется, очевидно, необходимостью определённой «языковой игры», которая у каждого этноса проявляется по-своему. Ср., например, семантику приведённого выше гидронима *Бурульча/Бурунча/Баурча/Бор-Ульча* (кр.-тат. *burul* "быть скрученным", *burulma* "поворот"): очевидно, такое название объясняется структурой реки, которая течёт местами по узкой лесистой долине, а местами по каменистому руслу и имеет на своём пути много каскадов и ванн, которые как бы «перекручивают» водный «пояс».

Оронимимы – это наименования различных форм рельефа [Подольская, 1978, 105].

Для анализа нами были отобраны 362 топонима Северного Причерноморья, называющие различные формы рельефа и местности.

Анализ оронимов позволяет говорить о специфике используемых тюркских компонентов, связанной со сложным характером рельефа данного региона. Большинство оронимов отражает такие количественными и качественные характеристики называемых объектов, как величина, глубина, удалённость от других объектов или соотношение с другими объектами, особенности рельефа, цвет почвы, камня и песка, характер растительности, особенности животного мира и др.

Интересно отметить, что тюркские компоненты в оронимах часто подвергаются метафоризации, которая может идти в разных направлениях. Так, например, по словарю Янко, *Ак-Кая* – это «вершина Крымских гір неподалік від м. Білогірськ. Назва від татарського "скеля"» [Янко, 1998, 22]. Нам в данном случае ближе номинация по сторонам света: *ак* как указание на направление, т.е. «западная вершина», тем более что выступающие и хорошо просматриваемые скалы являются хорошим ориентиром для проживающих. Это положение подтверждается и анализом других номинаций. *Карадаг* – горный массив и вершина, где компонент *кара* визуализирует характеристики всего объекта (горный массив черного цвета) и выделяет при этом его северную часть (северная скала). См. по словарю Янко: «*Карадаг* – 1) гірський масив на Кримському п-ові між Коктебельською і Щербетівською долинами; 2) вершина в Кримських горах. Назви з тюркського «чорний, темний, похмурий» (дана за виходи чорних вулканічних порід) і «гора». Дослівно: «Похмура гора» [Янко, 1998, 147].

Метафоризация может идти в сторону смещения признака «притяжательный → качественный» или «относительный → качественный». Например, компонент *бал* в номинации *Бал-Кая* даёт метафорический перенос «продукт – запах». По словарю Янко, «*Бал-Кая* – вершина Крымских гір, що підноситься над р. Ангара. Назва від татарського «мед» і «гора»: «Медова гора». Названо вершину так тому, що колись тут водились дикі бджоли, які жили в пустотах гір. Меду було так багато, що місцями він витікав назовні» [Янко, 1998, 31]. Однако позднее название топонима стало

ассоциироваться с запахом медоносов, произрастающих в долине, и границы номинации несколько расширились. На этом основании образуются многочисленные тождественные топонимы во многих тюркоязычных регионах. Ср.: *Balkaya Köyü* (село около г. Чорум, Турция), *Balkaya Tepesi* (холм около г. Гюмюшхане, Турция).

Метафоризация на основе сходства объектов также довольно распространена в регионе. См.: «*Еклизі-Бурун* – вершина Крымських гір. Розташована на масиві Чатир-Даг. Назва грецького походження через татарське "церква", "мис, гора". Дослівно: "Гора-церква" або "Церковна гора". Назва дана за конфігурацію, схожу на баню церкви» [Янко, 1998, 118]. Также формирование метафорического значения можно видеть в орониме *Кильсечек* (*кильсе* – церковь), который даёт метафорический перенос «относительный → качественный». См.: «Харанлих-Коба – пещера в Крымських горах з найбільшою в Криму підземною галереєю Кильсечек "церківця". Назва з татарського "темна", "пещера" [Янко, 1998]. В данном случае, по нашему мнению, тюрк. *харан* "мишень, наблюдаемое место" трансформируется в «сакральное» – *Харанлих-Коба* – "почитаемое место, священное место", а затем, после утраты семы «сакральности», просто в "темное место", "тёмная пещера".

Оронимия урумско-русско-украинской зоны Северного Причерноморья имеет собственную специфику. В результате адаптации крымских топонимов к новым условиям значительное распространение здесь получают модифицированные глагольные формы и имплицитно описательный компонент оронима. См., например, многочисленные названия балок: *Адамán Чалгán Тарамá*, *Горгóр Ольгén* (*Горгорольген*), *Сульмén Ольгén* (*Сульмэнольгэн*) и др. (этимология описана выше). Е.С. Отин также приводит в сравнение конструкцию в топонимии Крыма: озеро *Илькен-Коль* (возле Феодосийского залива).

То же можно наблюдать и в названиях холмов и возвышенностей: *Ат Чапхán Обá* (усечённый вариант – *Ачапán*) – урумский топонимический изафет, где мотивирующим компонентом выступает словосочетание *ат чапхан*, в котором *ат* "лошадь" и *чапхан* – форма действительного причастия прошедшего

времени глагольной основы *сар-* I "хлестать, стегать; скакать", т.е. "лошадь скакала".

Интересны случаи, когда в результате взаимодействия языков, мотивирующий славянский компонент вытесняет тюркский географический термин. Такова, например, история топонима *Заут*, см.: *Заут Йол* – «дорога, ведущая из посёлка Старобешево в Донецк. В речи старшего поколения тюркоязычных греков, жителей посёлка. Старое (буквальное) значение "заводская дорога" (урумск. *йол* "дорога"), *заут* "завод"» [Отин, 2014, 67].

Таким образом, при номинации оронимов на территории Северного Причерноморья ведущим принципом, по нашему мнению, является номинация по характеру рельефа и местности. Это объясняется географическими и геологическими особенностями данного региона. Достаточно последовательно реализуется и принцип номинации по сравнению с другими предметами и явлениями, который даёт достаточный простор для проявления лингвистической фантазии носителя языка. См., например, название плато *Айлянчик-Кая/Айлянма-Кая*, где возможны толкования от: 1) кр.-тат. *aylançiq* "извилистый"; 2) кр.-тат. *aylanma* "поворот, объезд; водоворот"; возможно, по характеру реки в этом месте, или по крутому завороту скальных обрывов; *Трана/Тропан-Тене* (крутая гора, на её выступе сквозное отверстие, от кр.-тат. *trapon* "виноградная давильня, выбитая в камне; пресс", похожее углубление естественного происхождения есть на вершине). Наименее представлен принцип номинации по историческим фактам, что объясняется, очевидно, «чужеродностью» многих официальных исторических событий. См., например: *Катран-Яккан-Тене* (островерхая скалистая гора, кр.-тат. *qatran*, тур. *katran*, ног. *qatiran* "смола, деготь", ср. перс. *ğätran* "жидкая смола; деготь" и кр.-тат., ног., др.-тюрк. *yaq-*, тур. *yak-* "курить, сжигать"; *катран яккан* "горящая смола" (или деготь), на этой вершине в честь приезда Екатерины Второй в Карасубазар (теперь Белогорск) жгли бочки со смолой). А вот факты, связанные с жизнью и хозяйственной деятельностью самих тюркских народов, в топонимии региона отражены достаточно активно. См., например: *Талака-Баур/Талакан* (каменистый гребень, от кр.-тат., ног. *talaqa* "коллективная помощь

при уборке урожая или при строительстве дома"), *Ханаклы-Таш* (гора, от ног., др.-тюрк. *qabaq II* "крышка", "горный проход", кр.-тат. *qaraq*, тур. *karak* "крышка, дверца" и кр.-тат., др.-тюрк. *taş* "камень, каменный", возможно, имеются в виду покровные плиты таврских погребальных каменных ящиков на этой горе).

В некоторых случаях наблюдается номинация по принадлежности. См., например: *Ханлык Ашлама* (возвышенность, от кр.-тат., тур. *aşlama*, тур. диал. *aşılama* "саженец, привитая культура", и кр.-тат. *xanlıq*, тур. *hanlık* ханство "место, принадлежащее хану"), *Султан-Даг* (всхолмленное плоскогорье, огуз. *dağ* "гора, горный лес"), *Джады-Кая* (лесистая гора, возможно, от монг. этнонима *Cadra* (пл. *джадаран*) или от кр.-тат., тур. *cadı*, ср. тур. диал. *cadu* "ведьма, колдунья", кирг. *cadı ~ cadu* "мания, волшебство" < перс. *cadu* "чары" и кр.-тат., ног., др.-тюрк. *qaya*, тур. *kaşa* "скала"), *Измаил-Кая/Смаил-Кая* (гора, *Измаил/Смаил* антр.), *Шан-Кая/Ишан-Кая* (возвышенность, тат. *ишан*, чаг. *işan*, узб. *Эшон* – духовное звание, титул у мусульман).

Встречаются и случаи абсолютного калькирования: *Адалары/Ай-Долары* (острова, от кр.-тат, тур., др.-тюрк. *ada*; ср. ног. *aral* "остров"), *Ак-Кая/Белая скала* (от кр.-тат., тур. *ak* "белый" и *qaya/kaşa* "скала"), *Аю-Даг/Аджу-Даг/Медведь-гора* (лесистая горбатая гора, от кр.-тат, ног. *ayuv*, тур. *ayı*, др.-тюрк. *adıǵ ~ adıǵ ~ ayıǵ* "медведь" и *dağ* "гора"), *Бака-Таш /Лягушка* (возвышенность, от кр.-тат. *baqa*, тур. *bağa* "лягушка, черепаха" и *taş* "камень, каменный"), *Бал-Кая/Медовая скала* (холм, от кр.-тат, ног., тур., др.-тюрк. *bal* "мёд" и *qaya/kaşa* "скала"), *Барлакош* (безлесное урочище, от кр.-тат. *barlaq* "луг" и кр.-тат., др.-тюрк. *köç-*, ног. *köş-*, тур. *göç-* "переезжать, кочевать"), *Бедене-Кыр/Перепелиная гора* (возвышенность, от кр.-тат., ног. *bödene*, х.-монг. *бүднэ* "перепел" и кр.-тат. *qır*, тур. *kır* "холм, возвышенность; поле, степь, равнина, луг", ног. *qır* "степь, поле", др.-тюрк. "плоскогорье"), *Топсюс-Хосар* (в народной этимологии – *Бездонный колодец*, карстовая шахта, от кр.-тат. *xasar* "шахта" и *тюпсыз* – огуз. *dür/dip* "дно" (кыпч. *tüp*) + *-siz* (*-siz*, *-suz*, *-süz*) "без", с соответствующим сингармонизмом, "не имеющий дна"), *Бинбаш-Коба/Канлы/Тысячеголовая пещера* (карстовая полость с

низким ходом, ведущим в единственный зал, раньше украшенный сталактитами; здесь было святилище, затем могильник, номинация возможна по: 1) ср. тур. *bin baş* "тысяча голов" (в значении "черепов") – в зале обнаружено множество человеческих костей; 2) от кр.-тат., ног. *qanlı*, тур. *kanlı* "окровавленный, кровавый, в крови", по легенде, останки принадлежат людям, погибшим во время вражеского нашествия; 3) ср. родо-племенное название *канлы*; *Биюк-Бузлук/Бузлук-Коба/Большой Бузлук* (карстовая пещера, от кр.-тат, тур *büyük*, кр.-тат., ног. *biyik*, кр.-тат. *biyik*, др.-тюрк. *bedük* "большой" и кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. *buzluq* "ледник", кр.-тат. *qoba* "пещера").

Ойконимы – это класс географических номинаций, включающих в себя названия разного рода населённых пунктов. В формировании номинаций отражаются контакты – социальные, культурные, религиозные – между представителями различных наций и народностей, и их выражение в ойконимии позволяет говорить как об историко-географической, так и о лингвистической ценности ойконимического материала.

Семантика ойконимов довольно разнообразна и включает компоненты различных уровней. В основе многих из них лежат такие признаки, как размер, высота, местонахождение, время возникновения, степень удалённости и освоенности объекта, поэтому исследователи подчёркивают их «стратовый» характер. Это обосновывается в работах Э.М. Мурзаева [Мурзаев, 1962, 123] и, вслед за ним, В.А. Бушакова [Бушаков, 1991].

Семантика многих ойконимов содержит цветовой компонент. Некоторые из признаков являются «мигрирующими». Например, *Кара-Коба* – распространённый топоним окрестностей Севастополя. Это, во-первых, пещера *Кара-Коба*: от кр.-тат., ног., др.-тюрк. *qara*, тур. *kara* "чёрный, тёмный, мрачный" и кр.-тат. *qoba* "пещера", тюрк., «чёрная, мрачная пещера». Чёрная пещера находится в южном обрыве горной гряды, к востоку от горы с аналогичным названием – *Кара-Коба*. Скалы в этом месте также носят название *Кара-Коба*. Долина, идущая к востоку от горы *Кара-Коба* и к югу от скал, называется

долиной *Кара-Коба* (*Каракобинская долина*). И в этой долине находится селение *Кара-Коба*.

Особое место в системе ойконимии Крыма занимают номинации с компонентом «жилище». Это: *сарай* "дворец" (*Кюй Сараймен, Ак-сарай, Султан Сарай, Сарай Кесек*); *авул* "аул" (*Беш Аул, Хаз Аул*); *кой, сала* (славянизм в тюркских языках) и *эль/эли* "деревня, село" (*Кой Эли; Алда Эли, Кучук Эли, Барак Эли, Хан Эли, Шейхели; Бия-Сала, Ени-Сала, Кучук-Сала, Мачик-Сала, Рамазан-Сала, Султан-Сала, Суук-Салы, Улу-Сала, Фоти-Сала, Ходжа-Сала* (или *Бугаз-Сала*), *Эмир-Сала*); *джайлакъ* и *яйлав* "летовка" (*Яйлав Сарай*); *отар* "хутор" (*Отарджик, Отар Гамбар, Отар Ток Задин, Фондыклы Отар, Отар Дужик, Отар Карджав*); *юрт* "дом, селение" (*Эски Юрт, Юртчу Хаджы*); *къале* (рум.), *къастель* и *кермен* "крепость" (*Эски Кермен, Тепе-Кермен, Кыз-Кермен*); *орду* "армия" (*Эски Орду, Эски Орду Таржак*); *мечет/месчит* "мечеть" (*Казыл Мечет, Джума Мечет, Ак-Мечет и Ак-Месчит*); *текке/теккие* "обитель дервишей" (*Тюкей Эли*).

В основе значительной части ойконимов лежит так называемый социальный термин: *гаджы/хаджы/аджи* "паломник-мусульманин" (*Гаджи киой, Гаджи Эли, Мусагаджи, Кадыр-Аджи, Аджи-Кал*); *бай/бей* "крупный землевладелец или скотовладелец" (*Бай Бере, Моголбай, Карабай, Гаджи Бай, Исабай, Мусабей*); *гази* "мусульманин, сражающийся с неверными", араб. (*Газилер*, ср.: *Мечеть Эртугрул Гази*); *кул* "невольник, слуга" (*Кул Мегмедели, Кул Чора*); *молла/мулла* "мусульманский священник" (*Молла Эли, Гаджи Мула*); *мирза/мырза/мурза* "глава рода; господин" (*Мурзалар Битак, Харатук Гусеин Мурза, Мурза-кюй*); *султан/селтан* "титул монарха; лицо, носящее этот титул" (*Султан Сарай, Султан-Сала, Султан Бочала, Султан Али, Селтан Базар*); *тархан* "феодал; вотчинник, свободный от налогов" (*Тархан-Сунак и Тархан Сонак, Учкую Тархан*, ср.: *Ас-Тархан*); *ходжа/годжа* "хозяин" (*Ходжа-Сала, Урус Ходжа*); *шейх* "представитель высшего мусульманского духовенства; богослов и правовед"; в араб. странах: "глава рода, старейшина общины" (*Шейх-киой, Ак Шейх и Акшейх, Шейх Эли и Шейхели, Шейх-джелар*); *эмир* "мусульманский правитель,

равнозначный князю" (*Эмир-Сала*); *эфенди/эфендий* "господин", обращение в Турции (*Эфендий-киой, Шукурла-Эфенди*).

Некоторые ойконимы Крыма мотивируются антропонимами, среди которых представлены в основном личные имена людей (*Хадыр Ага, Умер Ага, Газы Ага, Бекир Ага, Зал Ага, Агмет Ага, Мустафа Ага, Хасан-Хаджи*) и родовые имена (*Харатук Темир Ага*). Иные антропонимы – прозвища, клички, псевдонимы, криптонимы (скрываемые имена) – в качестве базы тюркских ойконимов обнаруживаются редко.

Отдельные композитные ойконимы содержат в своей семантике компонент национальный или родо-племенной: *Татар-Кой и Татар-киой, Татар-Джолман и Татар-джолман, Татар Кесек, Татар Осман, Татар-Осмен-Кой, Казаклар* (ср. в Турции *Эски Казаклар*, в Татарстане *Верхний и Нижний Казаклар*), *Чегень-Юрт* (кр.-тат. *чингене* "цыган"). В работе В.А. Бушакова мы встречаем следующее утверждение: «Названия многих крымских деревень, встречающиеся один-два раза и имеющие соответствия вне Крыма в тюркской этнонимии, происходят от патронимов, как и соответствующие им родоплеменные имена. Подобных ойконимов, имеющих параллели в этнонимии казахов, каракалпаков, кочевых узбеков и др. более двухсот...» [Бушаков, 1991, 86]. Многие из них представляют собой композиты или употребляются в качестве компонентов композитных ойконимов: *Алатай, Кокчегоз, Сарыбаши, Кодагай, Чайгоз, Эльток* и др. Анализ данных ойконимов позволяет сделать вывод об особенностях миграционных процессов, происходящих на территории Крыма, и составляющих топонимической системы региона.

Отдельно хочется сказать об ойконимии урумско-русско-украинской зоны Северного Причерноморья. Присваивая новым населённым пунктам старые крымские названия, приазовские греки-урумы всё-таки «приспосабливали» последние к изменившимся условиям жизни. Это приспособление нашло выражение как в семантике ойконимов, так и в их форме. Так, описательный (чаще – причастный) компонент топонима стал более выраженным, а структура усложнилась. См: *Адамán Чалгán* (*Каменки*) – старое название хутора, где

словоформа *чалган* – действительное причастие прошедшего времени от глагола *чалмах* "косить", а также другие топонимы с причастным компонентом *чалган*: *Папáс Чалгáн, Хованá Чалгáн* и т.д.

Однако наиболее частотными всё-таки являются случаи «присвоения» населённым пунктам тюркских географических терминов, впоследствии подверженных топонимизации. См., например: *Арым* – по тюркскому географическому термину *арым* "впадина, котловина"; *Бугас* – по термину *богаз, бугаз* "проход", "пролив", "ложбина", "перевал", "горное ущелье", в основе которого лежит омонимичный апеллятив со значением "горло"; *Ени-Сала, Буюк Енисала* (совр. Великая Новосёлка) – по термину *сала* "деревня, село". Особенно хорошо это заметно на примере сравнения тождественных топонимов Приазовья и Старого Крыма: *Султáн-Салá, Хаджý-Салá (Бугáз-Салá), Енý-Салá* (трижды) и др. «Ср. ещё названия других крымских сёл, населённых греками-тюркофонами, в бывшей Готской области: *Виý-Салá, Улú-Салá*» [Отин, 2014, 36].

Таким образом, тюркские ойконимы Северного Причерноморья многоплановы и многоаспектны; интерес представляет не только их возраст, но и языковое оформление, структура и семантика; это позволяет рассматривать их в качестве объекта самостоятельного изучения. В семантике многих композитных ойконимов отражается образ жизни, мышления, особенности культуры народов, создавших эти поселения. И, наконец, семантика крымских ойконимов является лингвистическим и культурологическим источником, позволяющим раскрыть многие аспекты взаимодействия неродственных языков (в частности, тюркских и славянских).

3. Параллельные наименования на территории Северного Причерноморья.

Параллельные наименования – это довольно интересный лингвистический феномен, которому по каким-то причинам не уделялось достаточного внимания исследователей. Турецкий ученый Мустафа Шенел пишет по этому поводу: «Ortak veya paralel coğrafi adlar çeşitli şekillerde oluşturulur. Türk Dünyasının tüm

arazi parçalarında aynı coğrafi adlarla karşılaşmak, bu halkların aynı soydan gelmeleri ve aynı adlandırma mantığını kullanmaları ile açıklanabilir. Bazen bir arazide aynı coğrafi adlarla karşılaşılabilir. Böyle adlara ortak veya paralel adlar denir. Bu benzer yer adları bazen aynı coğrafyada bazen de farklı coğrafyada görülebilir. Eğer aynı coğrafyada ise bu benzerlik ise buna yakın taşınmış, uzak coğrafyada ise uzak taşınmış yer adları diyebiliriz». (Общие, или параллельные, географические названия образуются разными способами. Наличие одинаковых топонимов на территории всего тюркского мира указывает на единые корни происхождения народов, а также общую логику в выборе географических названий. Иногда одинаковые топонимы встречаются в границах одного региона. Такие топонимы называют общими, или параллельными. Такие похожие названия местностей могут встречаться иногда в одном регионе, а иной раз в разных. В границах одной географической местности параллельные топонимы называются близкими, топонимы, находящиеся далеко друг от друга, – дальними) [Şenel, 2010, 1]. Как мы видим, в данном определении идентифицируются понятия «параллельный» и «тождественный», что нам кажется необходимым развести.

Под параллельными наименованиями мы понимаем существование двух (а иногда трёх, четырёх) номинаций одного географического объекта, относящимся к разным сферам общения; чаще это оппозиции «официальная речь – разговорная речь», «литературная речь – диалектная речь» и подобные. Наличие в языке параллельных наименований практически всегда связано с проблемой переименований, обусловленных какими-либо политическими факторами. В результате часто исследования, посвящённые смене названий улиц, городов и т.п., носят закрытый характер и не являются предметом общего обсуждения.

Среди немногочисленных работ подобного рода, написанных в русле исторического языкознания, можно выделить исследования Е.М. Поспелова [Поспелов, 1990, 54–73], Е.М. Ухмылиной [Ухмылина, 1973, 287–294], И.Н. Голубевой [Голубева, 1992, 66–69], Р.И. Кудряшовой [Кудряшова, 2002, 161–163].

Предметом нашего рассмотрения являются параллельные наименования территории Северного Причерноморья, в основном двух зон: Крыма и Приазовья,

поскольку эти области дают нам наибольшее количество гибридных топонимов, включающих тюркские и славянские компоненты.

Как мы уже отмечали выше, исторически Крым всегда был этнически пёстрым регионом. В древности и Средневековье его населяли многочисленные этносы (см. главу 1 исследования). На протяжении веков вновь приходившие в Крым народы ассимилировали живших здесь до их прихода или сами ассимилировались в их среде. В результате топонимические субстраты обнаруживают следы самых различных, иногда с трудом поддающихся идентификации языков.

Начиная с 1475 года, Крым, а точнее Крымское ханство, попадает в вассальную зависимость от Османской империи, в результате чего на его территории идёт активный процесс тюркинизации общества. Многие топонимы региона имеют отношение именно к этому периоду, что подтверждается также и материалом топонимических легенд Крыма.

После завоевания Крыма русскими в 1783 году и включения его в состав Российской империи начинается процесс миграции крымских татар в Османскую империю. Очевидно, это миграция не является добровольной. Для последовательной детюркизации региона начинает действовать программа поддержки переселенцев-нетюрок, количество которых планируется довести до одного миллиона. А.В. Бушаков, ссылаясь на мнение историка С.А. Секиринского, пишет: «На початку 1779 року Катерина II прийняла рішення про виселення з Криму кримських християн з тим, аби економічно послабити Кримське ханство, лишивши його значної частини ремісницького та землеробського населення, яке ще й мало послужитися колонізації завойованого Росією Північного Приазов'я, звільнивши при цьому кращі землі півострова для царської казни. Судячи з пільг, яких вимагали собі з російського уряду переселенці, переселення не було добровільним» [Бушаков, 2003, 52, со ссылкой на Секиринского, 1988, 87–89].

Также общеизвестен факт, что, выполняя политический заказ, губернатор Таврической губернии А.М. Бороздин переселяет в свои имения Кучук-Ламбат и

Саблы тысячу русских крепостных, подталкивая таким образом к эмиграции этническое население. Подобная политика не может не сказываться на топонимии региона: русское население приносит с собой русские названия либо ассимилирует в речи исторические тюркские и иные топонимы. В результате утраченными оказываются названия многих населённых пунктов и сами селения, особенно в районах неплодородных присивашских степей. Активная миграция происходит в период с 1805 по 1889 год, когда, согласно «Памятной книжке Таврической губернии за 1867 год», в уезде были покинуты жителями и опустели (стояли разорёнными) 278 деревень. Некоторые из них вскоре были возрождены новыми жителями и как действующие учтены в ревизии 1887 года. Активный приток жителей в данный регион связан с отменой крепостного права в России, когда начинается переселение крестьян на свободные земли. Большое количество новых поселений возникает и в период столыпинской реформы, хотя многие из них оказываются нежизнеспособными и быстро исчезают. Особенно большие утраты происходят во время революции и гражданской войны.

Период, связанный с Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением народного хозяйства, оказывается наиболее трагичным для топонимии Северного Причерноморья и, в большей степени, Крыма. Некоторые населённые пункты, особенно в послевоенный период, сливаются с соседними: иногда естественным путём, с более крупными, а иногда «волевым» решением, с целью создания крупных аграрных хозяйств. Официальное основание этих слияний – запустение одного или обоих сёл в результате войны либо депортации населявших их крымских татар, немцев, армян. В результате исчезают или видоизменяются этнические тюркские названия. См., например: с. *Партиза́нское* (до 1945 года *Саблы́, Сабла́*), р. *Саблы́нка*; с. *Тополевка* (до 1948 года *Топлы́*; укр. *Тополі́вка*, кр.-тат. *Toplu, Топлу*), с. *Кашта́новка* (до 1945 года *Тотма́н*; укр. *Каштані́вка*, кр.-тат. *Totman, Тотман*). Меняется и топонимическая картина региона в целом.

Причин этого явления несколько, и не все их можно назвать политическими. Нельзя не учитывать и фактор некоего «языкового неудобства»,

который неизбежно возникает при контакте новых поселенцев с иноязычным материалом, и желание властей предупредить потенциальные конфликты на межнациональной почве. А.В. Суперанская пишет по этому поводу: «Новое население не усваивало старых названий и не создавало новых, а прибыло одновременно с присвоением новых названий. В результате этого всего трудно говорить о системности новых названий Крыма, так как налицо не постепенное изменение единой системы, а резкое нарушение системности, получившееся в результате смены населения и массовых переименований» [Суперанская и др., 1995, I]. Так или иначе, результатом этой политики в топонимии стало нарушение сложившихся топонимических связей и утрата топонимической самобытности региона, или, говоря словами А.В. Суперанской, нарушение топонимической традиции, «определяющей устойчивость системы» [Суперанская и др., 1995, I].

В качестве языкового материала нами были взяты наименования, функционировавшие на территории Крыма до 1944 г., и параллельные наименования, введённые после принятия советским правительством ряда указов: Указа № 621/8 Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1944 года «О переименовании районов и районных центров Крымской АССР», Указа Президиума Верховного Совета РСФСР № №619/3 от 21 августа 1945 «О переименовании советов и населенных пунктов Крымской области» и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР № 745/3 от 18 мая 1948 года «О переименовании населенных пунктов Крымской области». Указом № 621/8 было переименовано 11 районов и 11 населенных пунктов из 26 райцентров, Указом № 619/3 – 327 сёл, Указом № 745/3 – 1062 населённых пункта. Общее количество проанализированного материала составило ок. 700 (точнее, 687) параллельных наименований, выборка производилась из русскоязычных и украиноязычных источников.

Главное, что сразу обращает внимание, это изменение принципов номинации географических объектов. При переименовании объектов ведущими принципами становятся: 1) звуковое сходство, 2) семантическое (семантико-

смысловое) сходство, 3) наделение объекта номинации новыми признаками, 4) произвольная номинация.

Принцип фонетического сходства реализуется в таких номинациях, как: *Ай-Василь* > *Василівка*, *Ай-Даниль* > *Данилівка*, *Барак-Елі* > *Бараки*, *Бій-Орлюк* (халх.-монг. **өрлөг** "маршал") > *Орлівка*, *Деніз-Байчи* (кр.-тат. **deñiz** "море") > *Денисівка*, *Кадим* > *Димівка*, *Кальки* > *Галкіне*, *Кангил* > *Глінка*, *Караба-Кукуш* > *Кукушкіне* (рус. **кукушка**), *Карасубаши* > *Карасівка*, *Киргиз-Казак* > *Козаче*, *Кучук-Бараиш* > *Баранівка* (рус. **барашек**, **баран**), *Маре* > *Мар`янівка*, *Мунус* (ср. кр.-тат. **müyüz pir**) > *Рогове*; *Насипкой* (**Nasip** – антр., кр.-тат. **köy** "село") > *Насипне*, *Нове Будке* > *Дубки*, *Ромаш-Елі* > *Романівка*, *Семен* ~ *Сеймен* > *Семенівка*, *Топли* > *Тополівка* (19 единиц) [выборка по словнику: Бушаков, 2003, 79–82]. По нашим подсчётам, принцип не является достаточно распространённым при образовании параллельных топонимов и используется в 2,4% случаев.

Принцип семантического (семантико-смыслового) сходства реализуется посредством калькирования (полного или частичного) тюркских топонимов, его можно наблюдать, например, в следующих случаях:

Адим-Чокрак (кр.-тат. **çoqraq** "источник") > *Истоки* (рус. **исток**), *Ак-Кая* "Белая скала" > *Біла Скеля*, *Аккоз* "Белоглазый" > *Білоглазове* (рус. **белоглазый**), *Акташ* "Белый камень" > *Білокам`янка*, *Ак-Чокрак* "Белый источник" > *Білий Источник* (рус. **источник**), *Алач* (этноним) > *Пістряве* (кр.-тат. **alaca** "пестрый"), *Алмачик* "Малая Альма" (кр.-тат. **alma** "яблоко") > *Яблукове*, *Алтинджа Верхня* > *Шестове* (рус. **шесть**, ср. кр.-тат. **altıncı** "шестой"), *Атеш* (кр.-тат. **ateş** "огонь, костер") > *Кострівка* (рус. **костёр**), *Ашага-Бешаран* (кр.-тат. **beş** "пять", **aran** "сарай") > *П`ятихлівне*;

Байсари (кр.-тат. **bay** "богатый") > *Богачівка* (рус. **богач**), *Баши* (кр.-тат. **baş** "голова") > *Голованівка*, *Бешаул* "П`ять аулів" > *П`ятисілля*, *Бешуй-Елі* (кр.-тат. **beş üy** "пять хат") > *П`ятихатка*, *Білий Кош* (кр.-тат. **qoş** "загон для овец") > *Білостадне*, *Біюк-Калач* (кр.-тат. **qalaç** от слав. *калач*) > *Калачі*, *Бурундук* (кр.-тат. **burunduq** "бурундук") > *Сулове* (рус. **суслик**), *Буюк-Ламбат* "Большой маяк" > *Малий Маяк*;

Великий Таракташ (кр.-тат. **taş** "камень") > *Камя`нка, Верхні Фундукли* (кр.-тат. **findıq** "фундук, лесной орех") > *Верхні Орішники, Нижні Фундукли* > *Нижні Орішники*;

Дерекой (кр.-тат. **dere** "ущелье") > *Ущельне, Джав-Тобе* "Масляный холм" > *Вулканівка, Джага-Шейх* (кр.-тат. **sağa** "берег") > *Холмове, Джайляв* "Летнее пастбище" > *Пасовищне*;

Ескі-Юрт (кр.-тат. **eski** "старый") > *Старе, Екі-Таш* (кр.-тат. **eki** "два", **taş** "камень") > *Двокам`янка; Єні-Кримчак* (кр.-тат. **yeñi** "новый") > *Новий Крим, Єні-Сала* "Новое село" > *Красноселівка, Єні-Сала* > *Новопілля*;

Казантіп (кр.-тат. **tüp** "мыс") > *Мисове, Камиш-Кура* (кр.-тат. **qamış** "камыш") > *Камишове, Карагач* (кр.-тат. **karaağaç** "вяз") > *Кизилівка, Каралар* (кр.-тат. **qara** "черный") > *Чорнушки, Карагаджи / Караджи / Караджа* (кр.-тат. **qaraca** "олень") > *Оленівка, Карачоль* (кр.-тат. **qara** "черный", **çöl** "степь") > *Чорнопілля, Картполу* (кр.-тат. **qart** "старый") > *Сніжне* (ср. кр.-тат. **qar** "снег"), *Каясти* (кр.-тат. **qay astı** "под скалою") > *Підгірне, Кизил-Коба* "Красная пещера" > *Краснопечерне* (рус. **красный**), *Кизил-Мечеть* > *Красенька, Кизилташ* "Красный камень" > *Краснокам`янка, Кизил-Чонрав* "Красный колодец" > *Красна Поляна, Кишлав* "Зимовище" > *Зимівка, Кічкіне* (кр.-тат. **kiçkine** "малый") > *Маленьке, Кокташ* "Синій камінь" > *Синьокам`янка, Коп-Такил* > *Коренкове* (ср. кр.-тат. **tamır** "корень"), *Кульчук* (**Qulçuq** – тюрк. родоплеменное название) > *Зольне* (кр.-тат. **kül** "пепел, зола"), *Новий Кульчук* > *Зольне* (кр.-тат. **kül** "зола, пепел"); *Куртлук* (кр.-тат. **qurt** "насекомое, паук") > *Пчолине* (рус. **пчела**, укр. **бджола**, ср. кр.-тат. **bal qurtı** "пчела"), *Кучук-Озенбаш* (кр.-тат. **özen başı** "верховье реки") > *Ключове* (рус. **ключ**), *Кучук-Узень* "Малая река" > *Малоріченське*;

Ново-Джанкой (кр.-тат. **can köy** "новое село") > *Новостепове*;

Отеш > *Вогневе* (ср. кр.-тат. **ateş** "огонь"); *Парнач* > *Ячмінне* (ср. кр.-тат. **arpaç** "ячень"); *Руський Карлав* (**Qarlav** – тюркское родоплеменное название) > *Сніжне* (ср. кр.-тат. **qar** "снег");

Сабанчи "Пахарь, хлебороб" > Пахарі (рус. пахарь), Сабак-Елі (кр.-тат. **sabah** "утро") > Зорька (рус. зорька), Салачик "Сельцо" > Старосілля, Саричокмак и Паша-Чокмак (кр.-тат. **çaqmaq** "кремень") > Кремнівка, Сеїт-Булат (кр.-тат. **bulat** "сталь") > Стальне, Субаши "Верховье" > Золотий Ключ (рус. ключ), Сююрташ "Острый камень" > Білокам`яне;

Табулди (**Tabuldi** "нашелся", от гл. **tapul/tabıl-** "быть найденным" – тюркский антропоним) > Найдьонівка, Тав-Бадрак (кр.-тат. **tav** "гора, лес") > Скелясте, Тав-Даїр > Лісносілля, Тавель "Горное (лесное) село" > Краснолісся, Тавель > Красносілля, Тавель > Лісносілля, Тау-Кипчак > Лісне, Ташкора "Черный камень" > Чернокам`янка (ср. кр.-тат. **taş** "камень", **qara** "черный"), Ташли-Яр "Каменистый яр" > Зелений Яр, Темір-Булат (кр.-тат. **temir** "железо") > Железнівка, Терен-Аїр (кр.-тат. **teren** "глубокий") > Глибоке, Тогаїли "С лугом" > Кормове, Токлук "Достаток" > Багатівка, Тюзлер "Равнины" > Високогірне, Тюп-Акчора (кр.-тат. **tüp** "мыс", второй компонент не участвует в номинации) > Мисове;

Узунлар – тюркское родо-племенное название (кр.-тат. **uzun** "длинный") > Просторне, Узун-Аяк "Долгоногий" – тюркское родо-племенное название > Широке, Урус-Коджа (кр.-тат. **urus** "русский") > Руське, Учкуй-Тархан (кр.-тат. **üç quу** "три колодца") > Колодязне;

Чаїри Мокрі (кр.-тат. **çayır** "луг") > Заливне, Чаїри Сухі > Сухолужжя, Черкез-Кермен (кр.-тат. **kermen** "крепость") > Кринке, Чиче (ср. кр.-тат. **çiçek** "цветок") > Цвіткове, Чокрак "Джерло" > Істочне (рус. источник), Чокрак > Родники (рус. родник), Чокрак Перший > Істочне, Чолпан (кр.-тат. **Çolpan** планета Венера; личное женское имя) > Звізда (рус. звезда), Чонграв (кр.-тат. **çoñrav** "глубокий колодец") > Колодязне, Карачоль "Черное поле" > Чернопілля, Чуйке (кр.-тат. **çavke** "галка") > Чайкине;

Юкари-Аїргуль (кр.-тат. **yuqarı** "верхний", второй компонент не участвует в номинации) > Гірне;

Якин-Байбуга (кр.-тат. **yaqın** "ближний", второй компонент не участвует в номинации) > Ближне, Якишбай (кр.-тат. **yaхsı** "хороший") > Хорошове, Яшпек

(ср. кр.-тат. **yaş** "молодой", **pek** "очень") > *Внукове*. (92 единицы) [выборка по словнику: Бушаков, 2003, 79–82].

Переименование по данному принципу является довольно трудоёмким процессом, поскольку требует включения в комиссию по переименованию большого количества специалистов – лингвистов, историков, этнографов, проведения дискуссий и круглых столов в научной среде, чего в большинстве случаев не происходит (и тем более не происходило в Северном Причерноморье в рассматриваемый период). Отсутствие системного подхода обнаруживается, например, при сопоставлении переименований смежных топонимов, например: *Буюк-Ламбат* "Большой маяк" > *Малый Маяк*, но *Кучук-Ламбат* "Малый маяк" > *Кипарисне*. Очевидно, поэтому калькирование обнаружено нами только в 11,5% топонимов.

В некоторых (0,6%) случаях в составных топонимах наблюдается усечение раннего тюркского компонента и фиксация в качестве нового названия более позднего, славянского: *Ближня Байбуга* > *Ближне*, *Верхній Керменчік* > *Високе*, *Верхньо-Кочугень* > *Високе*; *Шірін-Слов`янський* > *Слов`янське*, *Шубине-Байгоджа* > *Шубине* (5 единиц).

Новые характеристики объекта (качественные, количественные, характеристики объекта по времени возникновения, принадлежности и пр.) воплощаются в многочисленных номинация типа *Ароматное*, *Цветочное*, *Лечебное* и т.д., которые, однако, не имеют никакого отношения к прежним тюркским названиям. Эти номинации оказалось возможным классифицировать следующим образом: 1) ойконимы, связанные с топографией полуострова, характером земель, погодой, наличием водных объектов и расположением населенных пунктов: *Белогорск*, *Богатая Ущелина*, *Ветровка*, *Высокогорное*, *Глубокое*, *Глубокий Яр*, *Далёкое*, *Дальнее*, *Заречное*, *Многоводное*, *Морское*, *Овражки*, *Озерки*, *Черноземное* и т.п. (192 единицы – 24,4%); 2) ойконимы, образованные от названий деревьев и кустарников, произрастающих на территориях: *Абрикосовое*, *Айвовое*, *Березовка*, *Вишняковка*, *Земляничное*, *Кизиловое*, *Кипарисное*, *Ореховое*, *Сосновый Бор*, *Тополевка* и др. (42 единицы – 5,3%); 3) ойконимы,

связанные с названием птиц, возможно, встречающихся в местностях: *Дрофино, Дяиловка, Журавли, Кречетово, Куликовка, Орлиное, Соколиное, Соловьевка, Стрепетово, Чайкино, Утино* и т.д. (27 единиц – 3,4%); 4) ойконимы – названия центров областей и районов, из которых прибыли переселенцы: *Ельня, Курское, Луганское, Львовское, Муромское, Полтавка, Тамбовка* и т.д. (10 единиц – 1,3%) [выборка по словнику: Бушаков, 2003, 79–82].

Принцип номинации по новому признаку оказался ведущим в новой крымской топонимии: согласно ему было названо 34,4% населённых пунктов.

В некоторых случаях делались попытки объединить характеристики с семантикой тюркских топонимов, но эти попытки, по нашему мнению, не были удачными. Так, в следующих топонимах смысловые ассоциации присутствуют, но обнаружить их довольно трудно:

с. *Водопойное (Керлеут)* – тюрк. **Kerleut** – этн., родо-племенное название, в народной этимологии от кр.-тат. **kir** "грязь, грязный"; рядом расположено озеро с лечебной грязью;

с. *Внуково (Яшпек)* – кр.-тат. **yaş** "молодой", **bek** в значении "человек";

с. *Далёкое (Чеголтай Татарский)* – кр.-тат., кирг. **çaqıl** "песок", "гравий, щебёнка". Вероятно, здесь добывали щебень для строительных работ. Село одно из самых отдалённых от райцентра. Большую часть населения составляли татары;

с. *Знаменское (Чергер-Аджи)* – кр.-тат. **smor / sñır** "граница, раздел", возможно, от тюрк. **çegir** – этн., родо-племенное название; **acı** "ходжа, человек, посетивший Мекку";

с. *Кузнецкое (Чегелек)* – кр.-тат. **çegelek** "место для разведения огня", "кузница";

с. *Марьино (Джан-баба)* – кр.-тат. **can** "душа", **baba** "отец";

с. *Северное (Чеголтай Немецкий)* – кр.-тат., кирг. **çaqıl** "песок", "гравий, щебёнка". Второй компонент указывает на то, что значительную часть населения в XVIII–XIX вв. составляли немцы.

Такое «скрытое калькирование» нам удалось обнаружить в 3% переименованных крымских топонимов.

Произвольные номинации типа *Николаевка, Новониколаевка, Ивановка, Новоивановка, Семеновка, Владимировка, Петровка*, а также *Овощное, Огородное, Сенокосное, Выпасное, Пшеничное, Зерновое, Молочное, Садовое* и подобные не могут быть объяснены с лингвистических позиций, поскольку, по мнению многих исследователей Крыма, являются результатом хаотических действий и субъективизма властных структур. Однако нельзя не согласиться с мнением Е.М. Поспелова и затем В.А. Бушакова, которые сделали попытку классифицировать произвольные номинации и выделили следующие типы ойконимов: 1) ойконимы «с позитивным значением»: *Алмазное, Благодатное, Богатое, Братское, Вишнёвое, Вишнёвка, Дивное, Доброе, Звёздное, Раздольное, Уютное* и др. (155 единиц, включая тождественные, – 19,7%); 2) ойконимы, имеющие отношение к различным сферам народного хозяйства: *Аграрное, Гончарное, Известковое, Каменоломня, Кирпичное, Колхозное, Кормовое, Кукурузное, Мельничное, Пасечное, Рыбачье* и т.д. (97 единиц – 12,3%); 3) ойконимы с военной семантикой: *Армейское, Батальонное, Генеральское, Дозорное, Защитное, Красногвардейское, Краснофлотское, Партизанское* и т.п. (38 единиц – 4,8%); 4) мемориальные ойконимы: *Багратионово, Верхняя Кутузовка, Кировское, Ленинское, Некрасово, Октябрьское, Осипенко, Пушкино, Рылеево, Фрунзовка* и др. (110 единиц – 14%). Но, к сожалению, все эти номинации не имеют отношения к прежней тюркской топонимии. См., например:

с. *Артёмовка (Токи)* – кр.-тат. **teke** "козёл", **toka** "бляха на ремне", возможная номинация по профессии, роду деятельности: когда-то в селе жил мастер, изготавливающий бляхи на кожаные ремни;

с. *Владимировка (Бай Кыят)* – кр.-тат. **bay** "богатый", **Qıyat** – этн., родо-племенное название;

с. *Громово (Кытчак)* – кр.-тат. **Qırçaq** – этн., название одного из семи родов тюрков;

с. *Задорное (Чонгурчи)* – кр.-тат. **çonğurçı**, от тур. **yongar** "струнный музыкальный инструмент". Здесь мог жить человек, занимающийся изготовлением таких музыкальных инструментов.

- с. *Зайцево (Муссали)* – кр.-тат., тюрк. антр. **Musa** – личное мужское имя;
- с. *Красносельское (Кунан)* – кр.-тат. **qunan** "двух-трёхлетний жеребёнок";
- с. *Ленское (Дорт-Сакал)* – кр.-тат. **dört** "четыре", **saqal** "борода";
- с. *Озеровка (Теркелы-Асс)* – кр.-тат. **tirek** "столб, опора", **acc** – возможно, от **avuz /ağız** – в топонимии "устье, ущелье";
- с. *Окунёвка (Тарпанчи)* – кр.-тат. **tarpan** "дикая лошадь"; **tarpançı** "ловец тарпанов";
- с. *Новоульяновка (Отарчик)* – кр.-тат. **Otar** – личное мужское имя; **otar** "пастбище", "гурт овец, отара", "хутор";
- с. *Медведево (Табуды-Асс)* – кр.-тат. антр. **Tabuldi**, от глаг. **tapul/tabil-** "быть найденным", **acc** – возможно, от **avuz /ağız** – в топонимии "устье, ущелье". Село Медведево расположено в устье озера Донузлав. Старое название – *Табуды-Султан-Эли*. Возможно также этнонимное образование: *ac* "аланы";
- с. *Оленевка (Караджа)* – кр.-тат. **qaraca** "олень", "косуля", тур. **karaca** "смуглый", по данным письменных источников, некоторые территории, называемые «караджие», предоставлялись в пользование немусульманам, очевидно, в данном случае это отанималистический этноним, поэтому нецелесообразно считать его калькой и относить к первой группе;
- с. *Хмелево (Садыр-Богай)* – кр.-тат. **Sadir** – личное мужское имя; **buğa/boğa** "самец оленя", "бык", "бугай" (перен.).

Данный принцип номинации использовался при переименовании 50,8% крымских населённых пунктов.

Общая картина реализации новых принципов номинации в топонимии Крыма представлена в таблице 1.

Таблица 1

№	Основание номинации	Количество топонимов (ед.)	Количество топонимов (%)
1.	Номинация по звуковому сходству	19	2,4%
2.	Номинация по смысловому сходству	97	11,2%
3.	Номинация по новому признаку	171	34,4%

4.	Произвольная номинация	400	50,9%
	Всего топонимов	687	

Следует также отметить, что процесс объединения сёл не был быстрым, в некоторых случаях он занимал более десяти лет, и всё это время в речи жителей параллельно употреблялись оба названия: старое и новое, причём старое – значительно активнее. Значит, говорить об экспансивном воздействии на население, очевидно, нельзя. Процесс всё-таки старались приблизить к естественному.

Во-вторых, многие из рассмотренных сёл переименовывались дважды: первичное тюркское название было заменено на русское, и русское на другое русское. Очевидно, за этим стоят миграционные процессы: после эмиграции крымскотатарского населения населённые пункты были заняты русскими, но в дальнейшем по разным причинам остались без жителей и были присоединены к более крупным соседним поселениям.

В-третьих, в случае замены 100% тюркских топонимов были заменены русскими наименованиями. Причин этого может быть две: наличие среди проживающих русского большинства или «волевое решение» советского руководства, проводящего определённую политическую линию. Последние подтверждается и мнением Е.М. Поспелова, который считает, что «процесс переименования мотивирован стремлением заменить название, связанное с прежними реалиями, на новое, отражающее идеологические стереотипы» [Поспелов, 1990, 54].

В качестве примера функционирования параллельных наименований приведём фрагмент библиографической справки одного из населённых пунктов Крыма.

Кондратьево

Село (центр сельского совета) расположено в 16 км от Джанкоя, недалеко от трассы Харьков – Симферополь. Население 1051 человек, дворов – 357. Сельскому совету подчинены населённые пункты:

- с. Кондратьево (Ак-Сюру-Конрат)
- п. Дорожное (н.п. разъезда 10-го км.)
- с. Рубиновка (Бекказы)
- с. Советское (Найман)

В ведомости «Камеральное описание Крыма 1784 года» обозначены деревня Аксеру Койрат Орта Чонгарского кадылыка и две деревни с названием Найман Насывского кадылыка Перекопского каймаканства. Ведомость 1829 года относит деревни Бийгазы и Найман к Башкирицкой волости, а Аксеру Конрат – к Кочкорокиятской волости Перекопского уезда. В списке населенных пунктов Таврической губернии 1865 года указаны татарские деревни при колодцах Ак-Сюру-Конрат, Найман (Мишель – Найман) по левую сторону большой проселочной дороги из Перекопа в Феодосию и деревенское владение татар при колодцах Бийгазы между этой дорогой и берегом Сиваша. Статистический справочник Таврической губернии 1915 года содержит сведения о том, что в составе Тотанайской волости Перекопского уезда находились 3 деревни Аксеру-Конрат: немцев, русских и вакуфов; деревни Бекказы (Гебрун) и Найман (Гохгейма).

В январе 1918 была установлена Советская власть и образован Немецко-Джанкойский сельский совет, в подчинение которого вошли 3 села Аксеру-Конрат, Бекказы (Гебрун), а село Найман отошло к Мешеньскому сельскому совету Джанкойского района.

Кондратьевский сельский совет был образован в 1978 г., выделившись из состава Рошинского сельского совета, который, в свою очередь, был образован из Ближнегородского сельского совета, переименованного из Немецко-Джанкойского после 1926 года.

Как мы видим, новые топонимы не являются кальками тюркских названий. Топоним *Ак-Сюру-Конрат* (от тюрк. *акъ сюрю* "белое стадо", *конрат* – родоплеменное название) заменён на *Кондратьево*, скорее, по принципу фонетической аналогии (ср. тюрк. *Конрат* и русск. *Кондрат*). Топоним *Бекказы* заменён на *Рубиновка* по принципу «позитивного значения» (ср.. кр.-тат., *ğazi*,

тур. *gazi* "гази", "борец за веру" (за ислам), "победитель неверных" – с. *Айдар-Гази, Бей-Гази*»).

Топоним *Найман* заменён на *Советское*, очевидно, вообще по личным предпочтениям руководителей местной администрации. (*Найман* – от тюрк. родо-племенного названия, см.: «В золотоординську епоху в Криму оселилися тюрко-монгольські племена і роди, імена котрих зберігалися в назвах сіл північного передгір'я і гірських долин: *Байдар, Албат, Актаци, Бадрак, Кояш, Карач, Курчи, Даір, Бітак, Вейрат, Калмук-Кари, Найман, Аргин, Конрат, Баксан, Тайган, Тама, Уйшун* та інші»).) [Бушаков, 2003, 20]. Оправданным в данном случае следует считать только выбор топонима *Дорожное*. Но здесь речь идёт, видимо, всё-таки о наименовании, а не о переименовании, поскольку сочетание «н.п. разъезда 10-го км» трудно вообще назвать топонимом.

Однако необходимость в новой номинации данных поселений, видимо, всё-таки была, поскольку из записки следует, что на данной территории проживали не только татары, но и «немцы, русские и вакуфы», и некоторые из деревень имели двойные наименования: *Бекказы (Гебрун)* и *Найман (Гохгейма)*. Это подчёркивается и названием сельского совета – *Немецко-Джанкойский сельский совет*, который претерпел двойное переименование: *Немецко-Джанкойский > Ближнегородский > Кондратьевский*. То есть, говорить о бессмысленности переименований на территории Крыма вообще, наверное, не совсем корректно.

Интересен и тот факт, что число ойконимов на территории Крыма практически не изменилось за последние 300 лет, несмотря на то, что, как мы указывали выше, люди уезжали с земель и многие деревни исчезали. По данным, которые были занесены в «Камеральное описание Крыма 1784 г.», в регионе «...и так известных примерно положенных кадылыков 42. В них деревень ... 1411 дер.». По переписи 2006 года, в Автономной Республике Крым существует 16 городов, 56 посёлков городского типа и 956 сёл. Очевидно, всё-таки шёл и активный обратный процесс: образование новых поселений и, соответственно, новых ойконимов. При этом исконных официальных названий в общем перечне осталось

не более 7%, в речи же жителей Крыма, по разным данным, функционирует от 20% до 80% старых наименований.

После распада Советского Союза, в начале 1990-ых годов, многие семьи крымских татар начали возвращаться на родину. И одним из их многочисленных требований, наряду с перераспределением земли, стало требование изменения текущих названий городов и сёл на оригинальные тюркские названия. Очевидно, сделать это не так просто, но в случае принятия российским правительством решения о переименовании, конечно, должны быть максимально учтены и привлечены данные современной топонимики, чтобы не повторилась описанная нами выше история послевоенных переименований в Крыму.

Сходные тенденции в плане образования параллельных наименований даёт и топонимия Приазовья. «В Северное Приазовье из Крыма были перенесены многие гибридные румейско-крымскотатарские и румейско-урумские топонимы, а также модели создания подобного рода гибридов» [Жарикова, 2011, 123, со ссылкой на Бушакова, 2003, 171].

Территория Приазовья, как отмечалось выше, осваивалась достаточно системно. Практически все основанные греками селения (24 единицы) получили перенесенные из Крыма названия. «Основателями селений могли быть выходцы как из одного, так и из нескольких селений. В первом случае проблемы выбора названия для переноса не существовало. Так возникли, например, названия *Бешев*, совр. *Старобешево*; *Каракуба*, совр. *Раздольное*. Во втором случае могло переноситься как одно, так и два названия. Зависело это от количества переселенцев из конкретных крымских сел. При заметном количественном перевесе выходцев из одного селения переносилось название именно этого селения. Подобная номинационная ситуация имела место при переносе крымских ойконимов *Ласпа*, *Керменчик*, *Карань*, *Гурзуф*, *Чердаклы*, *Старый Крым*, *Улаклы*. Если же такого количественного перевеса не наблюдалось, на приазовский населенный пункт могли переноситься два названия, при этом одно из них закреплялось как официальное, а второе – как неофициальное» [Жарикова, 2011, 123–124]. Так, селение *Янисоль*, совр. *Куйбышево* (Володарский район Донецкой

области), основали выходцы из крымских сел *Ени Сала*, *Ени Кой*, *Джемрек* и *Уйшун*. На него были перенесены два названия: *Ени Сала* (*Ени Сала* > *Янисоль* > *Малый Янисоль* > *Куйбышево*) и *Джемрек*; официальным стало позднее из них.

На селение *Янисоль*, совр. *Великая Новоселка* (Великоновоселовский район Донецкой области), также были перенесены два названия: *Салт Ени Сала* (*Салт Ени Сала* > *Ени Сала* > *Янисоль* > *Большой Янисоль* > *Великая Новоселка*) и *Салгир Ени Сала*. Первое стало основой для официального именованя, а второе – *Салгир Ени Сала* – употреблялось в разговорной речи. См. также: «*Константинополь* (Великоновоселовский район Донецкой области) – селение в момент его основания в 1779 г. имело два названия – *Фуна* и *Демерджи*. В этом случае двуименность была свойственна селению еще в Крыму (селение основали выходцы из крымских сел *Фуна* (*Демерджи*), *Алушта*, *Улунь-Узень*, *Кучук-Узень*, *Куру-Узень*)» [Жарикова, 2011, 124]. То есть в данном случае налицо факт параллельной номинации, формируемой по модели крымской, и «увеличение количества ойконимов по сравнению с количеством селений» [Жарикова, 2011, 124].

В формировании официальных названий можно наблюдать преобладание тех же принципов номинации, что и в рассмотренной нами выше крымской топонимии, однако динамика номинаций несколько отличается. Наибольшее количество номинаций Приазовья являются произвольными: *Большая Каракуба* > *Раздольное*; *Бугас* > *Максимовка*; *Мангуш* > *Першотравневе* (рус. *Первомайское*); *Византия* > *Ключевое*; *Старый Керменчик* > *Старомлиновка*; *Чермалык* > *Заможное*; *Чердаклы* > *Красновка*; *Мариуполь* > *Жданов*. Наделение объекта номинации новыми признаками обнаруживается в моделях типа: *Сартана* > *Приморское*; *Урзуф* > *Приморское*. К этой же группе могут быть отнесены и ойконимы, ставшие результатом структурно-словообразовательной перестройки исходных производящих ойконимов по восточнославянской модели и введения в их состав элементов *новый*, *ново-*, *старый*, *старо-*, *большой*, *больше-*: *Бешев*, *Бешево* > *Старобешево* < *Ново-Бешево*, *Новое Бешево*, *Новобешево*; *Ласпа* > *Староласпа*, *Старая Ласпа* < *Новоласпа*; *Карань* > *Старая Карань*, совр.

Гранитное (Тельмановский район Донецкой области) < *Новая Карань; Каракуба* > *Большекаракуба*, совр. *Раздольное* (Старобешевский район Донецкой области) < *Новая Каракуба*, совр. *Красная Поляна* (Великоновоселовский район Донецкой области); *Комар* > *Новый Комар; Керменчик* > *Малый Керменчик; Сартана* > *Новая Сартана*.

Опора на внутреннюю форму, семантическое (семантико-смысловое) сходство обнаружено нами только в одном случае: *Ени Сала* "новое село" > *Большой Янисоль* > *Великая / Большая Новоселка* (см. также: *Афины* > *Заря*). Также возможно выделение ложной кальки: *Карань* > *Старая Карань*, совр. *Гранитное* (Тельмановский район Донецкой области) < *Новая Карань* (*кермен* "крепость" и *кремень* "камень") [Отин, 2014, 38]. Номинаций на основании звукового сходства в параллельных топонимов урумско-русско-украинской зоны обнаружено не было.

Общая картина реализации принципов номинации в топонимии Приазовья представлена в таблице 2.

Таблица 2

№	Основание номинации	Количество топонимов (ед.)	Количество топонимов (%)
1.	Номинация по звуковому сходству	0	0%
2.	Номинация по смысловому сходству	2	9,5%
3.	Номинация по новому признаку	11	52,5%
4.	Произвольная номинация	8	38%
	Всего топонимов	21	

В современном Приазовье происходят процессы, во многом сходные с теми, которые были описаны выше. В соответствии с законами о декоммунизации до 21 ноября 2015 г. местные общины должны предоставить новые названия или вернуть исторические имена 66 населенным пунктам.

Анализ параллельных наименований на территории Северного Причерноморья позволил сделать следующие выводы:

1. Параллельные наименования представляют собой пары номинаций, созданных по принципу естественное / искусственное наименование. Первый компонент пары, как правило, более ранний. Второй возникает в более поздний период, иногда на основе топонима, созданного путём естественной номинации, иногда как результат субъективного воздействия. По мнению М.В. Голомидовой, «искусственная номинация есть целеполагающая выработка единиц лексического фонда языка, и потому она связана с творческим началом языковой личности, включённой в конкретный исторический и социальный континуум, приобщённый к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно заданное с субъективно значимым» [Голомидова, 1998, 5]. Очевидно, в соответствии с этим принципом происходило создание топонимов типа *Старое, Двухкаменка, Новый Крым, Красносёловка, Новополье*, заменивших естественные *Эски-Юрт, Эски-Таш, Ени-Крымчак, Ени-Сала*, но не отразивших ни семантику, ни морфологическую структуру прежних тюркских наименований.

2. Чаще всего искусственное наименование не может вытеснить наименование, образованное естественным путём. В результате некоторые номинации существуют параллельно: в разных формах речи, в разных социальных средах, в разных видах документов и иных источниках. Так, в переписке жителей Крыма, Приазовья, юга России (в том числе и электронной) до сих пор используются старые – этнические – названия объектов местности, тогда как официальные названия им тоже знакомы и употребляются в соответствующих ситуациях (см. материалы «Лингвофорум «Крым»¹).

3. Значения производящих слов естественных наименований со временем могут утрачиваться и не ощущаться в топонимах, однако иногда проявляются в новых, «искусственных» наименованиях, эксплицируя тем самым характер и принцип номинации. Например, *Кузнецкое (Чегелек)* – кр.-тат. **çegelek** "место для разведения огня", "кузница"

¹ Данные по: Лингвофорум Крым. Электронный ресурс: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=72272.0> (дата обращения: 15.05.2015)

4. Новые названия «неполитического» характера появляются в двух случаях. В первом – когда человек пытается экспрессивно выразить своё отношение к географическому объекту, и это самовыражение принимается окружающими. Например, номинации типа *Аюдаг*, *Бахчисарай*, *Крым* и подобные. И во втором – когда наименование по каким-либо причинам (этническим, физиологическим и т.п.) нуждается в упрощении. В этом случае происходит фонетическое, морфологическое и иное преобразование топонима и его ассимиляция в речи жителей. Например, *Ближняя Байбуга* → *Ближнее*, *Верхний Керменчик* → *Высокое*, *Верхний Кочугень* → *Высокое*; *Ширин Славянський* → *Славянское*, *Шубино-Байгоджа* → *Шубино*.

5. Смена географического имени не является чисто исторической или политической проблемой, это проблема психолого-лингвистического характера. Так, нельзя считать неправомерным замену труднопроизносимых названий в том случае, если смена населения всё-таки произошла и топонимы вызывают трудности в общении людей.

6. Анализ параллельных наименований способствует развитию представлений о системности топонимии, проявляющейся, с одной стороны, в особенностях спонтанно складывающейся топонимии, а с другой – в свойствах культурогенной топонимии, основанной на языковых, социальных, идеологических и культурных преференциях.

Выводы к главе II

1. Анализ собранного топонимического материала позволил выявить три основных принципа, лежащих в основе номинации географических объектов Северного Причерноморья: 1) номинация объекта по его свойствам и качествам; 2) номинация объекта по связи с человеком; 3) номинация объекта по связи с окружающими объектами. Эти принципы не реализуются последовательно в каждой из выделенных топонимических зон (тюркско-русской; крымскотатарско-русской; тюркско-украинской; урумско-русско-украинской). Конкретный

принцип выступает ведущим для топонимической зоны, определяя ее вид и характеристики.

2. Ведущим принципом для тюркско-русской и крымскотатарско-русской топонимических зон стала номинация объекта по свойствам и качествам, для тюркско-украинской топонимической зоны – номинация по связи с человеком, для урумско-русско-украинской зоны – принцип номинации объекта по связи с окружающими объектами.

3. Преобладание того или иного принципа в номинации географических объектов конкретной топонимической зоны (тюркско-русской; крымскотатарско-русской; тюркско-украинской; урумско-русско-украинской) связано со спецификой формирования качественных и количественных значений (процесс метафоризации, исторический переход качественных значений в количественные) в тюркских языках, с одной стороны, и более поздним влиянием фактора антропоцентричности, с другой. Это, по нашему мнению, отличает логику образования тюркской топонимии от логики образования топонимии славянских языков.

4. Указанные принципы номинации имеют разную активность и разную направленность при обозначении типов географических объектов (гидронимов, оронимов, ойконимов) в четырех обозначенных топонимических зонах Северного Причерноморья (тюркско-русской; крымскотатарско-русской; тюркско-украинской; урумско-русско-украинской). Выявление номинационной активности является важным для создания общей картины взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере топонимии рассматриваемого региона.

5. Особым типом топонимических реалий Северного Причерноморья являются параллельные наименования – пары номинаций, созданных по принципу естественное / искусственное наименование. Анализ параллельных наименований важен, поскольку способствует развитию представлений о системности топонимии и формированию целостной топонимической картины региона.

6. Реконструкция топонимов является достаточно сложной лингвистической, исторической и культурологической задачей, и её необходимо решать, привлекая все достижения современной науки.

Глава III. Типы и уровни межъязыкового взаимодействия в сфере топонимии.

1. Типы межъязыкового взаимодействия.

Проблемы межъязыкового взаимодействия рассматриваются учёными в русле сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. При этом межъязыковое взаимодействие всегда связано со взаимодействием межэтническим. Взаимодействие славянских и тюркских языков на протяжении всей истории было настолько продолжительным и интенсивным, что оставило глубокие следы во всех областях лексики этих языков, включая топонимику. «Черты влияния коренных народов на новых насельников могут прослеживаться в фенотипе людей, в материальной культуре, в фольклоре, в языке. Таким образом, в широком смысле топонимический субстрат может рассматриваться как один из возможных результатов ассимиляции одного народа другим, так как возникает на основе механизма межэтнического взаимодействия» [Калинина, 2009, 44–45].

Взаимодействие языков в сфере топонимики может быть различным (то есть следует говорить о типах межъязыковых контактов) и реализовываться на нескольких уровнях (лексико-семантическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, фонетическом).

В первую очередь специфика взаимодействия связана с характером миграционных процессов, происходящих на территории. «Пришлое население, вытесняющее или ассимилирующее коренное население, или осваивающее территории, ранее заселённые, осваивают не только территорию, но и географические названия», – пишет Е.Ф. Ковлакас [Ковлакас, 2009, 233–234]. Межъязыковое взаимодействие в ходе данного процесса может быть полным или частичным, прямым или косвенным.

При полном взаимодействии происходит абсолютное освоение топонима, то есть язык принимает семантику чужого слова и адаптирует инородную структуру в соответствии с собственными законами. В топониме выделяется иноязычный субстрат и формант языка-преемника. Например, река *Таш-елга* "каменная река", где идёт изменение по модели существительного женского рода; возвышенность *Акболчык* "белая глина", изменение в этом случае идёт по модели среднего рода – очевидно, прослеживается мотивация существительным среднего рода «место», «высокое место».

При частичном взаимодействии происходит семантическое освоение иноязычного топонима, но не происходит его грамматической ассимиляции в языке, и топонимический субстрат фактически представляет собой основу слова, форманты языка-преемника в этом случае отсутствуют. В результате получаются однословные несклоняемые топонимы и сложные топонимы, состоящие из двух или трёх слов. Так, многие названия географических мест Северного Причерноморья образованы с помощью компонентов тюркского происхождения и носят композитный характер: отдельные тюркские названия состоят из сочетания двух-трех слов, как, например, г. *Таш-Тау* "каменная гора", оз. *Ача-Куль* – "горькое / солёное озеро", р. *Таш-Бутак* "каменный сучок", р. *Кызыл-Чилик* "красный кустарник" (по берегам реки растёт красный кустарник), родн. *Ак-Чишма* "светлый / чистый родник", г. *Берлеген-Тау* "костяничная гора" (гора, где много костяники), г. *Янгыз-Каин* "гора с одинокой березой", г. *Карагай-Тау* "сосновая гора". Данные лексемы не изменяются в русском языке, то есть являются частично освоенными.

При прямом взаимодействии появление на определённых территориях иноязычных топонимов становится результатом их «административного» внедрения. (Примером может быть переименование населённых пунктов территории Крыма в 1944 году. См. параграф 3 главы 2 исследования.)

Нужно сказать, что заимствование имён в наши дни гораздо более упорядоченно, чем в прошлые века. В России (очевидно, и в других государствах) в настоящий момент именованье и переименование населённых пунктов

осуществляется лишь по решению специальной комиссии, действующей на законодательной основе. Как пишет А.В. Суперанская, входящая в состав этой комиссии, «другой причиной выработки второй (неполной) фонетической системы для заимствованных имён является статус русского языка как языка межнационального общения. Это наложило на него некоторые новые обязанности (язык юридических актов, что требует бережного отношения к именам других языков» [Суперанская, 1969, 135].

При косвенном (опосредованном) взаимодействии топоним образуется в результате длительного мирного параллельного сосуществования двух народов и становится результатом естественной коммуникации. Очевидно, примером опосредованного взаимодействия можно считать появление топонима *Карасёвка* (территория Крыма): р. *Карасёвка* (*Кара-Су*, тюрк. *кара* "чёрный", *су* "вода, река", "чёрная река"), река на основании фонетической аналогии стала называться *Карасёвкой*.

Различия в условиях развития славянских и тюркских языков и специфика контактов тех или иных славянских народов с тюркскими не могли не найти отражения в составе, функционировании, семантике, звуковом оформлении топонимов. Так, русскоязычное население, воспринимая тюркскую топонимическую систему (турецкую и татарскую), подвергало её определённой трансформации (фонетической, морфологической, семантической) в соответствии с законами собственного языка. То же происходило и при освоении местной топонимии греками-урумами. Поэтому мы можем говорить о взаимодействии языков на различных уровнях.

Результаты длительного и тесного контакта структурно разнотипных и генетически не родственных славянских и тюркских языков в сфере топонимии представляют значительный интерес с точки зрения языковой специфики их взаимодействия, поскольку данное взаимодействие уже выходит за пределы только лексики и проявляется на самых различных уровнях языковой системы.

2. Взаимодействие на фонетическом уровне.

На фонетическом уровне происходит частичное или полное приспособление заимствованных топонимов к фонетическим закономерностям принимающих языков. Данный аспект тесно связан с графическим аспектом освоения заимствований как разные стороны одного и того же процесса, при этом каждый из них имеет свои особые закономерности проявления, что обусловлено относительной самостоятельностью разных уровней языковой системы.

«То, какого рода трансформации происходят в топониме, определяется особенностями заимствующего языка и языка-источника, то есть, главным образом, системой звуковых соответствий контактирующих языков. Сходство фонетической системы определило возможности графической передачи названий буквами, обозначающими похожие звуки» [Пустяков, 2011, 35].

Очевидно, что система восприятия звуков различна для носителей славянских и тюркских языков. Об этом писал ещё Е.Д. Поливанов в статье «Субъективный характер звуков языка». По его мнению, субъективный характер восприятия звуков языка «зависит от комплекса языковых навыков, приобретенных каждым данным индивидуумом в процессе усвоения его материнского (родного) языка» [Поливанов, 1968, 246]. Таким образом, возникает расхождение «между чужезычным восприятием звукового комплекса и его составом» [Поливанов, 1968, 246].

Субъективный характер в понимании и усвоении того или иного звукосочетания проявляется в том, что любой человек склонен «... производить привычный для него анализ на свои элементарные фонологические представления (фонемы и т.п.) даже в отношении слышимых им слов (или фраз) чужого языка, т.е. языка с иной системой элементарных фонологических представлений» [Поливанов, 1968, 236].

Этот же принцип работает и при усвоении носителями языка инородных топонимических единиц. Например, из-за отсутствия в тюркских языках сочетаний согласных многие односложные слова русского языка воспринимаются тюрками как двусложные, в результате при произношении в слове появляется

дополнительный, не существующий звук, а на письме, соответственно – буква: р. *Стыл* > р. *Ыстыл* ~ *Истыл* (приток Канаки), *Ров* > р. *Иров* ~ *Уров* (тюркские протезы *i-* / *u-* / *ü-*). Возможен и обратный процесс: *Кырым* и *Крым*, *Арабат* и *Арбат*.

Сложность фонетико-графического анализа топонимических единиц в Северном Причерноморье в значительной степени связана со смешением, а в некоторых случаях наслоением тюркских языковых элементов внутри выделенных топонимических зон и адаптацией сформированных гибридных моделей в русском и украинском языках или в системе русско-украинского билингвизма. Очевидно, в этой связи можно говорить о тенденциях взаимодействия тюркских и восточнославянских элементов в каждой зоне и искать следы этих взаимодействий в фонетической структуре топонимических единиц.

В зависимости от наличия фонетических изменений в адаптированных топонимах их можно разделить на две группы: 1) топонимы, которые были адаптированы без изменения звукового облика (прямая адаптация); 2) топонимы, которые были адаптированы с изменением звукового облика:

К первой группе, очевидно, могут быть отнесены немногочисленные односложные и (реже) двусложные топонимы, содержащие гласные и согласные, тождественные в контактирующих языках. Так, в крымскотатарско-русской топонимической зоне прямой адаптацией, очевидно, можно считать топонимы типа *Илкы*, *Ташлы*, *Ак-Яр* и подобные.

К топонимам, которые были адаптированы с изменением звукового облика, можно, например, отнести: г. *Сипун-тепе* (*Сапун-гора*) от *сабун* "мыло", араб., "скользящая гора", или *сибу* "сыпать, рассыпать, посыпать" с общим значением "гора, рассыпающая камни"; п-ов *Чонгар*, *Чункара* – родо-племенное название; оз., бух. *Ярылгач* (*Джарылгач*), *йарылгаиш* "спасение, избавление", "победа, торжество".

Наиболее интересными являются топонимы второй группы, так как анализ данного материала позволяет выделить наиболее общие закономерности адаптации тюркских слов в иной языковой среде.

В некоторых случаях населённый пункт может иметь несколько вариантов наименований, включая фонетические и морфологические, возникших как результат межъязыкового взаимодействия.

Анализируя взаимодействие неродственных языков в сфере топонимии, нельзя не учитывать и тот факт, что топонимы являются порождением живой речи, поэтому их адаптация в условиях чужеродной языковой среды в первую очередь связана с изменением фонетического облика и приспособлением его к системе другого языка.

Анализируя процессы взаимодействия тюркских и славянских языков, в частности турецкого, крымскотатарского и русского, мы выделяем два основных момента. Во-первых, при освоении звуков и их сочетаний турецкого языка происходит их замена соответствующими звуками русского языка. Однако здесь нельзя не учитывать особенности русскоязычного региона, в котором распространяется тюркский язык, поскольку каждый конкретный диалект адаптирует чужой язык по-своему. В результате – и это второй важный момент – появляются фонетические варианты заимствованных топонимов, и количество таких вариантов может быть значительным. Зачастую воздействие принимающего языка оказывается довольно агрессивным, что не лучшим образом отражается на звуковом облике чужеродных топонимов.

Рассмотрим подробно фонетические механизмы взаимодействия языков при формировании моделей топонимов. Эти механизмы проявляются на двух уровнях: 1) на уровне звука/фонемы, 2) на уровне слога. Поэтому следует говорить о звуковой адаптации топонимов, с одной стороны, и слоговой – с другой.

2.1. Звуковая адаптация.

Очевидно, что фонетические системы русского и любого из тюркских языков имеют значительные различия как в качественном, так и количественном составе.

В русском языке гласные звуки являются слогообразующими и находятся в позиционной зависимости от согласных, с которыми они образуют слог. Существенными для реализации гласных являются две позиции: позиция по отношению к ударному слогу и позиция после определённых согласных. Сильной позицией, в которой проявляются значения фонем, является позиция ударного слога. В зависимости от качества соседних согласных гласные могут быть артикуляционно сдвинуты вперёд или назад.

Для тюркских языков сильной является позиция начального слога, ударным же (сильноударным) является конечный слог, так как в тюркских языках ударение выполняет другую функцию – разграничительную. Гласный первого слога оказывает активное влияние на соседние согласные, а переднее или заднее произношение гласного имеет фонологическую значимость – в тюркских языках функционирует закон слогового сингармонизма, согласно которому гласные переднего ряда могут сочетаться лишь с мягкими согласными, а заднего ряда – только с твёрдыми. Специфика действия закона слогового сингармонизма представлена в виде таблицы.

Гласный первого слога	Гласные следующих слогов	Примеры топонимов
[a]	[a], [ɪ], [u]	Çağdaş (Чагдаш)
[ɪ]	[ɪ], [a], [u]	Iğdır (Ыгдыр)
[u]	[u], [o], [a], [ɪ]	Muğla (Мугла)
[o]	[o], [a], [u], [ɪ]	Bozdoğan (Боздоган)
[i]	[i], [e]	Divriği (Дивриги), Niğde (Нигде)
[e]	[e], [y], [â], [ɪ]	Eyyub (Эйуб), Elâzığ (Элязыг), Yeşilirmak (Ешильырмак)

Из приведённых примеров видно, что, если в основе (первой части) слова встречаются гласные переднего ряда (как *i* или *e*), все появляющиеся в вариантах

суффиксы дают гласные переднего ряда (такие, как е, ö, ü); если основа имеет гласные заднего ряда (а, о, и), то и в суффиксах тоже присутствуют гласные заднего ряда.

Слабой позицией для русских гласных является позиция безударного слога. И, чем дальше слог уходит от ударения, тем сильнее степень редукции гласного. Причём для русского языка характерны оба вида редукции: количественная и качественная. Количественной редукции подвергаются все гласные. Второй вид редукции характерен для гласных [а], [о], [э]. Они в безударном положении не только становятся короче, но и изменяют свой тембр, выступают в виде вариантов. В результате появление вариативных рядов топонимов типа *Колан-Баир*, *Калан-Баир*, *Колан-Боир*, *Калан-Боир* и *Кибит-Богаз*, *Кебит-Богаз*, *Кибит-Богаз*, *Кебит-Багаз*. См. фиксацию в русском языке топонимов с компонентом *çeşme / keşme / kişme* "источник, фонтан, водоем" < перс. *çäşme ~ çeşte* "источник": ист. *Чешме*, *Чеשמечик*, *Чешме-Чокрак*, *Ай-Ян-Чешме*, *Дардик-Чешме*, *Джами-Чешме*, *Кáлица-Чешме*, *Кучар-Чешме*, *Кюр-Чешме*, *Малаперза-Чешме*, *Манджиль-Чешме*, *Миших-Чешме*, *Сарай-Чешме*, *Сидзян-Чешме*, *Суюнин-Чешме*, *Таш-Чесме*, *Таш-Чешме*, *Хибус-Чешме*, *Чемер-Чешме*, г. *Чишма-Кая* около с. Коджасала, источники (фонтаны) *Али-Устанин-Кешмеси*, *Буюк-Кешме*, *Джами-Кешме* и *Лаконез-Кешме* в *Ай-Серези*, *Тырма-Кешме*, ист. *Айян-Кишмеси*, *Алунья-Кишме*, *Басарнин-Кишмеси*, *Вакуфлар-Кишме*, *Демерджи-Кишме*, *Кавалин-Кишме* в с. Дерменкой, *Настира-Кишме*, *Тахталы-Кишме*, *Узла-Узин-Кишмеси*, *Хауджиларин-Кишмеси*, фонтаны *Кишме-Майли*, *Джами-Кишме*, *Илиас-Кишме*, *Копс-Кишме* и *Мейлан-Кишме* в с. Дерменкой. Позиция первого предударного слога и неопределенность орфографической нормы дает «простор» орфографической фиксации данного компонента.

Об этом пишет в своей работе и Х.Ф. Исхакова: «На российских картах и в документах тюркское *a* часто передается в первом составе, как *o*: р. *Алма* ~ *Олма*, *Асма* ~ *Осма*, с. *Акташ* ~ *Окташ*, *Алма-Тамак* ~ *Олма-Тамак*, *Тамак-Кыргыз* ~ *Томак-Киргиз*, – но на основании этого нельзя говорить об оканье в крымскотатарских диалектах» [Исхакова, 1988, 130]. Только в данном случае, по

нашему мнению, исследователь не совсем верно расставляет акценты: здесь следует говорить о действующих нормах передачи звучащей речи, с одной стороны, и об ее восприятии, с другой.

В тюркских языках гласный ударного слога ничем принципиально не отличается от гласного безударного слога. Также практически нет отличий между гласным первого слога (сильная позиция) и гласными остальных слогов (слабая позиция). Закон слогового сингармонизма в принципе исключает возможность появления вариантов. Качественная редукция в некоторых тюркских языках отсутствует, но действует количественная редукция в отношении гласных [i], [ɪ], [u], [ʊ], более сильная, нежели в русском языке.

При взаимодействии тюркских и славянских языков в области гласных происходят определённые изменения, которые влияют на облик топонима. Так, в первом слоге на месте [a] появляется лабиализованный [a^o], при этом второе [a] нелабиализовано (неогублено), в результате появляются варианты топонимов: *Алма Тамак* и *Элма Кирмень*, *Элмаджик* ([^oalmá] "яблоко"). (Хотя в данном случае нельзя исключить и персидское влияние на формирование краткого гласного открытого слога (в персидском краткое [a] произносится как [ä]). Тогда варианты *элма* ([^oalmá] и *алма* ([almá] – это разница между диалектным и литературным турецким или между турецким и кыпчакским вариантами.) Общетюркские гласные первого слога [y], [ʏ], [ɨ] превращаются в [o], [ø], [e], а гласные [o], [ø], [e] – в [y], [ʏ], [ɨ]. См.: *Енисале* (вместо *Енисала*, ср. *Феттах Сала*), *Михалатка* (вместо *Мухалатка*), *Барнит* (вместо *Бе/ирнит*).

Возможен и обратный процесс: действие закона сингармонизма на «негармоничные» слова: *Давуд Эли*.

Очевидно, с восточнославянским влиянием можно связать и появление оппозиций «полуширокий – узкий» звук в топонимах типа с. *Ельгери-Джайлак* и *Ильгери-Джайлак*, *Сирт-Джайлак* и *Суртку-Джайлак*. Позиции анлаута и первого предударного слога фиксируют продвижение звука вперед, характерное для русского языка.

Система консонантизма русского языка также существенно отличается от тюркской. Доминирующий характер консонантизма русского языка проявляется

при сравнении по различным дифференциально-фонологическим признакам (месту и способу образования, глухости-звонкости). Корреляция глухость/звонкость и в русском языке, и в тюркских языках является фонологически значимой. Тем не менее, контрастность между глухими и звонкими в русском языке выражена чётче, и реализация данной оппозиции производится последовательно во всех сильных позициях.

В тюркских языках Северного Причерноморья более «звучные» огузские языки часто оказывали влияние на менее «звучные» кыпчакские, а взаимодействие со славянскими, очевидно, усиливало это влияние. В.А. Бушаков отмечает, что «в российских источниках кыпчакские топонимы степной части Крыма могут передаваться в огузских формах, то есть начальные *t*, *k*, *s* заменяются соответственно на *d*, *g*, *y*, *ş* (<*ç*) на *ç*, а *s* (<*ş*) на *ş*: вместо ногайских *Терекли* – (terekli) или *Тюп*- (tüp) стоит соответственно *Дирекли*- (тур. direkli) и *Дип*- (dip)» [Бушаков, 2003, 263]. Это, по мнению исследователя, подтверждает не «наличие огузских черт в степном диалекте» [Бушаков, 2003, 263], а лишь факт искаженной передачи на российских картах и в различных документах тюркских топонимов, в результате чего исчезает возможность получения достоверных данных о фонетических особенностях взаимодействующих тюркских диалектов. Однако в рассуждениях автора, как и в приведенных выше рассуждениях Х.Ф. Исхаковой, исчезает важный тезис о значимости принимающего языка в процессе адаптации иноязычного элемента в новой языковой среде, на что указывает Е.Д. Поливанов (см. выше). То есть роль русского и украинского языков в процессе фонетической адаптации топонимов практически нивелируется. Большая «сонорность» севернопричерноморской топонимии объясняется, очевидно, тем фактом, что огузская по происхождению крымскотатарская администрация адаптировала северную топонимику, в результате чего в качестве официальных использовались адаптированные («северные») варианты причерноморских топонимов.

Присущие в анлауте югу диалекта фонема *g*-, а северу – *k*- коррелируются в таких топонимах: оз. *Алекси-Голь*, *Горза-Голь*, *Джерекли-Голь*, *Когу-Голь*, *Сары-*

*Коль, Тархан-Гьоль (Кият), Ташла-Голь, Усеин-Аджи-Голь, ур. Коль, ист. Шмалаколь, с. Ениколь, Кара-Голь, Коль-Алчин, Сариголь, Тузколь, оз. Амбар-Коль, Ешиль-Коль, Камышлы-Кьоль на Бабуган-яйле, Япрах-Коль, луг Акча-Коль, Караколь, Токай-Коль, ур. Барак-Коль (Гьоль), г. Хариколь-Кая на Караби-яйле, Хриколь-Бурун, с. Бараколь (кр.-тат., тур. *göl*, ног. *köl* "озеро, водоем").*

Другой отличительной чертой русского языка (по сравнению с тюркскими) является наличие такого дифференциального фонологического признака, как твёрдость/мягкость согласных. В тюркских языках перед гласными переднего ряда согласные обретают позиционную смягчённость, которая не является фонологическим признаком согласных. В результате этого при восприятии восточнославянским реципиентом и письменной фиксации топонимов возникают фонетически и графически искажённые вариативные формы. Особенно это касается изменений в группах заднеязычных и фрикативных согласных. См., например, модификации с компонентом *dağ / tav* "гора, горный лес" – г. *Аю-Даг, Баба-Даг* (Мангуп-Кале), *Эчки-Даг, Синабдаг, Даг-Тепеси* (Тепе-Кермен), горный массив *Кара-Даг*, лес *Кирли-Даглар* около с. Юкари-Тайган, *Сирт-Даг, с. Биюк-Даг-Эли, Даг-Эли-Гаджи-Ага, Кизилкая-Дагель, Яшдаг (Яшлау)* "Молодой лес", г. *Таубаши, Кара-Тав, Каратау, Массандра-Тау, Орта-Тау, Тас-Тау*, лес *Авджи-Тав* около Феодосии и с. Терсхонды, *Али-Тав* около с. Татар-Осман, *Тавчик* около с. Камышлы, с. *Тав-Бадрак, Тав-Базар, Тав-Бораган, Тав-Бузар, Тавель (Даг-Эли), Екитав-Кочегень.*

Присущие в анлауте югу диалекта фонема у-, а северу – с-, коррелируются в таких топонимах: с. *Джага, Джага-Баши, Яка-Алике*, ист. *Чемух-Яга* (*yağa* "край, берег"; "сторона"), ист. *Ярлар* в Кутлацкой дол., канава *Яртинах* около р. Ворон, с. *Ак-Яр, Джаркую, Даул-Джар*, оз., с. *Кызыл-Яр*, г. *Як-Ярлар* (*yar* "овраг"), с. *Джарак ~ Ярак*, "морской залив" *Ярылгач*, оз., р., с. *Джарылгач* (*yarılğaç* "помилования, спасение, освобождение"), с. *Боз-Джайчы ~ Боз-Яйджы* (*yauci* "лучник"), *Джамичи ~ Ямичи, Джанлар ~ Янгалар, Ток-Йол / Джоли* (*yol* "дорога").

Кроме этого, следует отметить и «внутритюркскую» неоднородность фонетических систем языков и диалектов, функционирующих на территории Северного Причерноморья. Эти различия, воспринимаемые носителями славянских языков, в специфических формах отражаются при устной и письменной фиксации топонимов. В зависимости от принадлежности к той или иной топонимической зоне, тождественные топонимы принимают различные фонетические формы. См., например, группу топонимов, мотивированных компонентом *alt / ast* "низ, нижняя часть": с. *Кая-Алты(Каясты)-Канлы*, *Дирек-Алты-Кипчак*, лес *Аст* около с. Дуванкой, паст. *Кая-Асты* около с. Бештерек, с. *Каясты*, *Каясты-Кипчак*, ур. *Борлук-Астында*, *Каралган-Астында*.

В.А. Бушаков приводит в качестве примера карту Крыма 1817 г., составленную генерал-майором Мухиным, где часть названий сел степной части полуострова зафиксирована в ногайском произношении и, соответственно, отражены в написании присущие ногайскому диалекту фонемы *s* (<ş) и *ş* (<ç): *Алаш* [*Алач*], *Бутегеш* [*Бутегеч*], *Кашик* [*Качик*], *Кипшак* [*Кипчак*], *Кірмаше* [*Кермачи*], *Кудашик* [*Кудайчик*], *Куйше* [*Кувче*], *Біюк-* та *Кучук-Мамшик* [*-Мамчик*], *Сусуз-Джайши* [*-Джайчи*], *Сюша* та *Біюк-Сюша* [*Ельгері-* и *Сирткі-Чуча*], *Біюк-Тозакши* [*-Тузакчи*], *Шегелек* [*Чегелек*], *Шегене* [*Чегене*], *Шіле* [*Чілле*], *Шіпче* [*Чіпче*], *Шокмай* [*Чокмай*], *Шокур* [*Чокур*], *Шорубаш* [*Чурубаш*], *Шуйке* [*Чуйке*], *Тамам-Юш* [*Тамам-Юч*] (кт *üç*, н *üş* три), – ср. соседний ойконим *Чорюм* и гидроним *Шорум* ~ *Чюрюм* (*Ай-Гуль*).

В результате взаимодействия тюркских языков с русским достаточно часты варианты топонимов, связанные отсутствием в тюркских языках губно-зубной фонемы <*v*>, тюркская согласная обладает иной артикуляцией, на этом основании Н.А. Баскаков считает фонему <*v*> (<*v*>) вместе с [*ts̥*] (<*ц*>) и [*tɕ̥*] (<*ч*>) «новыми фонемами» для тюркских языков (ср.: *Сирт(Суртку)-Джайлак*, *Тархан-Джайлау*, *Яйлав-Сарай* от *cayla/yaula/cayulaq/yaulaq/caylav/yaulav*) [Баскаков, 1952, 58]; неаффрикативным характером *ч* и *ж* (ср.: *Тжедире*, *Отарджик*, *Отар дужик*, *Отар Джик*, *Карджавжик*, *Отар Карджав*, *Чавке*); заимствованием из русского звуков *в* [*v*], *ф* [*f*], *ц* [*ɕ̥:~ɕ̥:*], *ч* [*tɕ̥*], *ц* [*ts̥*]. Ср.: кр.-тат. *avul*, ног. *avil* "аул, село", др.-

тюрк. *ağıl* ~ *ağul* "загон, кошара", халх.-монг. *айл* "группа юрт", "родина", "юрта, дом, двор, хозяйство", ср. также *avla* – с. *Аул, Джит-Аул, Баш-Аул, Орта-Аул* и *Каз-Аул (Хаз-Авул)*. Известно мнение Н.А. Баскакова о том, что «... в связи с обогащением словарного состава и заимствования большого количества слов через русский язык фонетическая система тюркских языков обогатилась новыми гласными и согласными звуками» [Баскаков, 1952, 58]. По нашему мнению, это утверждение можно отнести и к топонимии. Часто такое заимствование является последним этапом модификации топонима и объясняет существование вариантов. Достаточно показательны в этом отношении топонимы с компонентом *ağız / avuz* "устье реки"; "вход в пещеру"; "начало дороги, стык, разветвление, дороги, перекрестки": г. *Агиз-Хыр* (Конек), лес *Агиз-Ичи* около с. Кутлак, *Агиз-Кир* около с. *Аян*, *Агиз-Кир-Даглары* около Алушты, лес и хр. *Агиз(Агис)-Хир* около Старого Крыма, с. *Агиз(Авуз)-Кенегез*, р. *Аузун-Узень*, с. *Авуз-Кенегез*, *Авуз-Кирк*, *Беляуз-Кипчак*, ур. *Аспедлауз*, *Атлауз* (две номинации), лес *Атлауз*, *Ат-Авуз* около с. Уппа, ур. *Сбалараус (Збалараус)*, *Шалтараус*.

Среди фонетических процессов преобладают случаи нарушения прогрессивной ассимиляции согласных по:

- 1) звонкости и глухости: *Гюк Гюс* ([к`к`]), *Юк Зак* ([кc]).

В русском языке прогрессивная ассимиляция не является распространенной, в тюркских она представлена более широко, поэтому здесь, скорее, наблюдается влияние тюркской традиции на уже освоенные топонимы.

- 2) по носовому тембру: *Тунлар* → *Туннар*, *Тундан* → *Туннан* (чаще проявляется при стечении сонорного со звонким шумным).

Выделены случаи нарушения регрессивной ассимиляции согласных по:

- 1) глухости: *Гурзав* и *Гурзуф* (*Gurzav*), лес *Атлауз* (*Atlauz/Atlağiz*), *Ат-Авуз* (*At-Ağiz*) около с. Уппа и ур. *Сбалараус / Збалараус* (*Sbalaraus*), *Шалтараус* (*Şatlarauz*).

В норме звонкие согласные на конце тюркских слов оглушаются, кроме [з]. Однако под влиянием русского языка происходит оглушение конечного [з] тоже, но это оглушение не отражается последовательно в орфографии: *Киргис* (*Kirgiz*),

Баш-Киргис (Baş-Kırgız), Карагос (Karagöz), Гюндеймес (Gündeğmez), Сусус Джайчи (Susuz Çaycı), Сары Хафыс (Sarı Hafız), Коз (Koz/Göz), Таз Тюне (Taz tepe), Отуз (Otuz), Кончекюз (Gökçeğöz), Хаз Аул (Haz Aul), Яйлав Сарай (Yaylav Saray), Сегид Эли (Seyid Eli), Шаг Мурза (Şah Murza).

2) твёрдости и мягкости: *Девлет Гелды (Devlet Geldi), Газы Ага (Gazi Ağa).*

Очевидно, ассимилятивным влиянием можно объяснить и изменение артикуляционных характеристик звуков [ж] и [ш] на стечении с гласными и сонорными в топонимах типа *Чешме, Чешмечик, Манджилъ-Чешме, Коджасала, Джамми-Кешме, Басарнин-Кишмеси, Хауджиларин-Кишмеси.*

3) фрикативности: *Отар Джик и Отарджик, Отар дужик (Otar Cık/Otarcık, Otar cıjık), Авджи киой (Avcı Köy), Актатджи (Aktatçı), Тжедире (Cedire), Чауджи (Çaycı), Сусус Джайчи (Susuz Çaycı).*

В этой же связи, очевидно, можно рассмотреть и модификации в группах топонимов с компонентом *сай / уай / уайи / уайи* "новый": с. *Джанкой* (три ойконима), *Джанкой-Бешкуртка, Джанкой-Ортелий, Джани-Кесек, Ени, Ени-Али-Кеч, Еникой, (Енкой ~ Джанкой)* (несколько ойконимов), *Ени-Сала* (три ойконима), *Ени-Сарай*, крепость *Ени-Кале*, город *Ени-Базар* (сейчас Армянск), *Янкой* (несколько ойконимов), *Яникой, Яны-Джандевлет, Яны-Кат, Яны-Мангым.*

4) увулярности: *Гулюмбей (Gölümbey), Кизылташ (Kızıлтаş).*

Здесь под увулярными мы понимаем фонемы <q> (къ) и <ğ> (гъ), которые встречаются в крымских диалектах, и их реализацию в заимствованных топонимах в качестве звукосочетаний [кы], [гы]. В крымском языке <q> – увулярная шумная смычная глухая фонема, а <ğ> – увулярная шумная щелевая звонкая фонема. В анатолийских диалектах турецкого языка фонема <q> является обычной взрывной, а <ğ> – фрикативной задненёбной согласной, и увулярностью они чаще всего не обладают.

5) заднеязычности: *Ашагы Егирмен (Aşağı Eğirten*, не отражено в русской орфографии).

б) переднеязычности: *Узень Башчик* (*Üzen Başçık*), *Каракосчи* (*Karakosci*), *Аллач* (*Allaç*).

Турецкий звук [ʃ̞] несколько отличается от смычно-щелевого русского [ч]. Русский звук является более переднеязычным, тогда как турецкий немного смещён к центру. В диалектах встречаются фонетические варианты, балансирующие в диапазоне большей или меньшей палатализованности [ч], что отражается в написании и появлении орфографических рядов типа с. *Таш-Чешме*, *Таш-Чесме*, *Чишма-Кая*, *Демерджи-Кишме* и под.

7) участием губ: *Унбер* → *Умбер*.

Проявляется в группе сонорных, чаще в замене [n] на [m], и в группе фрикативных [v] и [f]. В крымскотатарско-русской топонимической зоне появляются варианты ойконимов типа *Отар-Буйнак* (Мойнаки) и *Ялы-Буйнак* (Мойнаки), которые демонстрируют произношение среднего диалекта с *b*- и ногайского диалекта с *m*- в анлауте.

В современной орфографии ассимиляция отражена не полностью. Это свидетельствует о неустановившемся характере фонетико-орфографической нормы заимствований.

Иногда в топонимах обнаруживается нетипичное для тюркских языков сочетание согласных. Так, в тюркских языках отсутствуют стечения согласных в начале слова. В русском языке стечение нескольких согласных встречается в любой позиции слова и может включать два–четыре компонента. Концу русских слов свойственны сочетания шумный + шумный, шумный + сонорный, сонорный + сонорный, сонорный + шумный, а для тюркских возможны только стечения сонорный + шумный. Поэтому слоговая структура заимствований с начальными, а также с несвойственными тюркским языкам конечными сочетаниями согласных подвергается изменениям за счёт протетических и эпентетических гласных или потери одного из согласных (в ауслауте). Это явление условно мы назвали слоговой адаптацией топонимов.

2.2. Слоговая адаптация.

Слоговая адаптация топонимов в большинстве своем зависит от процессов ресегментации, являющихся следствием дистрибутивных различий языковых систем. В этом аспекте следует говорить о наличии плюс/минус-сегментации в анализируемых тополемах.

М.И. Трофимов, характеризуя процессы, происходящие в тюркских словах, пишет о том, что «слова с начальной группой СС- (согласный + согласный) при заимствовании приобретают начальный V- (гласный) либо получают эпентетическое -V- (CVC), т.е. гласный появляется либо в начале слова, либо между начальными согласными, например: русское слово *стол* в татарском и башкирском языках произносится как *əстəl*, в хакасском слово *столб* произносится *ыстолба*, *скобка* – *ыскоп*, *плаха* – *пылах*, *брезент* – *пiрээн*; в киргизском языке слово *трактор* произносится как *тырактыр ...*» [Трофимов, 1978, 63]. Те же фонетические процессы мы наблюдаем и при анализе слоговой структуры топонимов: в заимствованных (румейских, русских) топонимах, начинающихся с согласного *r* или сочетаний *sk*, *sp*, *st*, обнаруживается тюркская протеза *i-* (*u-*, *ü-*), см.: *Уркуста* ~ *Рюкуста*, р. *Устул-Сар* (приток Канаки), ур. *Ускрофиль* (*Ускруфиль*)-*Кале* ~ *Рускофулей*, ист. *Истефан-Чокрак*, б. *Искарон*, с. *Искеля* ~ *Скеля*, *Истиля* ~ *Стиля*, *Искут* ~ *Искют* ~ *Юскют*.

В разговорной речи тюрков, по наблюдению М.И. Трофимова, могут образовываться группы ССС в результате выпадения обычно узких гласных *i* и *u*, что приводит к сосуществованию таких форм, как в татарском и в башкирском языках: *бiзнiн* – *б`знiн* (наш) и др. [Трофимов, 1978, 119]. Кроме того, ученый пишет о возникновении неких «подобий» тюркских слов со структурой TST/R – CSC, когда, например, узбекское слово *кишлок* (кишлак) звучит как [к`шлок]. Трофимов отмечает, что редукция гласных иногда приводит к образованию слов без гласных фонем типа СС, например, в татарском и башкирском языках: [т`л] (язык), [б`з] (мы), [к`ш`] (человек), или в азербайджанском языке заимствования из русского языка звучат как *дректор*, *псатели*, *кратка*, *блавка*, *тре* (тире), *пхалтер* (бухгалтер), имя *Риза* звучит как *Рза* и т.д.

А.М. Щербак отмечает, что в разговорной речи тюрков в абсолютном начале слова в результате редукции узких гласных наблюдаются стечения согласных. «Размер редукции узких гласных в многосложном слове резко увеличивается, особенно в языках кыпчакской группы <...> сравните татарское слово *турам* – [трам] (я стою), *булам* – [бл`эм] (я знаю)» [Щербак, 1970, 63].

Таким образом, тюркские языки испытывают влияние языков с открытой слоговой структурой.

Перестройка слога при заимствовании – закономерность, которая благодаря широкому распространению в языках разных систем приобретает весомые черты универсального закона на уровне слога.

Несовпадение структур слогов отдающего и заимствующего языков – одна из главных причин деформации слова. Это явление еще не осознано в лингвистике, которая ограничивается лишь констатацией фактов, не объясняя их.

На территории Северного Причерноморья русский язык адаптировал топонимы крымскотатарского и турецкого происхождения. В большинстве случаев фонетико-графическая адаптация осуществлялась аналогичными или близкими звуками и буквами заимствующего языка. Поэтому возникали довольно любопытные модификации, см., например, номинацию б. *Харлайка*, которую рассматривает в своей работе Отин, когда на «механическое» разрушение топонима накладываются фонетические изменения: *Харлайка* < *Чухарлай* < *Чухурлы тарамá* < ур. *чухур* "впадина, низина, яма". «Вариант *Харлайка* – результат дальнейшего разрушения первой формы (утрата начального слога *чу-* и дооформление основы суффиксом *-ка*)» [Отин, 2014, 177].

Такие модификации наблюдаются и в других регионах совместного проживания тюркских и славянских народов. См., например: *Табан-Куль* (*Кабан-Куль*, *Табак-Куль*), *Аткуль* (*Ак-Куль*) (Челябинская область). Отдельные иноязычные названия из-за звуковой близости с русскими словами были переосмыслены и уподоблены им. Например, *Карасу* (Крым) превратилась в *Карасевку*, *Карасу* (Челябинская область) – в *Караси*, *Красулю*, *Ак-Куль* (Алтай) в *Акулю*, *Кара-Елга* (Челябинская область) – в *Карелку*, *Илашты* (Челябинская

область) – в *Силач, Кара-Таи* (Челябинская область) – в *Коротыш, Кочегун* (Челябинская область) – в *Чугунное*. Примером такой же народной обработки иноязычных слов служат и такие названия: оз. *Рыбалык*, оз. *Травакуль*, оз. *Мамынкуль*, оз. *Избушкуль*, оз. *Пустобаикуль* (Челябинская область) и др., хотя в этих и подобных случаях речь, конечно, идет не о фонетической адаптации, а о ретимологизации.

Однако, несмотря на приведенные работы (см. библиографию), следует отметить, что механизмы слоговой адаптации тюркских лексем изучены недостаточно полно ввиду отсутствия надёжных графических источников. Поэтому анализ слоговой адаптации топонимов может быть чрезвычайно полезным, хотя многое из того, о чём мы пишем, носит гипотетический характер.

Таким образом, сингармонизм является отличительной чертой тюркских языков на слоговом уровне, но в ситуации заимствования законы сингармонизма не соблюдаются, что приводит к искажению звукового и графического облика слова. В случае, когда на «сингармоничное нарушение» накладывается какое-либо ещё явление (словообразовательное или фонетическое) принимающего языка, слово приобретает абсолютно гипертрофированные формы.

3. Взаимодействие на словообразовательном уровне.

На словообразовательном уровне происходит частичное или полное приспособление заимствованных топонимов к словообразовательным закономерностям принимающего языка.

И.И. Муллонен пишет: «Одно из главных условий исследования топонимов – понимание структуры географического имени» [Муллонен, 1994, 9]. Только после проведения структурно-словообразовательного анализа топонимов можно проводить их исследование в синхроническом и диахроническом аспектах, то есть определять язык-источник, этимологизировать и систематизировать.

Как известно, тюркские языки относятся к агглютинативному типу языков, а славянские – к флективному, что «в некоторой степени определяет

предпочтение носителей языка определённым моделям топонимов» [Пустяков, 2011, 47].

Под структурой географических названий мы, вслед за А.В. Суперанской, понимаем «определённый словообразовательный и морфологический состав имён (при этом имеется в виду морфология современная, проявляющаяся в способности слова изменяться, сочетаться с определёнными суффиксами и служить основой для определённых типов, способов словообразования)» [Суперанская, 1964, 70].

Анализ собранного фактического материала позволил классифицировать топонимы Северного Причерноморья с точки зрения их словообразовательной структуры. Нами были выделены: 1) простые одноосновные топонимы (с нулевым формантом и с суффиксальным формантом), 2) сложные (композиционные) топонимы, 3) составные топонимы (топонимы-словосочетания и топонимы-предложения).

I. Простые топонимы (одноосновные).

Простые топонимы часто формируются на базе антропонимов, этнонимов, генонимов, по структуре разделяются на непроизводные и производные. Непроизводные содержат аппелятив, производные, «как правило, образованы от аппелятивов, топонимизированных аффиксами» [Бушаков, 2003, 247], см.: р. *Альма* < *alta* кр.-тат., тур., ног., др.-тюрк., *elma* тур., *alimla* др.-тюрк., *алим* халх.-монг. "яблоко", и *Алмачик* ~ *Елмаджик* (-*ciq* – тюркский деминутивный аффикс со значением "большой"), с. *Алач* (два ойконима) < *Alaç* этн. (тюрк. родо-племенное название *qalaç* ~ *xalaç*, народ *халадж* в Иране, племя *алаш* ногайцев, род *алаш* у казахов и *алаш* – общее название всех казахов).

Анализируя ойконимию Крыма, В.А. Бушаков вслед за Х.Ф. Исхаковой определяет, что к непроизводным ойконимам относятся: а) дотюркские ойконимы нагорной части полуострова – *Алупка*, *Алушта*, *Арпат*, *Гавро*, *Гаспра*, *Гурзуф*, *Керч*, *Кефе*, *Лаки*, *Никита*, *Партенит*, *Стыля*, *Судак*, *Ускют*, *Форос*, *Шума*, *Шулю*, *Шурю*, *Ялта*; б) ойконимы, образованные от тюркских географических терминов – *Арабат*, *Зуя*, *Имарет*, *Коуш*, *Тамак*, однокомпонентных тюркских

антропонимов и родо-племенных названий, а также от дотюркских и тюркских гидронимов – р. *Булганак, Бурулча, Кача, Марта, Салгир*, оз. *Ачи, Сасик/Сасык* (две номинации), *Сиваш* [Бушаков, 2003, 247].

Односоставные топонимы редко употребляются самостоятельно, в большинстве случаев они входят в состав композитов, сливаясь с другими компонентами: с. *Биюк- и Кучюк-Абай* < *Абай* антр., ср. личное мужское имя *Абай* у казахов (тюрк. *aba* "дядя" (по отцовской линии), "старший брат"; уважительная форма обращения к старшим людям, –у – тюркский антропонимный аффикс); ист. *Бекир-Ахаин-Чокрак*, с. *Али-Акай-Ели* < *агау* кр.-тат. "мужчина"; "человек"; с. *Аранкой, Беш-Аран, Беш-Аран-Кирей, Кой-Аран (Кояран)*, ист. *Ташаран* < *аран* кр.-тат., ног., др.-тюрк. "хлев, кошара, сарай, загон, конюшня"; ср. кирг. *ара(a)n* "загон, войско", хмонг. *аран* "простолюдин, чернь"; см. также: г. *Аранча* около с. Шелен (-*ча* – тюркский усилительный адъективный аффикс).

II. Сложные (композиционные) топонимы, состоящие из двух и более основ.

Композиционные топонимы, которых в тюркской топонимии подавляющее большинство, достаточно хорошо исследованы и описаны в научной литературе. Им, в частности, уделяли особое внимание такие исследователи, как Р.А. Агеева, О.С. Ахманова, В.Д. Беленькая, В.А. Бушаков, Т.М. Гарипов, И.Г. Добродомов, Ю.А. Карпенко, А.К. Матвеев, О.Т. Молчанова, Э.М. Мурзаев, Е.С. Отин, Н.В. Подольская, Б.А. Серебренников, М.Т. Янко. Анализ компонентов композиционных топонимов составляет предмет диссертационных исследований Б.Р. Магомедова, В.А. Бушакова, Л.И. Маршевой, О.О. Махмаджонова, Г.М. Ниязовой, Б.О. Орузбаевой.

Термин «композит» (от латинского *compositio* – «составление, соединение слов и предложений»), используемый для обозначения результата процесса сложения и являющийся синонимом по отношению к сочетанию «сложный топоним», в Словаре русской ономастической терминологии Н.В. Подольской определяется как «сложное имя собственное, имеющее в своем составе не менее двух корневых морфем с соединительной гласной или без неё» [Подольская, 1978,

66] (толкование совпадает с трактовкой данной терминологической единицы, предложенной О.С. Ахмановой для апеллятивной лексики) [Ахманова, 1969, 202].

Многообразие вариантов композитных топонимов дает простор научному воображению и возможность сделать выводы относительно специфики процесса становления и формирования значений топонимов, а также особенностей употребления компонентов в конкретных топонимических зонах. См., например, основу *çavke*: *çavke* кр.-тат., *şavke* ног. "галка", от него номинация – кург. *Чавке-Оба*, и *Çavke* геноним (ср. личное мужское имя *Шавке* у казахов): по данным В.А. Бушакова, у татар юго-западного Крыма существовало предание о враждебном черкесском племени *чавка*, отсюда появление номинаций ойконимов с. *Биюк-Кучук-Чавке* [Бушаков, 2003, 136].

С лексическими заимствованиями в топонимию славянских языков проникали отдельные словообразовательные и формообразующие элементы (топоформанты) тюркских языков, которые можно выделить и при современном состоянии топонимов. Назовём наиболее актуальные из них:

-аç (-еç) – аффикс, образующий существительные и прилагательные от некоторых основ: с. *Пантрач*, *Парнач* ~ *Порнач* (два ойконима), *Полтрач*, *Кулеч*.

-an (-en) – аффикс, образующий от глагольных основ причастия настоящего-прошедшего времени, которые могут субстантивироваться: водопад, р. *Учансу*. Ср. *-ğan*.

-aқ (-еқ) – аффикс, образующий существительные и прилагательные от глагольных основ: с. *Аппаз-Багалак*, *Бугак*, *Башмак*, *Булгак*, *Бурлак-Тама*, *Бурнак*, *Джаманак*, *Кизак*, *Кончек*, *Тотмак*, *Чегелек*, *Чокмак*, *Чонгелек*, *Чорелек*, *Чучак*, р. *Булганак*.

-са (-се, çа, çе) – аффикс прилагательных, усиливающий или ослабляющий признак, названный исходной основой: г. *Аранча*, ист. *Кереча*, *Ямарча*, с. *Чегерче* ~ *Чигирче*, *Чокурча*, пещ. *Кильсече*.

-сақ (-сек), см. **-сіқ**.

-сі (-сі, -су, -сү, -си, -си, -су, -сү) – аффикс, образующий от именных основ существительные, чаще со значением деятеля, такие существительные широко

представлены в ойконимии: с. *Арабаджи, Апунджи, Болатчи, Боранчи, Буденеджи-Найман, Бузавчи, Бустерчи, Демерджи, Дерменджи, Джаракчи, Джилкеджи-Ели, Джурчи, Каймачи, Коскенчи, Мескечи, Сабанчи, Садакчи, Са(в)урчи ~ Сагирджи, Талканчи-Кирей, Тамгаджи, Тарпанчи, Тащи-Конрат, Тогунчи, Топчикой, Тузакчи, Чиракчи, Чолмекчи, Чонгурчи, Чоюнчи, р. Балтаджи.*

-сіқ (-сақ, -сек, -сік, -суқ, -сүк, -çaq, -çек, -çіq, -çік, -çuq, -çүк) – деминутивный аффикс существительных и прилагательных, в ойконимии соответствует значению *az, azğana, kiçkene, küçük*: г. *Халцих*, ур. *Самарчик-Кош*, ист. *Кемчек* в овраге *Богдан-Дере, Керинчик-Чокрак* в Байдарской дол., *Чешменчик*, пещ. *Кильсечех, Кобачик* на Караби-Яйле, с. *Алмачик, Аргинчик, Баб[а]чик, Базарчик, Бакалчак ~ Багалчак, Белечик, Болечик, Денгельчик, Джолчак, Кадайджик, Карджавджик, Керменчик, Мам[а]чик, Менгелерджик ~ Минлерчик, Муртазаджик, Онбарчик, Отарджик, Пазарджик, Сюренчик, Тепеджик, Тобечик, Токульчак, Тулунчак, Фонтальчик.*

-сік, см. **-сіқ**.

-çі, см. **-сі**.

-çіq, см. **-сіq**

-çі, см. **-сі**.

-da (-de, -ta, -te) – аффикс местного падежа: ур. *Борлук-Астинда, Копур-Япунда, Хирда-Тарла* – последний спуск при въезде в Алушту.

-dan (-den, -tan, -ten) – аффикс исходного падежа: г. *Емджетен-Кая*, ист. *Таштан-Чокрак.*

-de, см. **-da**.

-den, см. **-dan**.

-dı (-di, -du, -dү, -tı, -ti, -tu, -tü) – аффикс прошедшего времени, также образует от глаголов существительные, обозначающие предмет или лицо, выполняющие действия, названные исходной основой: ист. *Алим-Баси* в Байдарской дол., *Уркути-Чокрак*, м. *Чобан-Баси*, с. *Байконду (Байгонду, Бай-*

Кунду), Джав-Кайти, Кабарти, Кельди-Бай, Кельдияр, Табулди, Теберти, Терсконду, Таш-Басту (Таш-Баскан-Кой).

-dıq (-dik, -duq, -dük, -tıq, -tik, -tuq, -tük) – аффикс, образующий причастия прошедшего-настоящего времени: ур. *Мемет-Ольмек-Дере*. Ср. **-ğan**.

-eç, см. **-aç**.

-ek, см. **-aq**.

-ey, см. **-ay**.

-gen, см. **-ğan**.

-ğan (-gen, -qan, -ken) – аффикс, образующий причастия настоящего-прошедшего времени, также прилагательные и существительные, имеющие признак, названный глагольной основой, см. *bağ-, bağla-, bas-, bat-, boğul-, doğ-, közet-, tüş-, uç-, yala-, yan-, yar-*. Ср. *-an, -miş*.

Так, например, в ойкониме *Курган (Уч-Курган)* глагольная основа + *-гъан/-къан, -ген/-кен* образует перфект, обозначающий завершённое действие: *къур* («строить») + *-гъан* = *къургъан* («построил/-ла/-ли»), а также существительные со значением предмета, орудия, результата, места, названия, носителя действия: *къур* («строить») + *-гъан* = *къургъан* («строение»).

-ı (-i, -u, -ü, -si, -si, -su, -sü) – аффикс принадлежности существительных, употребляется в изафетных конструкциях: г. *Вигланин-Бурну, Даг-Тепеси (Тепе-Кермен), Йилхитаунин-Хаяси, Кобанин-Каяси, Османин-Хоши (Осман-Кош), Сатаурунин-Бурну* около Алушты, *Чікенин-Каяси, Юртнин-Буруни* около с. Кутлак, ск. *Ювезагачин-Каяси*, мест. *Айванин-Чешмеси, Бейнин-Алани* около с. Теберты, ист. *Басарнин-Кишмеси, Догданин-Чокраги, Кічикниним-Ахзи, Куртмерин-Текнеси, Сиртнин-Чокраги, Сугут-Дереси, Фумянин-Дереси*, холм *Бейнин-Кири* около с. Мамашай, паст. *Сиртнин-Кири* около Алушты, *Хошманин-Чайири* около с. Теберты, местность *Хамишин-Кобкеси*, с. *Даг-Ели, Кобазу, Чешмези*.

-ıq (-ik, -uq, -ük) – аффикс, образующий от глагольных основ существительные, называющие исполнителя действия, и прилагательные,

характеризующиеся постоянным качеством, названным исходной основой: ур. *Параланык-Кая*.

-ki (см. *-niñki*) – ур. *Иоргаки* в Ай-Серези, *Караставраки* (*Караставляки*) в Алуште, *Васильки*, ист. *Васильки-Чокрак*.

-laq (-lav, -lek, -lev) – аффикс собирательности, множественности, ср.: др.-тюрк. *at* "конь", *atlaq* "кони", см. *-liq* – р. *Тереклав*, оз. *Донузлав*, с. *Багалак*, *Борлак*, *Куколак* в Судацком кад., *Мурзалак*, *Шигалак* (*Шагалик*, *Шиглак*), *Ходжалак*, *Чонгелек*, *Чорелек* ~ *Чурелек*, *Чукурлак*.

-lar (-ler) – аффикс множественного числа существительных; при имени лица обозначает лицо вместе с его окружением: *Asanlar* "Асан и его окружение" (семья или друзья), *Ilyasalar* (со вставкой *a*) "Ильяс и его окружение" – г. *Панджарлар*, *Сихтлар* у Судацкой дол., *Шаклар* на Керч. п-ве, *Як-Ярлар* около с. Шелен, ист. *Алла-Чохлар*, *Арабачилер*, *Бурлахлар* в с. Дерменкой, *Каракумлар* в верховье Арпату, *Кобкебаглар* около с. Шелен, *Коваклар-Чокрак* в с. Коз, канавы *Даутлар*, *Догдалар*, *Мамалар*, *Хамлар* и *Шаурлар* около с. Дегерменкой, р. *Шушукулар-Узень* (*Сиамис*), *Я(в)узлар* (приток Учан-Су), мест. *Хойляр* (*Хайляр*), ур. *Араклар-Хир*, *Даутлар* (*Алунья*), *Друган-Безчилар* около с. Капсихор, *Яним-Шлар*, ущ. *Хайлар* у Судацкой дол., фонтан *Хайлар* в с. Кизилташ, овраги *Гузлер* около с. Гаспра, *Мезарлар-Чаир*, *Ускулар* в верховье Альмы, с. *Абузлар* (укр. *Гавизлар*, рус. *Хавизлар*), *Аджилар* (*Гаджилар*), *Алджулар*, *Газийлер*, *Джанлар* (*Джанглар*), *Джетлер-Шейх-Ели*, *Ейпин-Ерлери*, *Емирлер*, *Едилер*, *Казаклар*, *Казлар*, *Каралар*, *Кир-Байлар*, *Кирбанлар*, *Куллар-Кипчак*, *Кумуклар-Отари*, *Куртанджилар*, *Майданлар*, *Менлер*, *Менлерчик*, *Моллалар*, *Муллалар*, *Мурзалар-Битак*, *Онлар*, *Очка-Байлар*, *Сарилар*, *Сегидлер* (*Сеитлер*), *Сейменлер-Кесеги* (*Сейманларкой*), *Тарханлар*, *Топраклар-Пелен*, *Узунлар*, *Хасталар*, *Ходжалар*, *Чаирлар*, *Челебилер*, *Черкеслер*, *Чукурлар*, *Шейхлер*, *Юзлер*.

Часто взаимодействуют с социальными терминами и титулами, образуя ойконимы. Так, топоним с. *Казаклар* (территория Крыма), очевидно, отражает этнический состав деревни. Некоторые учёные связывают происхождение этнонима *казак* со словом «казах»: «qazaq "казахи" (население Казахстана), *казаки*

"разные группы казачьего сословия в составе русского и татарского (нагайбаки) народов"» [Илиуф, 2010, 1]. Ср. также: д. *Казак* (территория Крыма).

Значение множественности также реализуется в ойконимах *Тарханлар, Сарылар, Тереклер, Сегидлер, Челебилер, Сегидлер, Соллар, Кучук Хожалар, Ходжалар Бьюк Хожалар, Муллалар, Кучук Онлар, Мурзалар Кеменче, Бай Онлар*, в том числе и арабского происхождения *Шеих-джелар* и *Шейхлер*.

См. также графические варианты: *Окчу Гаджи лар, Куртанжи лар, Узунлар, Кыр Лар*.

-lav, см. **-laq**.

-lek, см. **-laq**.

-li (-li, -lu, -lü) – аффикс, образующий от именных основ существительные и прилагательные со значением "с тем, что названо исходной основой", "с качествами или признаками того, что названо исходной основой", "уроженец или житель местности, названной исходной основой": б. *Менерли-Узень* около с. Коз, *Сатирли* около Феодосии, г. *Айбатли, Куркушлу-Оба* в Судацкой дол., ск. *Деликли-Кая* около с. Коз, кург. *Мишакли-Оба*, канава *Хадишлю* около р. Ворон, оз., с. *Богайли*, р., с. *Фундуклу (Фундукли)*, с. *Казанли, Камишли* (три ойконима), *Карпулу, Каяли-Кенегез, Каяли-Сарт, Киянли, Коперликой, Мургулу, Мурзали-Битак, Ногайли-Кирк, Сабли, Ташли-Даїр, Ташли-Конрат, Ташлияр, Улакли, Чардакли, Чокракли-Шейх-Ели*. См. *-siz*.

Например, ойконим *Камышлы* (территория Крыма), образованный от *камыш* – тростник, осока, солома + *-li* = тростниковый, соломенный. Применительно к названию населённого пункта может быть истолкован как "соломенная деревня". Возможно, связан с традицией крыть крыши соломой или делать плетни, заборы из камыша.

Значение адъективности (определительности) реализуется в ойконимах *Кыянлы, Чонралы, Корулы, Бойканлы, Чардаклы, Джайтамгалы*, а также в составе сложных наименований *Ики Кесет Ташлы, Дин Канлы*.

-liq (-lik, -luq, -lük) – аффикс, образующий от именных основ существительные с собирательным значением, характеризующий место

скопления предметов, названных исходной основой (см. также *-laq*): г. *Сабанлик-Оба*, *Самналих* у Байдарской дол., ист. *Гумурлюк-Чокрак*, *Тюллюк*, *Усаклик-Чокрак*, лес *Чумдуклик*, пещ. *Паско-Саван-Харлих* на Караби-Яйле, р. *Чатирлик*, ур. *Бакла-Терпелик(Черпелик)*, *Хавалих* в Байдарской дол., *Юртлук* около с. Байдар, яр *Кисерлик*, с. *Карачарлик*, *Темир-Убалик*, *Темишлик*, *Юварлик*; от названий деревьев и другой растительности: ур. *Айвалик*, *Артичлик*, *Ашламалик*, *Ериклик*, *Япушханлик*, г. *Армутлук*, горный массив *Курюшлюк-Бурун*, р. *Алмалих-Узень*, б. *Джевизлик*, местность *Чагирлик-Арды*, с. *Камишлик*, *Чермалик (Чилмалик)*; от названий зверей и птиц: г. *Гугерджинлик-Кая*, с. *Каргалик*, *Куртлук*; со значением "имение данного лица" от титулов: с. *Калгалик-Ери*; этнонимов: с. *Ногайлик*, *Османлик*.

Пашалык – округ, образование от *паша* – высокий титул в политической системе Османской империи + *-liq*. *Ханлык* – ханское сообщество, образование от *хан* – тюрско-монгольский титул + *-liq*. Очевидно, наименования селений связано с историческими традициями дислокации высших чиновников на территории данного региона.

-ma (-me) – аффикс, образующий от глагольных основ существительные, обозначающие действие или состояние, и прилагательные со значением подверженности действию: *atlama*, *avdarma*, *aylanma*, *ketme*, *saritma*.

-ma- (-me-) – аффикс, образующий отрицательную форму глаголов: *Коркма-Балам*.

-maz (-mez) – аффикс, образующий отрицательную форму причастия настоящего-прошедшего времени; субстантивированные причастия имеют значения "лишен того, что названо исходной основой": с. *Бичак-Кирмас (biçaq* "чем", *qır-* "уничтожать"), *Веритемас (ber- / ver-* "давать", *verit-* "даваться"), *Горямес*, *Куремес*, (*kör-* "видеть", *körün-* "показываться", *körünmez* "невидимый"), *Гюндеймес (kün* "солнце"; "день", *deg-/tiy-* "касаться"), *Дурмас (dur-* ~ *tur-* "вставать; стоять"), *Кочнес ~ Гочмес (köç-* "переезжать; кочевать"), *Кириномас (qır-* "уничтожать", *qırın-* "уничтожаться", *qırınmaz* "непреодолимый"), *Таймас ~ Тоймаз (toy-* "наедаться", *toymaz* "ненасытный, прожорливый").

-nen кр.-тат. (тур. **ile, -le, -la, ilen**) – "с", "вместе с", "от", "через", "и": ист. *Уйянен-Су* (см. также **-niñ**).

-niñ (-niñ, -nuñ, -nüñ) – аффикс родительного падежа; в изафетной конструкции в родительном падеже стоит существительное, которое выполняет функцию определения (см. также *-i*): б. *Фумянин-Дереси*, г. *Виглянин-Бурну*, дорога *Виглянин-Йолу*, г. *Малбанин-Хири*, *Стаурнин-Бурну*, ист. *Басарнин-Кишмеси*, *Хауджиларин-Кишмеси*, *Узенин-Козю*, *Чубурин-Кишмеси*, *Явлицинин-Чокрак*, дол. *Лячинин-Джилгаси*, с. *Ейнин-Ерлери*, ск. *Кильсенин-Хаяси* на г. Демерджи, ур. *Капуларнин-Богаз*, *Кастронун-Кьози*, *Папанин-Хораси* на Караби-Яйле, *Хамишин-Кобкеси*, яр *Каян-Арди* в с. Буюк-Озенбаш.

-niñki (-niñki) – В.А. Бушаков считает, что в данном случае имеет место «сочетание существительного в родительном падеже с аффиксом *-ki*», в результате чего образуются ойконимы со значением "то, что принадлежит данному лицу" от антропонимов и титулов [Бушаков, 2003, 260]: *Есен[i]нки* ("Эсеново имение"), *Казанки*, *Казининки*, *Каранки* (два ойконима), *Коштанки-Керлеут*, *Коджалки* и *Гери-Коджалки* (*Ельгери-* и *Сиртке-Коджалки*) (*n* → *l*), *Молланинки*, *Ногайники* ("Владения ногайцев"), *Ойсунки* ~ *Ойсунку* (возможно, от антр. *Ойсул*), *Темиринки* (*Темирник*), *Уруснуки* (*Уруснуку*), *Черкезинки*, *Якишиники* (*Яшиники*). Подобные примеры В.А. Бушаков приводит и в исследовании «Тюркская этноойконимия Крыма» (1991), ссылаясь на мнение Э.В. Севортыяна [Севортыян, 1966, 242]: «Ойконимы на *-нынъки -нинъки* представляют собой антропоним в родительном падеже, субстантивированный суффиксом *-ки*: *Казынинки* – (деревня), принадлежащая кадию, *Каранки*, *Откары-* и *Эльгеры-Коджанки*, *Молланынки*, *Темиринки*, *Черкезинки* и др.» [Бушаков, 1991, 63].

По нашему мнению, данное утверждение верно лишь для части топонимов (точнее, ойконимов), так как не все топонимы укладываются в указанную схему, и в большинстве случаев мы имеем дело с влиянием русских ойконимных моделей *pluralia tantum* с суффиксами *-инк(и)* (*Новинки*, *Первинки*), *-к(и)1* (*Прятки*, *Жмурки*), *-к(и)2* (*Березки*, *Осинки*, *Липки*, *Дубки*), *-нк(и)* (*Останки*), *-ник(и)* (*Пятидесятники*, *Шутники*), *-ик(1)* (*Тупики*, *Рыжики*), *-ик(и)2* (*Дворики*, *Зайчики*)

и без суффиксов (*Балки, Барсуки*). Особенно это актуально для мест совместного проживания тюркских и славянских народов.

-sız (-siz, -suz, -süz) – аффикс, образующий от именных основ прилагательные со значением отсутствия того, что названо исходной основой: горный проход (перевал) *Менсиз-Богаз, Миессис-Богаз-Сохах*, с. *Сусуз-Баг*.

-ş (-aş, -eş, -iş, -iş) – аффикс тюркских антропонимов, отраженных в ойконимии Крыма: *Аблаш-Конрат, Аблеш, Бекеш, Бокеш (Букеш), Боташ, Бурнаш, Джумаш-Кирк, Едиш, Ибраш-Ели, Кадиш, Кайнаш, Мавлеш-Киргиз, Мавлюш, Мелеш, Мемеш, Минеш, Мушаш, Отеш, Отеш-Ели, Ромаш-Ели, Султанаш, Татиш-Конрат, Тегеш* (ср. *Теге*), *Тлеш, Тоганаш, Траш-Конрат, Тураш, Яниш(Джаниш)-Такил*.

-şa – аффикс ряда антропонимов, отраженных в ойконимии Крыма: *Аманша, Багадириша-Биели, Кадириша-Сарай, Мурадша-Сарай, Перанша*.

-t, -ut – монгольский аффикс множественности, присущий этнонимам монгольского происхождения, отраженным в крымской топонимии: *Bayaut, Besit* ~ *Mesit, Curat, Çuyut, Dulat, Kereyit, Qarañit, Qiyat, *Qaynaut, Qoñrat, Mañit, Merkit, Secevut, Uñgut*.

-ta (-te), см. **-da**.

-tan (-ten), см. **-dan**.

-tay (-day) – аффикс, присущий монгольским антропонимам, имеющий значение "подобный кому-, чему-либо": с. *Калантай (Калимтай)* (ср. кирг. *quluntay* бодрый и живой, букв. "как жеребенок-сосунок", от *qulun*; кт *quluntay* "жеребенок"), *Чеголтай*.

-ti, см. **-di**

u- (ü-), см **i-**.

-y (-ay, -ey) – аффикс, характерный для тюркских антропонимов, отраженных в ойконимии Крыма: *Абай, Агай, Аджай, Аджай-Кат, Антай, Атай, Аджи-Мушкай, Багай, Бакшай, Джелішай, Коджай, Кошай, Мамашай, Тук-Мамашай, Мишай ~ Мушай, Осалай, Самай, Тазанай, Топай-Кемельчи, Тотай*,

Тотай-Кой, Тотай-Афуз, Тотанай, Кара-Тотанай, Товмай, Тракай-Ишунь, Ту(в)атай, Тукей-Улан, Тюбей, Черкез-Тобай.

-уан (-уен), см. **-ан**.

Некоторые аффиксы не участвуют непосредственно в образовании топонимов, но проявляются в производящей основе. Так, глагольный аффикс – *мак, -мек* обнаруживается в ойкониме *Калтамак* (варианты *Култамак, Кылтамак, Колтомак, Кул-Тамак*) – образование от *кул* "невольник, слуга" и *тамак* "править".

Взаимодействие тюркских и славянских языков (в данном случае русского) проявляется также в образовании относительных прилагательных от тюркских топонимов с помощью русских суффиксов. См., например: *Байдарская долина (Байдар-Ова)*, кр.-тат. *пайдар* "великолепный, отличный", *ова* "равнина"; п-ов *Тарханский кут (Тарханкут)*, *тархан* "свободный от повинностей и налогов"; вдхр. *Тайганское (Тайган)*, *тайган* "борзая собака"; оз. *Тобечикское (Тобечик)*, *тобечик* "холмик, вершинка"; пещ. *Узунджинская (Узунджа)*, *узунджа* "довольно длинная".

Под влиянием (и с использованием суффиксов) русского языка возникают также топонимы разговорной речи: р. *Дерекойка (Дерекой)*, *дере* "долина", *кой* "деревня"; р. *Карасёвка (Кара-Су)*, *кара* "чёрный", *су* "река", на основании фонетической аналогии стала называться *Карасёвкой*.

Активными в сфере топонимии являются следующие русские форманты:

–овк(а) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами женского рода; присоединяются к основе мотивирующих имен существительных, примыкая непосредственно к корню. Словообразовательный суффикс ударен. См.: *Балабановка* < *Балабан*.

с. *Балабановка*, старое название района Николаева (сейчас Корабельный), образование от *balaban* кр.-тат., тур. "большой, великан", "охотничий сокол", ср. др.-тюрк. *balbal* "балбал", ритуальный камень, символизирующий человека, тур.

rehlivan "борец, богатырь" < перс. *pählevan* герой, "силач, борец" + *-овк(а)*. Ср. – г. *Балабан-Кая*.

р. *Татаровка*, правый приток р. Ривчак (местное название Северосаптовского ручья, л.п. Харькова), образование от основы *Tatar* кр.-тат., ног., тур. "татарин", тур. "гонец", др.-тюрк. название народа, *tataar* халх.-монг. "татарин" + *-овк(а)*. Ср.: – с. *Татар-Кой, Татар-Осман-Кой, Татар-Базар, Татар-Джолман*.

–ов – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами среднего рода:

б. *Асла́нова*, холм. *Аслановы*, крин. *Асланова*, ст. *Асланово* около с. Николаевка, образование от имени *Аслан* < кр.-тат., тур. *aslan* "лев" + *ов(а,ы)*.

р. *Уразова*, л.п. Оскола, образование от *Уразовой слободы*, кр.-тат. *uraz* "счастье" + *-ов(а)*.

Описанная в научной литературе псевдосуффиксация в топониме *Козлов* лишь подчеркивает активность модели: В.А. Бушаков связывает происхождение топонима с основой *küzlev* "осеннее пастбище, осеннее стойбище" и сравнивает его с названиями в других тюркских языках: тур. *güzlek* "осенняя стоянка, место, где проводят осень", кирг. *küzdök ~ küzdöö* "осеннее пастбище", башк. *ködläü* "осенняя стоянка" (при кочевании) – место *Козлов (Közlev ~ Gözlev)* [Бушаков, 2003, 164]. Возможно (и также укладывается в логику формирования ойконимов) образование от *kezlev* (ср. балк. *kezlev*, тат. *kizläü* "источник") – место *Козлов (Közlev ~ Gözlev)* (сейчас *Евнатория*). Переосмысление на основе фонетического сходства привело к формированию ложной словообразовательной модели.

–к(а) – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами женского рода: р. *Каргалка*, приток Сакмары, р. *Каргалка*, приток Сока, р. *Каргалка*, приток Толкишки. На базе этих топонимов образуются сложные или составные топонимы с элементами «верхний», «нижний», «средний» и некоторыми другими: река *Большая Каргалка* – приток Урала, река *Верхняя*

Каргалка – приток *Средней Каргалки*, впадающей в *Каргалку*, река *Сухо-Пусто-Каргалка* – приток *Большой Каргалки*. См.:

б. *Капурка*, образование от *körür* кр.-тат. "мост" + *-к(а)*. Ср.: ур. *Копур-Янунда* около с. Таш-Ярган, ур. *Таш-Кьопрю* около р. Бельбек, овр. *Копур-Кая*.

р. *Большая Карасевка* (*Бьюк-Карасу*), л.п. Салгира, *büyük* кр.-тат., тур. / *biyüik* кр.-тат., "большой" + *kara* тур., "черный, темный" и *su* кр.-тат., ног., др.-тюрк. / *su* "вода, река" + *-к(а)*. Ср.: р. *Биюк- и Кучук-Карасу*, *Кара-Су*.

хор. *Карасевка* в Мариуполе, образование сходно с образованием гидронима крымской зоны *Кара-Су* "черная вода" + *-к(а)*.

р. *Аджамка* (*Аджимка*, *Аджинка*), л.п. Ингула, М.Т. Янко связывает образование с тур. *аджам* "перо" < перс. *аджам* "перо" + *-к(а)*. Применительно к гидрониму вероятнее образование от *аси* кр.-тат. / *аси* тур. "кислый, горький, неприятный на вкус" + *-к(а)*; протетический сонорный *м/н* характерен для славянских языков. Ср.: минеральный ист. *Аджису* около с. Коккоз, р. *Аджису* (л.п. Бельбека), яр *Аджи-Су-Ечи* около с. Коз (вода здесь имеет горько-соленый вкус).

р. *Бианка*, л.п. Ингула, М.Т. Янко связывает образование с *baу* кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк., перс. "богатый, хазяин, правитель" + *уап* кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "бок, сторона, окружающая местность" + *-к(а)*. Ср.: хутор *Бай-Су*, с. *Бай-Абаи*, *Байбору*, *Байгоджа*, *Байгельди*. По нашему мнению, данное предположение не очень убедительно. Вероятнее, в основе топонима лежит антропоним либо родо-племенное название *Baуит* антр. < *Baутиһаттад*; замена сонорных *м/н* возможна при взаимодействии тюркских и славянских языков. Ср.: с. *Баим* (два ойконима), *Баим-Чонгурчи*.

р. *Байдарка* (*Байдар*), л.п. Черной, М.Т. Янко связывает образование с тат. *байдар* "замечательный" + *-к(а)*. Мы согласны с мнением В.А. Бушакова, который выводит значение от антропонима *Baуdar* (*Байдар*, сын Чагатая, принимавшего участие в походах Батыя); *baudar* ~ *baytar* кр.-тат., *baytar* тур. "коновал, ветеринар-травник", *beutar* перс. "ветеринар" < араб. *baytār* "ветеринар, коновал" – с. *Байдар*,

Байдарская долина (Baudar iva) [Бушаков, 2003, 123], ср. Также: род *байдар* у акногайцев и монголов, личное имя *Байдар* у калмыков.

р. *Балаклейка* (*Балаклея, Баликлейка, Баликлея, Будуклея, Буликлея*), л.п. Северского Донца, тур. *balıklı* "рыбное место" + *-к(а)*.

р. *Иченька* (*Ичень, Ичня, Иченка*), л.п. Удая, тур., кр.-тат. *ичен* "напиток" + *-к(а)*.

Очевидно, данный суффикс не следует смешивать с топонимом *-ка* ряда топонимов румейского происхождения: ур. *Аврека* у с. Улу-Узень, *Алака, Камака* около с. Субаш, *Канака* около с. Кучук-Узень, *Керанутка-Чаїр* около с. Коккоз, *Мачутка-Дере* около с. Форос, *Ностка* около с. Шума, *Окурка* около с. Фоти-Сала, с. *Алупка, Аутка* (см. *avit*), *Варнўтка, Вісетка, Кучка, Мухалятка, Мишўтка* (*Пишатка*), *Савўтка*.

р. *Ташанка* (ранее *Ташан*), л.п. Супоя. М.Т. Янко связывает гидроним с тюрк. *taş* кр.-тат., др.-тюрк. "камень, каменный" + *-к(а)*. В этом случае не совсем понятной оказывается наращение основы компонентом *-ан*. Нам кажется более реальной связь топонима с основой тур. *taşan* "сходящая с пути, изменившая направление" (*о реке, воде*) + *-к(а)*. Ср. с турецкой фамилией *Таşан*.

р. *Ташличка*, л.п. Южного Буга, образование от *taş* кр.-тат., др.-тюрк. / *daş* тур. / *tas* ног. "камень, каменный" + тюркский суффикс собирательности *-lıq* + *-к(а)*. Дооформление русским суффиксом и флексией женского рода происходит на основании связи с мотивирующим географическим термином «река».

Очевидно, некоторые топонимы, внешне похожие на оформленные русскими аффиксами, имеют другую структуру («псевдосуффиксальное оформление»). Например, гидроним *Бешка* (*Бекша*), р., л.п. Ингульца. М.Т. Янко пишет о том, что некоторые исследователи, учитывая вариант Бекша, связывают гидроним с турецким или татарским "полевой город". Однако подобное толкование он считает малоубедительным. Он разделяет точку зрения исследователей, которые полагают, что гидроним *Бешка* происходит от тюркских компонентов *beş* кр.-тат., тур., др.-тюрк. "пять, пятеро" и *qaya* кр.-тат., ног., др.-тюрк. / *kaşa* тур. "скала, утес, обрыв, твердый камень". «Бешка, кроме того, несет в себе культурно-историческую информацию о тюркском этносе: отражает

религиозно-символическое число пять, которое у мусульман влияло на создание тюркских, иранских, арабских географических названий» [Янко, 1998, 39]. Это влияние распространяется и на пограничные с ним славянские географические названия. Ср.: г. *Бешев*, с. *Бежетне*, лес *Беш-Йол*, с. *Беш-Аран* (*Beşaran*), *Беш-Аул*, *Беш-Ель*, *Беш-Коджа*, *Беш-Пилав*, *Беш-Тарим*, *Бешуй* (два ойк.), р. *Бештерек* (*Beşterek*), г. *Беш-Оба*, ур. *Бешташ*, котловина *Беш-Текне*, кад. *Качи-Беш-Пареси*, *Ташли-Шейх-Ели-Беш-Пареси* и *Чоюнчи-Беш-Паре*.

б. *Харла́йка*, л.п. Шайтанки, п.п. Мокрых Ялов, образование от *çiqur* кр.-тат. / *çikir* тур. "яма, углубление, котлован, выбоина, низина, лощина" + *-li* + *-k(a)*. Первоначальное название *Чухурлы тарамá* (*Чухарлай*). Ср.: яр *Чугур*, яр, г. *Чукур-Кая*, г., с. *Чокур*, б. *Чокур-Дере*.

мог. *Шайта́нка*, на правом берегу р. Шайтанки, образование от *şeytan* кр.-тат., тур. "черт, дьявол, сатана" < араб. *şaytān* "сатана, дьявол, демон" + *-k(a)*. Ср.: б. *Шейтан-Дере* на западе от Судака, г. *Шайтан-Тене* на Караби-Яйле, горный проход *Шейтан-Мердвен*, ист. *Шайтан-Чокрак*, пещ. *Шайтан-Коба*, ск. *Шайтан* и г. *Шайтан-Капу* в массиве Карадаг, ск. *Шейтан-Таш* около с. Коуш.

–иц(а) – достаточно продуктивная в топонимии словообразовательная единица с адъективным значением, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами женского рода.

р. *Тисменица* (*Тисмяница*), п.п. Быстрицы-Тисменицкой. М.Т. Янко выводит название от Тясмин, *taş* кр.-тат., др.-тюрк. / *daş* тур. / *tas* ног. "камень, каменный" + *-ин/-ян-* + *-иц(а)*, определяя значение, как "каменистая" [Янко, 1998, 307]. Эта версия кажется нам малоубедительной.

–ец – достаточно продуктивная в топонимии словообразовательная единица с предметным значением, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами мужского рода. См.:

р. *Булатец*, л.п. Сулы, М.Т. Янко связывает топоним с тур., кр.-тат. *bulaq* "источник, ручей" + *-ец*. По нашему мнению, ближе отантропонимное происхождение: *Vulat* антр., *bulat* кр.-тат., *bolat* ног., *pulat* тур.. Ср.: с. *Булат-*

Сарай, Булат-Ходжа(Коджа), Аджи-Булат, Берди-Булат, Темир-Булат, Сеит-Булат.

р. *Изюмец (Мокрый Изюмец, Изюм)*, л.п. Северского Донца, название от гидронима *Изюм + -ец*.

р. *Яланец*, л.п. Савранки, М.Т. Янко выводит название из *ял* «степь, равнина, долина» + *-ец*. Нам ближе версия образования от *yalan* кр.-тат., тур. / *calan* кр.-тат. / *yalğan* ног., др.-тюрк. "ложь, неправда, обман"; "ложный, обманчивый, непостоянный". Применительно к гидронимии может толковаться как «обманчивая, переменчивая река». Ср.: ист. *Джалан-Чокрак* у б. *Джалан-Дере*. Возможно также образование от глагольной основы *yala-* кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. "лизать" со значением «лижущая река», что очень характерно для описательной, метафоричной тюркской топонимии. Ср.: ск. *Тильки-Ялаган-Бурун*.

-ик – достаточно продуктивная в топонимии словообразовательная единица с предметным значением, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами мужского рода. См.:

оз. *Качик*, юг Керченского п-ова, образование от *qaşıq* кр.-тат., *kaşık* тур. "съехавший, сдвинувшийся, наклонившийся" (*qaş-* кр.-тат., др.-тюрк. / *qaş-* ног. / *kaş-* тур. "убегать, бежать") + *-ик*. Вполне реально образование от диалектного значения: ср. каз. *qaşıq*, кирг. *qaşıq* "далекий". Возможно также происхождение от *qaşı* турк. "гребля" либо от родо-племенного названия (см. главу I диссертации). Ср.: р. *Кача (Qaşı)*, ойк. *Сандик-Качи (Sandıqqaşı)* в Туркмении. Псевдосуффиксация – происхождение от тур., кр.-тат. *küçük* "маленький", которую предполагает М.Т. Янко, маловероятна. Ср.: м. *Качик*, м., оз. *Таш-Качик*, г. *Качик-Сараман*, с. *Качик*, *Джага-Качик*, *Джермай-Качик*, *Кашик-Термень*. Возможна псевдосуффиксация от тур. *kaşık* "съехавший, сползший, наклонившийся, покосившийся": тогда м. *Таш-Качык* на черноморском берегу Керченского полуострова может толковаться как "сползший, покосившийся камень", а озеро – считать номинацией по орониму.

-чик – достаточно продуктивная в топонимии словообразовательная единица с уменьшительным значением, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами мужского рода. См.:

р. *Сухой Яланчик*, п.п. р. *Мокрый Яланчик*, образование от *yalan* кр.-тат., тур. / *calan* кр.-тат. / *yalgan* ног., др.-тюрк. "ложь, неправда"; "обман; ложный, обманчивый, непостоянный" + *-чик*. (См. толкование гидронима *Яланец* выше.)

-еск – нерегулярная, непродуктивная в топонимии словообразовательная единица с адъективным (относительным) значением, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами мужского рода. См.:

р. *Торческ (Торцеск)*, л.п. Роси, образование от др.-тюрк. этнонима *торк* "тюрок" > гидр. *Торч* + *-еск* кажется нам маловероятным. Возможно, образование от глагольной основы *tirke-* кр.-тат., ног. "прицеплять". Ср.: руч. *Турке* (приток Бурульчи). Можно предположить связь с основой *gür I* кр.-тат., тур. "пышный, густой, громкий, звучный, большой" (*о воде, дожде*). Ср.: ист. *Кюр-Чешме*.

-ск(ий) – регулярная и продуктивная в топонимии словообразовательная единица с адъективным (относительным) значением, выделяющаяся в топонимах, мотивированных географическими терминами мужского, женского, среднего рода. См.:

пер. *Акмонайский*, соединяет Крымский п-ов с Керченским, образование от *aq* кр.-тат., ног., др.-тюрк. / *ak* тур. "белый, светлый" и монг. *монай/манай* "наш" + *-ск(ий)*.

оз. *Акташское*, у северо-западной части Керченского п-ова, образование от *aq* кр.-тат., ног., др.-тюрк. / *ak* тур. "белый, светлый" и *taş* кр.-тат., др.-тюрк. / *daş* тур. / *tas* ног. "камень, каменный", «белый камень» + *-ск(ое)*. Ср.: с *Ак-Таш* (два ойконима), ист. *Ахташлар*, *Ак-Чокрак*, с. *Ак-Чокрак*, *Ак-Кую-Битак*.

кос. *Арабатская Стрелка*, коса, отделяющая Сиваш от Азовского моря, образование от ойконима (крепости) *Arabat* < др.-тюрк. *arabat* "передместье" + *-ск(ая)*.

пер. *Байдарские ворота*, перевал в Крымских горах, образование от антропонима *Baudar* + *-ск(ие)*. (См. толкование гидронима *Байдарка* выше.)

кос. *Бугазская*, коса, отделяющая Днестровский лиман от Черного моря, *boğaz* кр.-тат., тур. "горло", "ущелье, горный проход, перевал", "протока" + -*ск(ая)*. Ср.: горный проход *Ай-Тамган-Богаз*, *Аликотбогаз* (*Алакат-Богаз*), *Ангар-Богаз*, *Байдар-Богаз*, *Гаврель-Богаз*, *Гаспра-Богаз*, *Гурбет-Дере-Богаз*, *Ески-Богаз* (*Фороз-Богаз*).

оз. *Геническое*, пр. *Генический*, около г. *Геническа*, образование от старой формы топонима *Енич* от *уайи* кр.-тат., ног., др.-тюрк. / *уейи* кр.-тат., тур. / *уени* тур. "новый" > *Генич* + *-ческ* + *-ск(ий/ое)*, наложение суффиксальных морфем. Ср.: с. *Яникой*, *Яни-Джандевлет*, *Яни-Кат*, *Яни-Мангит*.

дор. *Изюмский шлях*, дорога, по которой крымские татары совершали набеги в Россию, название от ойконима *Изюм* + *-ск(ий)*.

зат. *Казантипская*, затока на юге Азовского моря, название от оронима м. *Казантип* < *qazan* кр.-тат., ног. / *qazğan* кр.-тат. / *kazan* ~ *kazğan* тур. / *ğazğan* перс. "казан, котел" и *тере* тур. "вершина, холм" + *-ск(ая)*. Ср.: м. *Казантип*, пещ. *Казан-Дере* на г. Ай-Петри, г., с. *Казанли* (см. -*ли*), с. *Казантип*, камень *Казан-Таши* около с. Чоргун, ист. *Хазан*, *Хазан-Суат*; г. *Тене* (*Даг-Тенеси*), *Уксек-Тене*, *Черкес-Тене*, *Шайтан-Тене*, *Шапу-Тене*, *Юкитене*.

р. *Кизилташский Струмок*, п.п. Отуза, образование от *qızıl* кр.-тат., ног., др.-тюрк. / *kızıl* тур. / *qızıl* др.-тюрк. "красный" и *taş* кр.-тат., др.-тюрк. / *daş* тур. / *tas* ног. "камень, каменный" + *-ск(ая)*. Ср.: г. *Кизил-Таши* (пять номинаций).

оз. *Камыш-Бурунское*, на востоке Крымского п-ва, название от оронима м. *Камыш-Бурун* < *qamış* кр.-тат., др.-тюрк. / *katış* тур. / *qamış* ног. "камыш, тростник", "камышовый, тростниковый" и *birün* кр.-тат., ног., тур., др.-тюрк. / *tiğin* кр.-тат. "нос, клюв, мыс, выступ", «тростниковый мыс», + *-ск(ое)*. Ср.: м. *Камыш-Бурун*, паст. *Камуш-Кора* около с. Чавке.

мест. *Кучук-Ламбатский хаос*, местность на южном побережье Крыма, образование от оронима *Кучук-Ламбат* < *küçük* кр.-тат., тур. / *kiçig*, *kiçüg*, *kiçük* др.-тюрк. "малый, маленький" + гр. *ламбат* "маяк" + *-ск(ий)*.

р. *Мокрая Сарматская*, бас. Миуса, по мнению Е.С. Отина, образование от кр.-тат. *сарма* (*сорма*) "перекат", "брод". По нашему мнению, возможно образование от тур. *sarman* "величественный", "великий, крупный" + *-ск(ая)*.

оз. *Хаджибейский лиман*, северо-западное побережье Черного моря, модификация гидронима *Хаджибей* < антр. либо родо-племенное название *гаджибей* + *-ск(ий)*. Ср.: с. *Хаджи-Сала*, *Гаджи-Бай*, *Гаджи-Гасан*, *Аджи-Байчи*, *Аджи-Бешер*, *Аджи-Бике*, *Аджи-Булат* и под.

оз. *Тилигульский лиман*, побережье Черного моря, возможно образование от кр.-тат., ног. *tilek* "желание", от *tile-* "желать, хотеть", тур. *dilek* "желания, просьбы, мольбы", от *dile-* "желать, хотеть; умолять, просить" и тур. *göl* "озеро" + *-ск(ий)*. В компоненте *Tüle* В.А. Бушаков видит антропоним и связывает его образование с культовыми традициями тюркских кочевых народов, см.: «...кирг. *tilek* ~ *tilöo* "просьбы, желания", от *tile-* "просить, желать", *tülöo* "просьбы, желания; жертвоприношения у священных рощ и источников (мазаров) во время мусульманских праздников, а также при стихийном бедствии (засуха, джут, землетрясение и т.д.)» [Бушаков, 2003, 223].

III. Составные топонимы (состоящие из двух и более слов).

Составные топонимы Северного Причерноморья, на наш взгляд, можно классифицировать с учётом их количественного состава. В зависимости от этого географические названия делятся на две большие группы. К первой группе относятся двучленные (состоящие из двух компонентов) топонимы.

Двучленные номинации этой группы в топонимии представлены достаточно активно, чаще всего они содержат компоненты-распространители «большой», «малый», «верхний», «нижний», «другой», «второй», «третий», «четвёртый»: сёла *Бьюк Мускумья* (*Büyük Muskumya*, Крым), *Сагыр Мускумья* (*Sağır Muskumya*, Крым), *Другой Джургани* (*Öteki Curgani*, Крым), *Другой Байдар* (*Öteki Baydar*, Крым), *Другой Кады* (*Öteki Kadı*, Крым), *Другой Ауруги* (*Öteki Ayrigül*, Крым), *Бьюк Ламбат* (*Büyük Lambat*, Крым) и *Другой Ламбат* (*Öteki Lambat*, Крым).

Встречаются и другие определяющие элементы: *Восточный Булганак*, *Западный Булганак* (Крым) и подобные.

Вторая группа включает топонимы трёхчленной структуры, имеющие в составе три элемента: *Бьюк Еникой ашага* (*Büyük Yeniköy Aşağı*, Крым), *Бьюк Еникой Екары* (*Büyük Yeniköy Yukarı*, Крым), *Другой Хадыр Ага* (*Öteki Hadır Ağa*, Крым), *Другой Эфендий-киой* (*Öteki Efendi Köyü*, Крым), *Третий Эфендий-киой* (*Üçüncü Efendi Köyü*, Крым), *Алты Пармак Яниджи* (*Altı Parmak Yanıcı (Yanıcı/Yenici, Yenice)*, Крым), *Отар Ток Задин* (*Otar Tok Zadin*, Крым), *Бьюк Ток Задин* (*Büyük Tok Zadin*, Крым), *Другой Гюк Гюс* (ср.: двухкомпонентный *Гюк Гюс* (*Gök Göz*), Крым), *Третий Гюк Гюс* (*Gök Göz*, Крым), *Другой Феттах Сала* (*Öteki Fettah Sala*, ср.: *Fettah Sala*, Крым), *Третий Феттах Сала* (*Üçüncü Fettah Sala*, Крым), *Четвёртый Феттах Сала* (*Dördüncü Fettah Sala*, Крым), *Другой Кучук Узенбаш* (*Öteki Küçük Üzen Baş*, ср.: *Küçük Üzen Baş*, Крым). Наиболее активны компоненты «большой», «второй», «другой», «третий», которые присоединяются к составному имени.

Достаточно активны в качестве первого компонента патронимы и родовые наименования: *Азым Чокрак* (*Azım Çordak*, Крым), *Ибрагим Бай* (*İbrahim Bay*, Крым), *Молла Эли* (*Molla Eli*, Крым), *Хан Эли* (*Han Eli*, Крым), *Гаджи Бик* (*Hacı Vik*), Крым).

Отдельно следует рассмотреть топонимы-предложения, которые структурно являются двух-трехчленными и представляют собой предикативные единицы: река и водопад *Аю-кечнес / Аюкечнес* [*Ay geçmez*] – «Медведь не пройдет» (река протекает неподалёку от хребта Корбу, водопад назван по реке, расположен на правом берегу Телецкого озера, между устьем реки Корбу и мысом Черлок). А.К. Матвеев в одной из своих работ приводит в качестве примера казахский глагольный топоним *Бие ольген*, который переводится как «лошадь издохла» [Матвеев, 1965, 5]. Сюда же относятся рассмотренные выше топонимы-предложения с компонентом *öl-* "умирать": ур. *Мемет-Ольдек-Дере* [*Mehmet'in öldüğü dere*] "Река, где погиб Мехмет" (Крым), с. *Ölmez Köyü* "Не умрет" (Турция, провинция Алтынэкин, г. Конья).

Кроме того, отметим интересные с точки зрения структуры топонимы, выбранные из разных источников:

as- "вешать, подвешивать" – г. *Борю-Аскан-Кая* [Börü asqan qaya] "Скала, где повесили волка" около с. Сабаг-Эли;

at- "бросать, стрелять" – ск. *Ташаткан-Кая* [Taş atqan qaya] "Скала, что бросает камни" около с. Аян (-*gan* – тюркский причастный аффикс настоящего-прошедшего времени);

aq- "течь, литься, сочиться" – ист. и овраг *Су-Аханде* [Suv aqan], "(Яр), где течет вода" (в -*де* следует видеть аффикс местного падежа -*da*);

aylan- "поворачивать, возвращать" – с. *Айлянма* [Aylanma] «Поворот», г. *Айлянма-Кая* [Aylanma qaya] "Скала, около которой поворачивают";

bağla- "связывать, привязывать" – ур. *Огуз-Баглан* [Ögüz bağlan] "(Место, где) привязывали быка" на западном склоне г. Эчки-Даг;

bas- "наступать, давить, топтать, ступать" – м. *Чобан-Басты* [Çoban bastı] "(Место, где) ступал чабан", с. *Таш-Басты* [Taş bastı] "(Село), которое придавило камнями" ~ *Таш-Баскан-кой* [Taş basqan köy] "Деревня придавлена камнями" (Сюйрень), гора *Басман* [Basman] "(Гора), на которую не ступают";

bat- "погружаться, тонуть"; "заходить" (о солнце); "теряться, пропадать"; *batqan* "затонувший, погибший, пропавший, пропало" – обрыв *Батмуш-Шашма* [Batmış – şaşma!] "Если пропал – не удивляйся!" на г. Аю-Даг, р. *Суботхан* [Suv batqan] "Вода (река), что исчезает" (Сутышкан)

boğul- "быть задушенным, утопиться" – ист. *Углан-Буглан* [Oğlan boğulan] "(Источник, где) утонул парень" в верховье Индола;

çaptır- "перемешивать, бежать" – б. *Су-Чаптран* [Suv çaptıran] "Вода, которая заставляет бежать";

dayan- ~ **tayan-** "опираться, выдерживать, противостоять" – г. *Даяна* (**Dayanaq*; аффикс -*aq* (-*ek*) образует прилагательные от глагольных основ) у с. Шума, *Даянма* [Dayanma] "Опора" или "Не опирайся!" около с. Бахче-Эли;

dök- "лить, выливать, сыпать, насыпать, высыпать"; "терять" (листья), "линять" (о животных, птицах) – с. *Чорба-Докен* [Çorba döken] "Тот, что пролил суп" (антропоним);

kel- "приходить" – ист. *Кельметес* [Kelme tez!] "Не возвращайся быстро!" около с. Шелен (tez быстрый, tez kel! "Возвращайся быстро!"), паст. *Султан-Кельда-Оба* [Sultan keldi oba] "Курган, к которому приходил султан", ур. *Хан-Гельди* [Xan geldî] "(Место, куда) приходил хан" на Караби-яйле;

kes- "резать, разрезать, отрезать" – лес *Ташкесен-Тави* [Taş kesen tav] "Лес (гора), где режут камни";

ket- "идти, ехать" – паст. *Огуз-К[е]тен* [Ögüz keten] "(Место, откуда) исчез бык";

qorq- "бояться, пугаться" – ск. *Кор[к]ма-Балам* [Qorqma, balam!] "Не бойся, дитя мое!", находится на расстоянии четырехсот метров от ск. *Вай-Анам-Хаяси* [Vay, anam! qayası] "Скала Ой, мама!" в долине Качи, около ур. Качи-Кальон;

tır- "карабкаться, взбираться, вылезать" – г. *Тырма-Кая* [Tırma! qaya] "Скала, на которую надо карабкаться" или "Скала "Не влезай!", пастбище *Тырма-Кая* у с. Капсихор, ист. *Тырма-Кешме* [Tırma! keşme] около с. Дурмас [Durmaz];

yaşır- "прятать, скрывать", *yaş-* "прятаться, скрываться" (*yaşmaq* вид чадры) – ск. *Кыз-Яширган* [Qız yaşırgan] "(Место), где прятали девушку (девушек)" [примеры по: Бушаков, 2003, 252–254].

Похожие «описательные» топонимы-предложения обнаруживаются и в других тюркских языках, ср. киргизские топонимы: руч. *İt aqar* "(Река), что уносит собаку", ур. *At çabar* "(Место), где проводят гонки лошадей", г. *İz basar* "(Гора), по которой идет след"; пик *Ulaq embes* "(Гора), на которой козленок НЕ сосет молоко", ур. *Börü körbös* "(Впадина), которую волк не видит", ур. *Cel tiybes* "(Впадина), в которой не дует ветер", г. *Kün tiybes say* "Речная долина, на которую падает солнечный луч" [Конкобаев, 1980, 256–257]; тур.: с. *Güvendik Köyü* "Мы доверяем" (г. Чорум., Турция).

Отметим также, что для турецкой топонимии в целом более характерны отпричастные образования. См., например: с. *Yerebakan Köyü* "Смотрящая вниз" (около г. Чорум, Турция), с. *Kaımaz Köyü* "Нескользящая", (около г. Чорум, Турция), с. *Koıuncular Köyü* "Выращивающие / продающие овец" (провинция Боздоан, около г. Айдын).

Таким образом, каждая из выделенных групп отличаются определённым набором структурных типов топонимов, которые характеризуются своими синтаксическими связями и отношениями, а также частеречной принадлежностью их компонентов.

4. Взаимодействие на морфолого-синтаксическом уровне.

На морфологическом уровне происходит частичное или полное приспособление иноязычных топонимов к морфологическим закономерностям принимающего языка.

Различия в морфологических системах славянских и тюркских языков, в частности русского и турецкого, объясняет тот факт, что степень адаптации топонима может быть различна в том или ином языке. Поскольку большинство из заимствованных топонимов по своему происхождению – имена существительные или атрибутивные сочетания, наиболее ярко грамматическая ассимиляция тюркизма проявляется в русском языке в категориях рода, числа, падежа, а в турецком языке, ввиду отсутствия в нём категории рода, в категории числа и падежа.

Попадая в русский язык, тюркские лексемы-существительные приобретают грамматическую категорию рода (не свойственную морфологическому строю тюркских языков), систему падежных значений; некоторые под влиянием внешнего облика тюркских слов сохраняют исконную неизменяемость.

Распределение заимствованных тюркских топонимов по родам подчиняется принципу мотивированности. Хотя в разговорной речи чаще действует принцип внешних аналогий. Так, топонимы, внешне похожие на существительные мужского рода, типа *Албат*, *Севриташ* и подобные на территории Крыма в разговорной речи начинают функционировать как русские существительные мужского рода. Это подтверждается и наличием топонимических дублетов *Другой Албат*, *Третий Албат*, *Другой Севриташ*, *Третий Севриташ*. Топонимы типа *Алма (река)*, *Кача (река)*, *Тузла (коса)*, *Киик-Коба (пещера)*, *Енисала (деревня)*, имеющие финали *а/я*, изменяются как существительные женского рода. К женскому же роду на основании семантического переноса относятся и крымские

топонимы типа *Бештерек* (река), *Бюк-Карасу* / *Буюк-Карасу* (река); *Булганак* (река), *Енисала* (пещера), *Опук* (гора, но *Опук* – мыс – м.р., *Опук* – озеро – ср.р.), *Таракташ* (река, но *Таракташ* – хребет – м.р), *Тырке* / *Турке* (гора), *Уч-Баиш* (гора, но *Уч-Баиш* – поселение – ср.р.), *Хоба-Тепе* (скала), *Чатыр-Тау* (гора), *Чатырлык* (балка), *Чоргун* / *Казыклы-Озен* (река), *Чурук-Су* (река), *Чуфут-Калё* / *Джюфт-Калё* (гора).

У некоторых топонимов, в основном имеющих финали –и, -у, -е, а также –а, определение рода бывает затруднено в связи с неясностью мотивирующего апеллятива в русском языке и, следовательно, невозможностью выделения мотивирующего слова. Трудно, например, определить, какое родовое понятие (посёлок, поселение, деревня) будет мотивирующим в ойконимах *Кобазы*, *Актатжи*, *Софу*, *Топчу*, *Тюле*, *Кырымдже*, *Феттах Сала*. Ранее применительно к ним использовалось тюркское наименование «кадылак», адаптированное в русском языке в парадигме второго склонения. Это проявляется и в названиях-дублетах: *Другой Кобазы*, *Другой Актатжи*, *Другой Топчу*, *Другой Тюле*, *Другой Кырымдже*, *Другой Феттах Сала*. После 1917 года поселения данного типа стали называться также деревнями и поселениями. Отсюда возникала путаница в определении рода имени собственного.

Тюркская заимствованная лексика в структуре славянской топонимии подвергалась не только соответствующей фонетической, морфологической и лексико-семантической адаптации, но и синтаксическим преобразованиям, подчиняясь синтаксическим закономерностям принимающего языка. Взаимодействие языков на синтаксическом уровне в основном связано с порядком слов в топонимическом субстрате и употреблением топонимов в составе предложений. Согласование топонимов, имеющих заимствованный характер, часто имеет определённые ограничения, которые налагаются законами принимающего языка. Приведём такие примеры.

Топоним *Эчки-Даг* в речи местных жителей функционирует как существительное женского рода по соотношению с мотивирующим «гора» и, возможно, на основании «разговорной» этимологии: кр.-тат., тур. *Эчки* "коза", *даг*

"гора", "козья гора". В справочной литературе мы находим его в качестве существительного мужского рода на основании мотивирующего «горный хребет»:

Знакомьтесь, Эчки-Даг!

Эчки-Даг, или Эчкидаг, в тюркских языках означает «козья гора». Так называют хребет, расположенный в восточной части Крымских гор у берега Черного моря между городами Судак и Феодосия. Приморскую полосу суши у Эчки-Дага географы относят к юго-восточному побережью Крыма – окраине ландшафтной области Южного берега Крыма.

*Эчки-Даг приобретает заслуженную популярность. Открывающиеся с его склонов фантастические пейзажи и великолепные виды заповедного **Кара-Дага**, возможность искупаться в кристально чистой воде и отдохнуть на хорошем широком пляже вдали от шума и суеты населённых пунктов, совершить восхождение на горные вершины и ощутить настоящую красоту дикой природы – всё это привлекает на Эчки-Даг туристов, краеведов, отдыхающих и местных жителей. Здесь проводятся краеведческие и звёздные походы школьников, учебные практики студентов.*

Ближайших подступов к Эчки-Дагу можно достичь на рейсовом автобусе, личном автомобиле, мотоцикле, велосипеде из Феодосии, Судака и Старого Крыма или на теплоходе, отправляющемся во время курортного сезона из Феодосии, Планерского и Судака. Конечные пункты переезда по суше – Курортное, Щebetовка, Солнечная Долина или Прибрежное, а по морю – Курортное и Лисья бухта. Отсюда рекомендуем совершить однодневные пешеходные экскурсии по хребту и его окрестностям [Клюкин и др., 1990].

И, в принципе, это нормальное явление для русского языка. Но в формирующихся интернет-источниках, которые являются сейчас основным источником информации для значительной части населения, уже появляется разноголосица, и в одном абзаце идёт согласование и по женскому, и по мужскому типу, что является показателем морфологической, синтаксической и стилевой неопределённости лексемы. См., например:

«Эчки-Даг (укр. Ечки-Даг, крымскотат. Eşki Dağ, Эчки Дагъ) – горный хребет в Крыму, на берегу Чёрного моря, в районе Лисьей Бухты. Высота – до 670 м.

*Эчки-Даг в переводе с крымскотатарского означает «козья гора» (eşki – коза, dağ – гора). Эчки-Даг имеет три вершины: Кокуш-Кая – «индюшья скала» (крымскотат. köküş – индюк, qaya – скала) – 570 метров, Демямет-кая (611м) и Кара-Оба – «чёрный холм» (крымскотат. qara – чёрный, oba – холм) – 670 метров. **Гора Эчки-Даг – одна из самых высоких в округе. Величественный обнажённый утёс Эчкидага Куш-Кая (птичья скала) возвышается над перевалом Синор и немного ниже главной вершины Кара-Оба».**¹*

Это, на наш взгляд, достаточно интересное явление, не характерное для тюркских языков. И, конечно, подтверждение того, что отбор, анализ и систематизация топонимического материала в библиографических источниках является предметом деятельности специалистов-филологов.

Исследований, посвящённых анализу синтаксического уровня топонимии, очень мало как в русской, так и в турецкой лингвистике. Можно сказать, что они единичны и не образуют чёткой научной системы.

Выводы к главе III

1. Результаты длительного и тесного контакта структурно разнотипных и генетически не родственных славянских и тюркских языков в сфере топонимии представляют значительный интерес с точки зрения специфики их взаимодействия, поскольку данное взаимодействие уже выходит за пределы только лексики и проявляется на всех уровнях языковой системы: фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

2. На фонетическом уровне происходит частичное или полное приспособление тюркских названий к фонетической системе восточнославянских языков (русского и украинского). Слоговой сингармонизм, являясь отличительной чертой тюркских языков, в ситуации заимствования ослабляет свои позиции:

¹ Материал Википедии. [электронный ресурс: <http://www.bing.com/search>] (дата обращения: 03.03.2013)

законы сингармонизма в некоторых случаях не соблюдаются, что приводит к искажению звукового и графического облика топонимов. В случае, когда на «сингармоничное нарушение» накладывается какое-либо ещё явление принимающего языка (словообразовательное или фонетическое), слово приобретает абсолютно гипертрофированные формы.

3. На словообразовательном уровне происходит внедрение структурно чуждых моделей агглютинативного языка в русскую (украинскую) флективную парадигму. Выделение структурных типов тюркских топонимов позволяет выявить специфику взаимодействия тюркских и славянских топокомпонентов и этимологизировать номинации, ставшие результатом исторических модификаций.

4. На морфолого-синтаксическом уровне происходит приспособление иноязычных топонимов к морфологическим закономерностям принимающего языка: формируется грамматическая категория рода, оформляются связи топонимов с мотивирующими словами (географическими терминами), определяются принципы функционирования заимствованных топонимов в структуре славянского предложения.

5. Комплексный анализ заимствованных топонимов на всех уровнях языка (лексическом, фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом) дает возможность создать объективную картину взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере топонимии.

Заключение

Проблемы проникновения тюркских элементов в славянские языки чрезвычайно многоаспектны, но до сих пор ещё недостаточно полно исследованы. В современной лингвистической науке имеются работы общего характера, посвящённые анализу влияния русского языка на лексику, грамматику и фонетику тюркских языков (см. библиографию). Однако исследований, затрагивающих вопросы взаимодействия языков в сфере топонимии, явно недостаточно. Мы нашли несколько работ, посвящённых влиянию тюркизмов на топонимику русского языка, и несколько работ, касающихся славянского влияния на

татарский и некоторые другие языки тюркской группы, однако материала, собранного в них, явно недостаточно для глубокого понимания закономерностей взаимодействия языков в сфере топонимии.

Очевидно, причина такого положения дел обусловлена тем, что выявление тюркизмов в славянских языках сопряжено с целым рядом трудностей. Ареал распространения тюркских языков в средние века был достаточно обширным, в силу чего многие базовые тополексемы оказались общими для целого ряда языков (не только в славянских, но и в других языках сложился целый пласт тюркской топонимической лексики), и освоение топонимов происходило как через прямые контакты, так и опосредованно. Источниками тюркизмов в составе славянских (в том числе и русских) топонимов являются лексемы, заимствованные из болгарских, кыпчакских и огузских языков; разновидностью тюркизмов в составе русских топонимов могут быть и лексемы, проникшие в русский язык через тюркское посредство.

Все перечисленное ставит перед исследователем задачу разграничения группы 1) собственно тюркских заимствованных топонимов и 2) группы «опосредованных» заимствований с тюркскими компонентами. Без этого, очевидно, невозможно объективное выявление субстрата в севернопричерноморских топонимах, возникших в результате взаимовлияния тюркских и славянских языков. См., например, *Айя-Бурун*, м. (территория Крыма), *айя* "святой" (гр.), *бурун* "мыс" (тюрк.), "святой мыс"; *Ак-Мечеть (Ак-Мечит)*, гор. (территория Крыма), *ак* "белый" (тюрк.), *месчит* "небольшая мечеть" (араб.), "белая небольшая мечеть"; *Эски Сарай* (территория Крыма), дер., *сарай* "дворец" (перс.), *эски* "старый" (тюрк.), "старый дворец", а также *Ак сарай* ("белый дворец"), *Ени Сарай* ("новый дворец").

Ещё одной важной составляющей изучения взаимодействия неродственных языков является этимологический анализ. Происхождение многих слов, функционирующих в пределах «зоны контактов», часто остаётся неясным потому, что в результате взаимодействия языков утрачиваются древние связи между словами, изменяются их фонетические и графические характеристики.

Неродственные языки, обладая собственной «чужеродной» структурой, не дают исследователям прямой подсказки в раскрытии значений топонимов. Эту подсказку нужно искать в этимонах, их внутренних связях с другими элементами лексической системы. Часто разрушенные связи между словами, первичные значения слов обнаруживаются только с помощью анализа структуры родственных языков (в данном случае – кыпчакских (ногайского, татарского, киргизского), турецкого и др.). Сравнение архаичных грамматических форм и первичных значений лексем родственных языков помогает прояснению и уточнению семантики компонентов «темных» слов и этапов ее формирования. Это очень трудоёмкий и длительный процесс, требующий от исследователя не только исключительного знания особенностей каждой языковой группы, но и глубоких познаний в области истории, этнографии и культуры.

Данное положение подтверждается мнением А.В. Десницкой, которая пишет: «Изучение проблемы взаимодействия языков должно происходить в непосредственной связи с историей соответствующих народов, с учётом этапа общественного развития, на котором эти народы находятся, а также с учётом лингвистической специфики взаимодействующих языков и наличия или отсутствия родства между ними» [Десницкая, 1956, 70].

Приведём такой пример. В турецком языке слово *Burun* имеет значение "нос, клюв". В крымскотатарском варианте – *turun*, значение аналогично. Но в турецкой топонимике этот термин обычно служит для обозначения морских мысов (например, *Кара-бурун*). А в татарской и крымской топонимике, у всех сухопутных тюрок это слово используется и для обозначения горных вершин или отрогов, выдвинутых в долины, своеобразных сухопутных выступов. Видимо потому, что эта часть горы чем-то напоминает нос: *Ангар-Бурун* – восточная вершина плато Верхний Чатыр-Даг. Название переводится как «мыс над ущельем»; *Эклизи-Бурун* – западная вершина плато Чатыр-Даг («церковный мыс»). См. также другие топонимы крымскотатарско-русской зоны: г. *Аганин-Бурун*, *Ак-Бурун*, *Ангар-Бурун*, *Биюк-Колбурун*, *Виглябурун*, *Джади-Бурун*, возв. *Хилич-Бурун*, *Юртун-Бурун*, м. *Эльбурун*, *Камиш-Бурун*, *Кара-Бурун*, *Кизил-Бурун*,

Кичху-Бурун, Куба-Бурун, Курлюбурун, Лиман-Бурун, Ляконесси-Бурун, Монастир-Бурун, Мурунكير, Сайнин-Бурну, Стаурнин-Бурну, Ташли-Бурун, Утеки-Бурун, Хискуле-Бурун, Чамли-Бурун, ск. Бурунчак (Кииклик) – край плато, на котором находится Чуфут-Кале, Элли-Бурун, Тильки-Ялаган-Бурун.

Мы согласны с мнением А.К. Матвеева, который, во-первых, считает, что выявление субстрата является значимым при сопоставлении неродственных (разноструктурных) языков, а во-вторых, предлагает вести изучение субстратной топонимии, начиная с выявления общих элементов (топоформантов и топооснов), с последующим установлением топонимических типов и их классификации [Матвеев, 1964, 64–83]. Иными словами, в данном случае, чтобы охарактеризовать топонимию, следует предварительно выявить топоформанты и топоосновы, топонимические типы и характер адаптации.

Исследователи отмечают, что одним из эффективных приёмов этимологизации топонимов является «их сопоставление с заимствованными апеллятивами, так как в период возникновения первых собственных имён основой для их формирования могли быть только имена нарицательные» [Федотова, 2009, 19]. В подтверждение приводится мнение А.К. Матвеева о том, что «использование апеллятивных заимствований при этимологизации формантов топонимов обуславливается прежде всего тем, что в качестве топонимических формантов-детерминантов обычно употребляются географические термины, которые в то же время составляют одну из важнейших групп апеллятивных заимствований» [Федотова, 2009, 19, со ссылкой на Матвеева, 2006]. Такими апеллятивами на территории Северного Причерноморья являются огузские по типу слова, называющие: а) объекты орографического характера: *ağız, aylanma, alan, aralıq, arqa, art, ayır, barlaq, basamaq, baş, bayır, bel, bet, boğaz, boynaq, burun, çardağ, çet, çoqu, çuburtma, çuqur, çuqurlaq, dağ, darlıq, delik, dere, derbent, egeç, eger, eğrek, endek, ğavta, had, hasar, hasarlıq, merdiven, meydan, oba, or, otar, otlaq, oy - qır, ökçe, qaburğa, qaş, qaya, qoba, qol, qoytaş, qulaq, sirt, sinor, soqaq, tapçan, taş, teşik, toğay, töbel, töpe, tübek, tüp, tütkel, tüz, uva, üst, yağa, yar, yarma, yalı, yalman, yataq, yelke, yer, yılğa, yol*; б) объекты гидрографического характера:

aqsuv, ariq, avut, baqal, bataq, bunar, çeşme, çifğrav, çoqraq, eşme, göl, özen, özenbaş, qarasuv, quyu, savlıq suv, suv, suvat, tamaq, tekne, tıynaq, uçansuv.

В результате анализа топонимической лексики, ставшей результатом взаимодействия тюркских и славянских языков в различных зонах Северного Причерноморья, нами были выделены наиболее распространённые тюркские апеллятивы и рассмотрена их роль в формировании значения топонима. Безусловно, «выявление и интерпретация топонимических формантов позволяют соотнести топонимический материал с географическими объектами и установить значения тех топооснов языка-источника, которые связаны с областью географической терминологии» [Матвеев, 2006].

Необходимым в изучении взаимодействия разноструктурных языков в сфере топонимии, по мнению А.К. Матвеева, является компонентный анализ топонимических единиц: выделение топоформантов, дифференциация субстратных топонимов с точки зрения сходства/различия топонимической модели и, наконец, выведение характерных топонимических типов. Последнее видится ученому наиболее важным, поскольку «изучение топонимического типа, представленного большим числом названий, позволяет точно установить его ареал, определить фонетическую структуру, а также путем сравнения с другими типами выявить общие топоосновы» [Матвеев, 2006]. В нашем исследовании такой подход помогает выделить и этимологизировать некоторые топокомпоненты, оставшиеся вне поля зрения исследователей, например:

1. Названия с. *Коккоз(ы)*, ист. *Чокрак-Коккоз* около с. Баксан связывают с кр.-тат, ног. **kökköz** "синеглазый" (ср. **kök** "синий, голубой", **köz** "глаз") – по народным представлениям, село получило название потому, что большинство его жителей имело светлые глаза. По нашему мнению, данное наименование связано с этнонимом *Коккоз (Кокос)* – названием еврейского рода из Кафы, которое фиксируется в памятниках письменности начиная с XV в. и подтверждается данными турецкой топонимии. Так, один из представителей этого многочисленного по этническим меркам рода – Хозяин Кокос – даже «служил торговым и дипломатическим представителем Ивана III в Крыму в семидесятые и

восьмидесятые годы» [анализ летописей: Вернадский, 2000]. На этом же основании правильнее связать наименование смежных объектов – ущ. *Кокулуз* (сейчас Богатое Ущелье), с. *Кокулуз* – также с патронимом, а не с географическим термином (кр.-тат. **uluz** "селение"). В данном случае, вероятно, имеет место контаминация *Kök(k)öz* и *lü-* (аффикс со значением "уроженец или житель местности, названной исходной основой") и последующее переименование на основании фонетического сходства. Ср. также тур. *gök gözlü* "недобрый" (о светлоглазом человеке).

2. Названия г. *Чуваши-Кой*, с. *Чуваши* (ногайский аул) в Крыму, трудно связать с этнонимом **Çuvaş** "чуваш", поскольку данная гипотеза не подтверждается экстралингвистическими факторами. Возможно, мы имеем дело с народной этимологией др.-тюрк., тур. **çavuş** "страж", позднее – "сержант" (воинское звание). Такое толкование вполне соответствует логике формирования рубежных, пограничных топонимов и подтверждается данными турецкой и тюркско-болгарской топонимии. Ср.: г. *Чавуш Кая/Çavuş Kaya* (Турция), с. *Чавуш/Çavuş* (Турция, район Манавгат, провинция Анталья), залив *Чавуш/Çavuş* (Турция, район Адрасан), с. *Чавуш* (Болгария, район Варны). Однако в этом случае представляется довольно затруднительным объяснить изменение облика топонима: *çavuş* → *çuvaş*. Можно предложить искажение графики слова при его письменной фиксации (нам не удалось найти надежных письменных источников в подтверждение этой версии) и последующую фонетическую деформацию топонима (ресементацию на основе метатезы). Хотя не исключено, что оба эти процесса могли идти и одновременно.

Следовательно, можно говорить о важности глубокого анализа топонимических единиц на всех уровнях языковой системы: фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

Результатом фонетической адаптации становится частичное или полное приспособление тюркских названий к фонетической системе восточнославянских языков (русского и украинского). Нарушение законов слогового сингармонизма, являющегося отличительной чертой тюркских языков, в процессе заимствования

во многих случаях приводит к искажению звукового и графического облика топонимов. Реконструкция топонимов является достаточно сложной лингвистической, исторической и культурологической задачей, и её необходимо решать, используя данные различных источников (лексикографических, картографических, экспедиционных).

Результатом словообразовательной адаптации становится внедрение структурно чуждых моделей агглютинативного языка в славянскую морфемную парадигму. Анализ топонимов, возникших в результате взаимодействия славянских и тюркских языков, в структурно-словообразовательном отношении позволяет говорить о существовании на территории Северного Причерноморья около 40 топонимических типов. Среди них значительное количество глагольно-именных конструкций и конструкций с отглагольными прилагательными.

Результатом морфолого-синтаксической адаптации становится приспособление иноязычных топонимов к морфологическим закономерностям принимающего языка: формируется грамматическая категория рода, оформляются связи топонимов с мотивирующими словами (географическими терминами), определяются принципы функционирования заимствованных топонимов в структуре славянского предложения.

Для определения специфики взаимодействия языков в сфере топонимии нам показалось целесообразным выделение на территории Северного Причерноморья четырёх наиболее крупных зон, условно обозначенных как: 1) тюркско-русская топонимическая зона (турецко-русское, татарско-русское взаимодействие), 2) крымскотатарско-русская топонимическая зона, 3) тюркско-украинская топонимическая зона (татарско-украинское, турецко-украинское взаимодействие), 4) урумско-руско-украинская топонимическая зона.

Для тюркско-русской топонимической зоны характерно активное взаимодействие в гидронимии, на уровне средних и мелких водных объектов. Малые водные объекты, имеющие славянское происхождение, являются более поздними. Основными направлениями тюркско-русского взаимодействия в топонимии является метафорический перенос на основе сходства внешних

признаков объектов при образовании гидронимов и оронимов и метонимический перенос по модели «гидроним → ороним / ойконим», то есть при наименовании форм поверхности и населённых пунктов гидронимы часто выступают в роли мотиваторов.

В крымскотатарско-русской топонимической зоне четко просматриваются два историко-лингвистических пласта. Первый, более ранний пласт, – это этническая тюркская топонимия, восстанавливаемая по старым картам и Камеральным описаниям Крыма разных лет. Для этой части топонимов воздействие русского языка ощущается только на уровне фонетико-графической адаптации. Второй, более поздний пласт, – это топонимия, сохранившаяся после массовых переименований и экспансивного влияния русского языка, результатом чего стало возникновение семантически и грамматически модифицированных тюркско-русских (а позднее, на их базе и тюркско-русско-украинских) гибридов. Основным вектором тюркско-русского взаимодействия в топонимии зоны является метафорический перенос на основе сходства внешних признаков.

Основой тюркско-украинского взаимодействия в топонимии стал метонимический перенос по модели «нарицательное → антропоним → топоним». Формирование подавляющего большинства тюркско-украинских топонимов на базе фамилий и прозвищ даёт возможность говорить об антропонимимном характере топонимии данной зоны.

Топонимия урумско-русско-украинской зоны развивалась в двух направлениях. Первое направление, наиболее активное в ойконимии, – это адаптация «старых», перенесённых крымских названий, позволившее сохранить историческую самобытность и колорит этнической тюркской топонимии, второе – формирование новых номинаций, ставшее естественным результатом влияния русско-украинского билингвизма. Основным вектором тюркско-славянского взаимодействия здесь стал метонимический перенос, реализуемый в моделях: «географический термин → гидроним / ороним»; «нарицательное оценочное → антропоним с оценочным значением → топоним», «антропоним → топоним».

Анализ собранного топонимического материала позволил выявить три основных принципа, лежащих в основе номинации географических объектов Северного Причерноморья: 1) номинация объекта по его свойствам и качествам; 2) номинация объекта по связи с человеком; 3) номинация объекта по связи с окружающими объектами. Эти принципы не реализуются последовательно в каждой из выделенных топонимических зон (тюркско-русской; крымскотатарско-русской; тюркско-украинской; урумско-русско-украинской). Конкретный принцип выступает ведущим для топонимической зоны, определяя ее вид и характеристики.

Ведущим принципом для тюркско-русской и крымскотатарско-русской топонимических зон стала номинация объекта по свойствам и качествам, для тюркско-украинской топонимической зоны – номинация по связи с человеком, для урумско-русско-украинской зоны – принцип номинации объекта по связи с окружающими объектами.

Преобладание того или иного принципа в номинации географических объектов конкретной топонимической зоны связано со спецификой формирования качественных и количественных значений (процесс метафоризации, исторический переход качественных значений в количественные) в тюркских языках, с одной стороны, и более поздним влиянием фактора антропоцентричности, с другой. Это, по нашему мнению, отличает логику образования тюркской топонимии от логики образования топонимии славянских языков.

Выяснилось, что указанные принципы номинации имеют разную активность и разную направленность при обозначении типов географических объектов (гидронимов, оронимов, ойконимов) в четырех обозначенных топонимических зонах Северного Причерноморья. Выявление номинационной активности является важным для создания общей картины взаимодействия тюркских и славянских языков в сфере топонимии рассматриваемого региона.

Отдельного рассмотрения в исследовании потребовали параллельные наименования Северного Причерноморья – пары номинаций, созданных по

принципу естественное / искусственное наименование. Их анализ способствовал развитию представлений о системности топонимии и формированию целостной топонимической картины региона.

Таким образом, анализ собранного топонимического материала позволил сделать важные выводы об особенностях миграционных процессов, происходящих на территории Северного Причерноморья, и элементах топонимической системы региона, во многом сформированной в результате тюркско-славянского взаимодействия.

Библиография

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь. – Т. I. А–К. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 657 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. II. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1973. – 449 с.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. III. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1979. – 360 с.
4. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с.
5. Агеева Р.А. Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Топонимия Центральной, России. – М.: Мысль, 1974. – С. 195–204.
6. Агеева Р.А. Гидронимика // Ономастика. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1976. – С. 114–197.
7. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. – М: Наука, 1989. – 256 с.
8. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985. – 143 с.
9. Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий / Отв. ред. Э.М. Мурзаев. – М.: Наука, 1990. – 254 с.
10. Алефиренко Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья. Вып. VIII. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 165–168.
11. Алишина Х.Ч., Калгаманова З.М. Тюркская топонимия юга Тюменской области: Монография. – Тюмень: Печатник, 2012. – 169 с.
12. Арсланов Л.Ш. и др. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье, (III в. до н.э. – XIV в. н.э.): опыт археолого-топонимического изучения этнокультурной истории региона / Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И.; науч. ред. Старостин П.Н.; М-во образования Рос. Федерации, Елабуж. гос. пед. ин-т. – Елабуга: Елабужский государственный педагогический институт, 1993. – 140 с.
13. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 92–119.
14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
15. Ахманова О.С., Данчинова И.А. К вопросу о синхроническом изучении названий населенных пунктов // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 32–41.
16. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М.: Восточная литература, 2002. – 296 с.
17. Бадмаев С.Б., Березовская, Д.А. География Калмыцкой АССР. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. – 78 с.
18. Баранова В.В. Тюркоязычные греки Приазовья: язык и самосознание // Этнографическое обозрение. – № 3. – 2007. – С. 157–161.

19. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 554 с.
20. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Т. 1. Свод болгарских летописей 1680 г. / Изд. подготовлено Ф. Г.-Х. Нурутдиновым. – Оренбург: Редакция Вестника Болгария, 1993; Т. 2. – Оренбург: Редакция вестника «Болгар иле», 1994; Т. 3. – Оренбург: Редакция вестника «Болгар иле», 1997. – 180 с.
21. Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов: Научно-популярное издан., 2-изд., доп. – Набережные Челны: Аяз, 2000. – С. 71–95; Казань: Слово, 2004.
22. Бекоев Д.Г. Иронский диалект осетинского языка: Монография. – Цхинвали: Ирыстон, 1985. – 194 с.
23. Беленькая В.Д. Некоторые лингвистические категории топонимики // Оронимики. – М.: Наука, 1969. – С. 12–15.
24. Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. – М.: Издательство МГУ, 1969. – 169 с.
25. Беленькая В.Д. Современные тенденции в наименовании населенных пунктов // Топонимия Центральной России. – М.: Мысль, 1974. – С. 130–137.
26. Березович Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 34–46.
27. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000. – 532 с.
28. Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. – Свердловск: Издательство Уральского Университета, 1991. – С. 90–94.
29. Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика. – М., 1972. – С. 333–346.
30. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студ. спец. «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
31. Бушаков В.А. Названия колодцев в степях и пустынях Казахстана, Туркменистана и Узбекистана // Материалы III Симпозиума «Степи Северной Евразии: Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования». – Оренбург: ИПК "Газпромпечатъ", 2003. – С. 108–112.
32. Бушаков В.А., Дрогобич Н.Е. О происхождении ландшафтного термина "степь" // Материалы III Симпозиума «Степи Северной Евразии: Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования». – Оренбург: ИПК "Газпромпечатъ", 2003. – С. 112–115.
33. Введенская Л.А. От собственных имен к нарицательным. – М.: Просвещение, 1981. – 240 с.

34. Вернадский Г.В. История России: Россия в средние века. – М.: Аграф, 2000. – 352 с. [Электронное издание: <http://gumilevica.kulichki.com/VGV/vgv4.htm>] (обращение: 12.01.2016)
35. Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. – М., 1945. – Т. 17.
36. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 246 с.
37. Ганиев Ф.А. Татарско-русский словарь. – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – 464 с.
38. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. – Уфа: БФАН СССР, 1959. – С. 57–60.
39. Гаркавец А.Н. Тюркские языки на Украине. – Киев: Наукова думка, 1988. – 178 с.
40. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург: Верхнепышминская типография, 1998. – 232 с.
41. Голубева И.Н. Переименования в Калмыкии // Топонимика и межнациональные отношения. – М., 1992. – С. 66–69. [Электронный ресурс: Государственная публичная библиотека России: <http://unis.shpl.ru/pages/BooksCard.aspx?bookId=1133301&dbType=Y>] (дата обращения: 12.05.2015)
42. Григорян Э.А. Словарь местных герграфических терминов болгарского и македонского языков. – Ереван: Айастан, 1975. – 142 с.
43. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. – М.: Русский язык, 1978: Т. 1 – 699 с.; Т. 2 – 779 с.; Т. 3 – 555 с.; Т. 4 – 683 с.
44. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С.7–68.
45. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания: АН СССР. Институт русского языка. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
46. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – Т. 2. – С.-Пб., 1896.
47. Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М., 1967. – С. 364–374.
48. Добродомов И.Г. К проблеме семантической идентификации редких слов в памятниках письменности / Исследования по семантике русского языка. – Уфа, 1979. – С. 82–90.
49. Добродомов И.Г. Не «река», а «женщина» (О достоверности топонимических этимологий) // Этническая ономастика. – М., 1984. – С. 138–142.

50. Добродомов И.Г. Этимология этнонима *буртас* // Ономастика Поволжья. – Саранск, 1986. – С. 119–129.
51. Добродомов И.Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя – этнос – история. – Москва, 1989. – С. 15–24.
52. Добродомов И.Г. Немые кизляры (из комментария к «Бахчисарайскому фонтану») // *Philologica*. –1998. – Т. 5. – № 11/13. – С. 133–137.
53. Добродомов И.Г. Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях // *Этимология: 2006–2008*. – М., 2010. – С. 82–100.
54. Добродомов И.Г. Топонимика и источниковедение (Казань в хронологическом и этимологическом аспектах) // *Вопросы географии: Сб. 132: Современная топонимика* / Отв. ред. А.В. Барандеев; сост. Р.А. Агеева, А.А. Герцен. – М.: Наука, 2009. – С. 151–175.
55. Добродомов И.Г. «Хощу ... копіе приломити конець поля половецкаго...» // *Русский язык в школе*. – 2013. – № 9. – С. 54–57.
56. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова и др. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
57. Дробижев В.З. Историческая география СССР: учебное пособие для студентов исторических факультетов университетов / В.З. Дробижев, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьев. – М.: Высшая школа, 1973. – 320 с.
58. Дыбо А.В. Дентальные взрывные в пратюркском // *Аспекты компаративистики*. – Т. 1. – М.: РГГУ, 2005. – С.49–82.
59. Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков: Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Том 9 (доп.) / Составитель Дыбо А.В. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.
60. Жарикова М.В. Румейско-урумско-восточнославянское взаимодействие в процессе создания и функционирования ойконимов в ойконимии Донбасса // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского* / Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. – № 4. Часть 2. – С. 122–128.
61. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX начале XX века. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 172 с.
62. Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества: В 25 тт. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1891–1917.
63. Жучкевич В.А. Общая топонимика: учеб. пособие для геогр. фак. вузов. – 2-е изд., и правл. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1968. – 432 с.
64. Жучкевич В.А. Топонимика. – Минск: Вышэйшая школа, 1986. – 432 с.

65. Заболотный В.З., Лисецкий Ф.Н., Молодецкий А.Э. Николаевская область: географический словарь-справочник. – Николаев, 1996. – 160 с.
66. Ибрагимова В.Ф. Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2009. – 116 с.
67. Изучение географических названий: Сборник статей, отв. ред. Э.М. Мурзаев и В.А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 208 с.
68. Илиуф Х.-М. Ш. К вопросу о происхождении этнонимов «киргиз» и «казак» (казах) // [электронный ресурс: <http://uhhan.ru/news/2010-09-13-2622> размещение 05.2010] (дата обращения: 02.03.2013)
69. Исхакова Х.Ф. Огузско-кыпчакские соответствия в топонимии Крыма // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – Москва: Наука, 1988. – С. 127–143.
70. Казачий словарь-справочник / Составители Г.В. Губарев, А. И. Скрылов. – Калифорния, 1966–1970 // Электронная версия словаря-справочника: <http://volgkkn.ru/docs/Slovar-sprav.pdf> (дата обращения: 02.04.2015)
71. Карпенко Ю.А. Лингвистика – география – история (проблема топонимического этимологизирования) // Совет. славяноведение. – 1970. – № 4. – С. 64–70.
72. Карпенко Ю.А. О синхронной топонимике // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964. – С. 45–57.
73. Карпенко Ю.А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимика. – М.: Наука. 1967. – С. 15–23.
74. Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика; ОГУ им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1984. – С. 3–16.
75. Карпенко Ю.А. Топонимы и географические термины // Местные географические термины. Вопросы географии. – М., 1970. – Вып. 81. – С. 36–45.
76. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – Санкт-Петербург, 1837. – 412 с.
77. Клюкин А.А., Корженевский В.В., Щепинский А.А. Эчки-Даг: путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1990. – 128 с.
78. Ковалев Г.Ф. Ономастические единицы как фактор идентичности // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. – Т. I. – Воронеж, 2000. – С. 134–143.
79. Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани. – Краснодар: Мир Кубани, 2006. – 252 с.
80. Коков Д.Н. Кабардинские географические названия. – Нальчик: Кабардино-Балк. кн. изд-во, 1966. – 182 с.
81. Конкобаев К. Структура киргизских географических названий // Ономастика Средней Азии. 2. – Фрунзе: Илим, 1980. – С. 246–261.

82. Костюченкова Е.М. Топонимия Придонья как источник лингвокультурной информации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 86. – С. 213–217.
83. Коран / Ред. А. Магомедов; пер. Магомеда-Нури Османова. – С.-Пб.: Диля, 2010.
84. Корш Ф.Е. Слово о полку Игореве: Исследования по русскому языку, Т. 2. – Вып. 6. – С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1909. – 30 с.
85. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – 144 с.
86. Кривощекова-Гантман А.С. Антропология как источник топонимии // Антропотонимика. – М.: Наука, 1979. – С. 292–299.
87. Крымский А.Е. О происхождении слова «кацап» // Киевская старина, 1901. – Т. 65. – С. 474.
88. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
89. Кудряшова Р.И. Причины переименования населенных пунктов Волгоградской области // Ономастика Поволжья. – Вып. IX. – Волгоград, 2002. – С. 161–163.
90. Кузеев Р.Г. О роли буртасов в этногенезе тюркских народов лесостепного севера Евразии // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов / Тезисы к Межобластной научной конференции (23–27 января 1990 г., Пенза). – Пенза, 1990. – С. 50–58.
91. Курилович Е. Положение имен собственных в языке / Очерки по лингвистике. – М.: Иностранная литература, 1962. – С. 252–266.
92. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения: Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. – Симферополь: Тавр. губ. тип., 1897. – 545 с. (репринтная копия)
93. Лезина И.Н., Суперанская А.В. Ономастика. Ч. 2: Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. – М.: Рос. АН, Ин-т этнол. и антроп. им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1994. – 467 с.
94. Лисецкий Ф.Н. Историко-географический анализ трансформации гидронимов в Северном Причерноморье: Географические науки, 1992. – № 5. [электронный ресурс: <http://www.science-education.ru/105-6951>] (дата обращения: 12.12. 2014)
95. Луценко В. Тюркский фактор в истории и этногенезе украинцев и их предков. – Source: www.vlalut.narod.ru/Publication: Электронное издание, 2009. – 177 с. (дата обращения: 07.12. 2014)

96. Максаковский В.П. Опыт постановки факультативного курса по топонимике / В.П. Максаковский // Принципы топонимики : Материалы совещания 15–16 мая 1962 г., г. Москва / Отделение яз. и лит. АН СССР, отделение истор. наук АН СССР, отделение геолог.-геогр. наук АН СССР; под ред. В.А. Никонова, О.Н. Трубачева. – М., 1964. – С. 142–144.
97. Малолетко А.М. Географическая ономастика: учеб. пособие для студ. спец. «География» / А.М. Малолетко. – 4-е изд., исправл. и доп. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2008. – 204 с.
98. Маракуев А.М. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины // Учен. записки Казах. ун-та: Сер. «Геология и география». – Алма-Ата, 1954. – Т. 18, Вып. 2. – С. 29–72.
99. Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания, 1964. – № 2. – С. 64–83.
100. Матвеев А.К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики // Вопросы языкознания. – № 6. – 1965. – С. 3–15.
101. Матвеев А.К. Тезисы о топонимике // Вопросы топониматики. – 1974. – Вып. 7. – С. 5–18.
102. Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1980. – 318 с.
103. Матвеев А.К. Методы топонимических исследований: Учебное пособие. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1986. – 101 с.
104. Матвеев А.К. Ономатология. – М. Наука, 2006. – 292 с.
105. Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. – XVIII, 292 с.
106. Маштаков П.Л. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного), с картой и алфавитным указателем. – Пг.: Типография Академии Наук, 1917. – 57 с.
107. Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. – Л.: Государственный гидрологический институт, 1934. – 94 с.
108. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. – Ч. 1–2, С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1894–1897. – 87 с.
109. Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС, 1902 – Т. 7, кн. 2. – С. 273–302.
110. Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС, 1905. – Т. 10, кн. 2. – С. 66–92.
111. Меркулова В.А. Мелкие заметки по истории и этимологии слов // Этимология. 1968. – М.: Наука, 1971. – С. 79–91.

112. Миргалеев И.М. Проблема взаимоотношений мамлюков Египта с Золотой Ордой // Эхо веков. – № 3/4. – 2000. – С. 17–22.

113. Миргалеев И.М. К вопросу об использовании письменных источников по истории Улуса Джучи // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 г. / Редколегия: Р.С.Хакимов и др. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – С. 186–188.

114. Миргалеев И.М. Незабываемая история татар // Эхо веков. – № 3/4. 2001. – С. 8–14. Миргалеев И.М. История принятия ислама татарским народом // Идел. – №7. – 2001. – С. 72–73.

115. Миргалеев И.М. Терминологический словарь // Восточная литература [Электронный ресурс: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mirchond/glossar3.phtml>]

116. Миртов А.В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону: Институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. – № 58. – Вып. 6, 1929. – 416 с.

117. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / Выявлены и собраны П.Г. Григорьевым, подготовлены к печати В.Д. Димитриевым. – Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1972. – 424 с.

118. Молчанова О.Т. Модели географических имен в тюркских и индоевропейских языках // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 101–113.

119. Молчанова О.Т. Структурно-словообразовательные классификации географических имен // Языки и топонимия. Вып.1. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – С. 184–188.

120. Молчанова О.Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. – 459 с.

121. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 324 с.

122. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь / Н.В. Морохин. – Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. – 216 с.

123. Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии: Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – С.-Пб.: Наука, 1994. – 154, 2 с.: карты.

124. Муниев Б.Д. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 786 с.

125. Мурзаев Э.М., Мурзаева В.Г. Словарь местных географических терминов. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1959. – 303 с.

126. Мурзаев Э.М. Происхождение географических названий // Советская география: Итоги и задачи. – М.: Географгиз, 1960.

127. Мурзаев Э.М. Топонимика сегодня / Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов // Географические названия: Вопросы географии: сб. 58 / отв. ред. Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов. – М., 1962. – С. 3–6.
128. Мурзаев Э.М. Путешествия без приключений и фантастики. – М.: Географгиз, 1962. – 160 с.
129. Мурзаев Э.М. Географическая семантика некоторых тюркских топонимов // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 101–104.
130. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
131. Мурзаев Э.М. География в названиях. – М.: Наука, 1982. – С. 90–116.
132. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 652 с.
133. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. – М.: Наука, 1995. – 304 с.
134. Мустафаев Э.М., Щербинин В.Г. – Турецко-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1029 с.
135. Наконечный Е.П. Украденное имя: Почему русины стали украинцами. – Киев: Издательство Белянского, 2015. – 288 с.
136. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность / Отв. ред. Э.Р. Теншиев; АН СССР. – Л.: Наука, 1989. – 207 с.
137. Нерознак А.П. Топонимика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 515–516.
138. Нерознак В.П. Перенесенная топонимия Западной Сибири // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1974. – С. 175–183.
139. Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466–1472) / под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. – 227 с.
140. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 172 с.
141. Никонов В.А. Заметки по оронимии Киргизии// Ономастика Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1978.
142. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1979. – 278 с.
143. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
144. Номинация в ономастике. Сб. статей: Редколлегия М.Э. Рут (отв. ред.) и др. – Свердловск: издательство Уральского Университета, 1991. – 171 с.
145. Османов М.М. Татарско-русский словарь / Вед. ред. М.М. Османов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с.
146. Отин Е.С. Древние географические названия Донбасса // 7 Летопись Донбасса: Краеведческий сборник, 1992. – Вып.1. – С. 25–27.
147. Отин Е.С. Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – 470 с.

148. Отин Е.С. Из заметок к лекциям по топонимике // Восточнославянский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2000. – № 6. – С. 37–54.
149. Отин Е.С. Топонимия приазовских греков: Историко-этимологический словарь географических названий. – Донецк: ООО Юго-Восток Лтд, 2002. – 208 с.
150. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.
151. Печерских Т.А. Вторичные топонимы типа Камчатка // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1974. – № 8–9. – С. 25–27.
152. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврической губернской статистической комиссией. – Вып. 1. – Симферополь, 1867.
153. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий; Изд. Второго отделения Имп. Акад. наук. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885. – [6], 198 с.
154. Подольская Н.В. Восточнославянские типовые исходные топоосновы // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 28–35.
155. Подольская Н.В. Какую информацию несет топоним? // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964. – С. 87–89.
156. Подольская Н.В. О развитии отечественной топонимической терминологии // Развитие методов топонимических исследований: сборник / отв. ред. Е.М. Пospelов. – М.: Наука, 1970. – С. 46–53.
157. Подольская Н.В. Ономастика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 346–347.
158. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–53.
159. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
160. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. – М. Наука, 1968. – 376 с.
161. Попов А.И. Географические названия: Введение в топонимику. М.–Л.: Наука, 1965. – 182 с.
162. Попов А.И. Об историческом методе топонимических исследований // Развитие методов топоним. исследований: сб. ст. / отв. ред. Е.М. Пospelов. – М., 1970. – С. 25–38.
163. Попов А.И. Топонимика // Геогр. обществу СССР 125 лет: сб. ст. / АН СССР. – М.-Л.: Наука, 1970. – С. 228–231.

164. Пospelов Е.М. Топонимика и география // Вопросы географии: сб. ст. / отв. ред. Е.М. Пospelов. – М.: Мысль, 1979. – № 110. – С. 9–10.
165. Пospelов Е.М. Туристу о географических названиях – М.: Профиздат, 1988. – 192 с.
166. Пospelов Е.М. Переименование городов и сел в СССР // Топонимика СССР. – М.: Моск. фил. ГО СССР, 1990. – С. 50–74.
167. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Типография Г. Лисснера, Д. Совко, 1910–1914. т.1 (а–о) – 716 с.; т. 2 (п–с) – 420 с.; М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – т. 3 (т–я) – 142 с.
168. Привалова М.И. Собственные имена и проблема омонимии. – Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 58–60.
169. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1893. – Т. 1; 1899. – Т. 2; 1905. – Т. 3; 1911. – Т.4.
170. Реформатский А.А. Топонимика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. – М.: Наука, 1964. – С. 9–34.
171. Роспонт С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1972. – 366 с.
172. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 782 с.
173. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
174. Рылюк Г.Я. Истоки географических названий Беларуси с основами общей топонимики: учеб. книга – пособие для преп. и студ. геогр. спец. – Минск: Веды, 1999. – 247 с.
175. Сагидуллин М.А. Сибирские татары: этнос, субэтнос? // Модернизация образования в условиях глобализации: материалы круглого стола «Университет и гуманитарные проблемы региона». – Тюмень, 2005. – С. 162–164.
176. Сагидуллин М.А. Татары сибирские // Малая энциклопедия народов Тюменской области: краткий словарь-справочник. – Тюмень, 2005. – С. 247–256.
177. Сагидуллин М.А. Тюркская этнонимия территории проживания сибирских татар: Монография. – М.: Спутник+, 2006. – 130 с.
178. Сагидуллин М.А. Фонетика и графика современного сибирско-татарского языка. – Тюмень: Искер, 2008. – 64 с.
179. Саттаров Г.Ф. К вопросу о лингвистическом изучении топонимики // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований // Отв. ред. Дж.Г. Киекбаев. Межвузовская конференция языковедов. – Уфа: Башгосуниверситет, 1965. – С. 238–243.

180. Севортян Э.В. Крымскотатарский язык // Языки народов СССР: В 5 т. – Т. 2. Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 234–259.
181. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М.: Наука, 1966. – 437 с.
182. Секиринский С.А. Из этнической истории Крыма и северной Таврии: 2-я пол. XVIII – нач. XX вв. – Советская тюркология. – 1988. – № 4. – С. 87–97.
183. Серебренников Б.А. О методах изучения топонимистических названий // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 36–50.
184. Серебренников Б.А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения. Институт языкознания. – М., 1956. – Вып. 9. – С. 33–57.
185. Сказки и легенды татар Крыма / Подготовка текста к печати и вступительная статья С.Д. Коцюбинского. – Симферополь: Госиздат КрымАССР, 1936. – С. 52–56.
186. Словарь современных географических названий. – Екатеринбург: У-Фактория / Под общей редакцией акад. В.М. Котлякова, 2006. [Электронное издание]
187. Словарь топонимов Башкирской АССР / Сост. А.А. Камалов, Р.З. Шакуров, З.Г. Ураксин и др. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1980. – 199 с.
188. Соколова Т.П. Топонимия Малого железнодорожного кольца Москвы // Вопросы географии: Сб. 132: Современная топонимика / Отв. ред. А.В. Барандеев; сост. Р.А. Агеева, А.А. Герцен. – М.: Наука, 2009. – С. 175–189.
189. Список населённых пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь – февраль 1923 года). – Харьков: Донбасс, 1924. – Т. VI. – 512 с.
190. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. / Отв. ред. Э.Р. Тенишев (отв. ред.); авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев. – Т. 4. – Москва: Наука, 2001. – 822 с.
191. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев (отв. ред.); авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, Д.М. Насилов, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев, А.А. Чеченов. – Т. 5. – Москва: Наука, 2001. – 767 с.
192. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х т. – С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1893–1912.
193. Суперанская А.В. Как вас зовут? Где вы живете? – М.: Наука, 1964. – 94 с.

194. Суперанская А.В. Типы и структура географических имен // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. – М.: Наука, 1964. – С. 59–118.
195. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 207 с.
196. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
197. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. – М.: Наука, 1981. – 84 с.
198. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 177 с.
199. Суперанская А.В. Ономастическая номинация / А.В. Суперанская, В.Е. Сталтмане // Теория и методика ономастических исследований: коллектив. монография. – М.: Наука, 1986. – С. 15–25.
200. Суперанская А.В. Имя через века и страны. – М.: Наука, 1990. – 188 с.
201. Суперанская А.В. Имя собственное как разряд специальной лексики // Материалы к серии «Народы и культуры». – М.: Наука, 1993. – С. 29–35.
202. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий. – М., 1994. – Ч. 1–2. – 466 с.
203. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Топонимия Крыма. — М.: Московский лицей, 1995. – Ч. I. – 216 с.
204. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Топонимия Крыма. – М.: Московский лицей, 1997. – Т. I, Ч. I–II. – 403 с.
205. Суперанская А.В., Лезина И.Н., Белянский И.Л. Крым: Географические названия. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 160 с.
206. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Сталтмане В.Э., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
207. Суперанская А.В. Антропонимия в топонимии // Вопросы географии: Сб. 132: Современная топонимика / Отв. ред. А.В. Барандеев; сост. Р.А. Агеева, А.А. Герцен. – М.: Наука, 2009. – С. 189–194.
208. Тащицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопр. языкознания. – 1961. – Вып. 2. – С. 3–11.
209. Твердый А.В. Топонимический словарь Северного Кавказа: В 2-х ч. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2011.
210. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. – 563 с.
211. Томахин Г.В. Топонимы как реалии языка и культуры // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 84–90.

212. Топонимика // Географический энциклопедический словарь: понятия и термины / гл. ред. А.Ф. Трешников. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 309.
213. Топонимика // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1345 с.
214. Топонимия и общество / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Р.А. Агеева. М.: Наука, 1989. – 123 с.
215. Топоров В.Н. Из области теоретической ономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 3–12.
216. Топоров В.Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики // Принципы топонимики: мат. совещания 15–16 мая 1962 г., г. Москва / Отделение яз. и лит. АН СССР, отделение истор. наук АН СССР, отделение геолог.-геогр. наук АН СССР / под ред. В.А. Никонова, О.Н. Трубачева. – М., 1964. – С. 3–22.
217. Трофимов М.И. Фонетические процессы в современном уйгурском языке. – Алма-Ата: Наука. – 1978. – 120 с.
218. Трубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этическая интерпретация / О. Н. Трубачев; АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1968. – 292 с.
219. Трубачёв О.Н. INDOARIKA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. – М.: Наука, 1999. – 320 с.
220. Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М.: Наука, 2003. – 495 с.
221. Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М.: Наука, 2005. – 286 с.
222. Улуханов И.С. О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании // Развитие современного русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 95–113.
223. Ураксин З.Г., Ураксин Ю.З. Русско-башкирский словарь. – Уфа: Китап. – 2002. – 392 с.
224. Уфимцева А.А. Лексическая номинация // Языковая номинация. – М.: Наука, 1972. – С. 5–87.
225. Уфимцева А.А. Лексическое значение. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
226. Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976.
227. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 277 с.

228. Ухмылина Е.В. Параллельные названия населенных пунктов Горьковской области // Ономастика Поволжья. – Вып. – 3. – Уфа, 1973. – С. 287–294.
229. Ухмылина Е.В. Одинаковые топонимы (повторяющиеся названия населенных мест Горьковской области) // Ономастика Поволжья. – Вып. 4. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. – С. 229–231.
230. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Russisches etymologisches Worterbuch / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1–4.
231. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 240 с.
232. Федотова Т.В. Субстрат в топонимике Восточного Забайкалья // Вестник Томского государственного университета. – №309. – 2009. – С. 18–23.
233. Ханмагомедов Х.Л. Географический фактор в топонимии / Х.Л. Ханмагомедов // Вестн. Прикарпат. ун-та: Сер. «Филология». – 2011. – № 29–31. – С. 31–35.
234. Ханмагомедов Х.Л. Топонимическая изученность Дагестана / Х.Л. Ханмагомедов, А.Н. Гебекова // Фундаментальные и прикладные вопросы естественных наук (региональные проблемы): материалы сессии Академии естественных наук, г. Махачкала. – Махачкала, 1994. – Т. 2. – С. 163–165.
235. Хартахай Ф.А. Историческая судьба крымских татар. – Вѣстникъ Европы. – 1866. – № 2. – С. 182–236. (репринтная копия)
236. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. 2-е изд. – Киев: Радянська школа, 1989. – 513 с.
237. Чучка П.П. Фамилии закарпатских украинцев. Историко-этимологический словарь. – Львов: Свит, 2005. – 754 с.
238. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Отв. ред. акад. А.Н. Кононов. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
239. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. – 428 с.
240. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.
241. Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. – Ростов на Дону: издательство Ростовского Университета, 1966. – 222 с.
242. Щетинин Л.М. Переход собственных имен в нарицательные как способ расширения словарного состава языка. – М., 1961.
243. Эмирова А.М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических

странах Центральной и Восточной Европы. Матер. междунар. научно-практич. конф. – Киев, 1999. – С. 25–30.

244. Эмирова А.М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – № 37. – С. 132–135.

245. Эмирова А.М. Языковая политика на Украине: новые реалии // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность (Москва, 19–22 марта 2007 г.). – М., 2007. – С. 753–754.

246. Эмирова А.М. Крымскотатарско-русская языковая интерференция: диахрония и синхрония // MegaLing'2008. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий (22–28 сентября 2008, Украина, Крым, Партенит). – Симферополь, 2008. – С. 45–48.

247. Эмирова А.М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Украины: Доклад на I Всемирном конгрессе крымских татар Крым, Симферополь, 21 мая 2009 [электронный ресурс: http://kirimtatar.com/index.php?option=com_content&task=view&id=491&Itemid=381], размещение: 07.01.2010] (дата обращения: 12.12.2014)

248. Энциклопедический словарь географических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 440 с.

249. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «ж», «ж», «й» / Отв. ред. Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

250. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». Вып. 1 / Отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.

251. Этнографическое обозрение. Периодическое издание этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете / Ред. Н.А. Янчук, В.Ф. Миллер, В.В. Богданов: тт. 1–112. – М.: Типография Императорской Академии Наук, 1889–1916.

252. Юрицин В.Т., Эммануэль В.А., Люстих Г.А. Крымский конный Ее Императорского Величества Александры Федоровны полк. – Сан-Франциско: Русское национальное издательство, 1978. – 250 с.

253. Яворницкий Д.И. Русское слово, 1901. – С. 11.

254. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е издание. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1988. – 685 с.

1. Багомедов М.Р. Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 2001. – 21 с.
2. Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1991. – 260 с.
3. Горожанкина Р.В. Проблемы динамики топонимической системы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Минск, 1979. – 22 с.
4. Жучкевич В.А. Общие и региональные географические закономерности топонимики: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. – Минск, 1970. – 36 с.
5. Калинина Е.Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амурской области): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Благовещенск, 2009. – 239 с.
6. Картавенко В.С. Становление региональной топонимической системы (Западный регион России): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Смоленск, 2012.
7. Кичикова Н.А. Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Волгоград, 2011. – 187 с.
8. Ковлакас Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Краснодар, 2009. – 373 с.
9. Мамедов Н.Г. Исследование географических названий Муганской и Сальянской равнин Азербайджанской ССР: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – Баку, 1975. – 32 с.
10. Маршева Л.И. Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2008. – 47 с.
11. Махмаджонов О.О. Историко-лингвистическое исследование топонимии Гиссарской долины Таджикистана: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Душанбе, 2010. – 340 с.
12. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1989. – 32 с.
13. Ниязова Г.М. Типы и структура ойконимов сибирских татар: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тюмень, 2004. – 212 с.

14. Орузбаева Б.О. Словообразование в киргизском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Фрунзе, 1964. – 103 с.
15. Перванов Я.А. ИмPLICITные аспекты номинации в русском и болгарском языке: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Одесса, 1995. – 190 с.
16. Пустяков А.Л. Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тарту, 2011. – 281 с.
17. Рахимбакиев С.З. Историко-лингвистическое изучение тюркских топонимов Западной Сибири XVIII века: по материалам Г.Ф. Миллера: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тюмень, 2011. – 195 с.
18. Рипецкая О.Ф. Формальная и содержательная структура топонимов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1998. – 35 с.
19. Самовтор С.В. Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII – начало XX вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук – Ставрополь, 2008. – 189 с.
20. Созаев А.Б. Проблемы сопоставительного исследования фонетических систем русского и карачаево-балкарского языков: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нальчик, 2003. – 166 с.
21. Султанова А.А. Социально-антропологическая тематика в наследии дореволюционных тюркологов: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2009. – 136 с.
22. Суперанская А.В. Теоретические проблемы ономастики: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Л., 1974. – 48 с.
23. Сывороткин М.М. Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саранск, 2005. – 468 с.
24. Тугузбаева О.В. Лексико-семантический и структурно-грамматический аспекты топонимики (на материале топонимов г. Бирска и Бирского района): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Уфа, 2012. – 293 с.
25. Федосеева Л.Н. Пространственные отношения в современном русском языке: Семантика и средства выражения: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Рязань, 2004. – 211 с.

26. Ханмагомедов Х.Л. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения (на материале Дагестана): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. – Баку, 1996. – 44 с.
27. Чернораева Т.Н. Топонимия и географическая номенклатура Приамурья: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Хабаровск, 2002. – 226 с.
28. Шарифуллина Л.В. Историко-лингвистический анализ топонимов бассейна реки Уй – притока Иртыша: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тобольск, 2009. – 170 с.

Литература на турецком языке

1. Acaroğlu M. Türker. Bulgaristan'da Türkçe Yer Adları Kılavuzu, M. Türker Acaroğlu, Ankara, 2006, 1070 с.
2. Akar A. Renge bağlı yer adlandırmalarında Muğla örneği. Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2006/1, 51–53 s.
3. Bahattin Ögel, Türk Kültür Tarihine Giriş, C. IV, 1978.
4. Bayraktar N. Kavram ve anlam boyutunda sarı ve tonları. Erciyes Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi – 20, 2006, 209–218 s.
5. Bayraktar N. Boz ve kır ren adlarının kavram, anlam ve biçim boyutu üzerine. International Journal of Central Asian Studies 13, 2009, 101–121,
6. Derleme Sözlüğü: Türkiye`de Halk Ağzından. Ankara, Türk Tarih Kurumu Başimevi, 2–12, B–Z, 1968–1979.
7. Deliorman Altan. Bugünkü Manası ile Bozkurt Türk Kültürü. 1967.
8. Erginsoy Ülker. İslam Maden Sanatının Gelişmesi, İst., 1978.
9. Esin Emel. Orta Asya'dan Osmanlıya Türk Sanatında İkonografik Motifler, İst., 2004.
10. Eren Hasan. Yer Adlarımızın Dili, Ankara, 2010.
11. Çoruhlu Yaşar. Türk Mitolojisinin ABC'si, İst., 1999.
12. Çoruhlu Yaşar. Türk Mitolojisinin Anahatları, İst., 2002.
13. Çoruhlu Yaşar. Türk Sanatında Hayvan Sembolizmi, İst., 1995.
14. Gökyay Orhan Saik. Dede Korkut Hikayeleri. Ank., 2000.
15. Hançerlioğlu Orhan. Dünya İnançlar Sözlüğü, Dinler-Mezhepler-Tarikatlar-Efsaneler. İst. 1975.
16. İslam Ansiklopedisi, Türk Diyanet Vakfı, İst, 1996, cilt 14, s. 227.
17. Kamil Veli Nerimanoglu, Türk Dünya Bakışında Reng, Nevruz ve Renkler-Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, Ankara, 1996.
18. Mevlana. Mesnevi. Çev. Veled İzbudak, Krşt. A. Gölpınarlı. I–II, İst. 1957.

19. Selim Hilmi Özkan. XVI. Yüzyıl kayıtlarına göre Alâiye (Alanya). Sanağında yer adları üzerine bir inceleme. *International Journal of Social Science* Volume 5 Issue 3, p. 169–182, June 2012.
20. Sıtkı Aras M. Balık ve Folklorumuzdaki yeri, 1984.
21. Şenel Mustafa/ Gaziantep ilinin yakın taşınmış (paralel) yer adları. [Электронный ресурс: <http://www.researchgate.net/publication/236605222> размещение 06.2010] (обращение: 12.06.2015)
22. Türkiye’de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü, Ankara, Türk Dil Kurumu, 1965, cilt: 2.
23. Türkiye’de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü, Türk Dil Kurumu, Ankara, 1975.
24. Uydu Y.M. İlk Rus Yıllıklarına Göre Türkler, Türk Dil Kurumu, Ankara, 2007.
25. Ziyai Alimcan. Eski Türk (Hun) İnançlarına Göre Yılbaşı Kutlamaları. *Kardeş Kalemler* 3 (1): 42–48, 2007.

Литература на других языках

1. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley & Los Angeles, 1969. – V, 125 p.
2. Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch. A – mor-*. Heidelberg, 1908–1913.
3. Бушаков В.А. Каймакамства і кадилики в Кримському ханстві (XVIII ст.) // *Східний світ*. – 1998 (Київ, 2000). – № 1 – 2. – С. 33 – 64, картосхема.
4. Бушаков В.А. Дієслівні топоніми в тюркській топонімії Криму // *Наукові записки / Кіровоградський Державний педагогічний університет ім. В. Винниченка*. – Вип. 37. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград, 2001. – С. 13–16.
5. Бушаков В.А. Тюркізми в оронімії Північного Приазов’я // *Студії з ономастики та етимології*. 2002. – Київ: Кий, 2002. – С. 40–47.
6. Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. – Київ: Інститут сходознавства, 2003. – 320 с.
7. Clauson G. *An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. XLVIII. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 988 p.
8. Gabain A. *Alttürkische Grammatik*. 3-te Auflage. – Wiesbaden, 1974. – 398 p.
9. Гаркавець О.М. Уруми Надазов’я: Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів’я, писемні пам’ятки. – Алма-Ата: Український культурний центр, 1999. – 624 с.
10. Гаркавець О.М. Тюркізм // *Українська мова: Енциклопедія*. – Київ: Українська енциклопедія, 2000. – 641 с.
11. Гаркавець О.М. Урумський словник. – Алма-Ата: Баур, 2000. – 632 с.

12. Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsingfors, 1912 (№ 30).
13. Ефремов С.О. Що значить слово “кацап”? // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1902. – Т. 17, кн. 1. – С. 2.
14. Енциклопедія українознавства. У 10-х т. / Гол. ред. Володимир Кубійович. – Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1954–1989.
15. Етимологічний словник української мови: В 2 т. / Опр.: Я.Б. Рудницький. – Т. 1: А – Г. – Канада: Українська вільна академія наук: Винніпег, 1962–1972. – 968 с.; Т. 2: Д – Ї. – Українська могилянсько-мазепинська академія наук: Товариство плекання рідної мови. – 1982. – 1128 с. (на англ. яз.)
16. Jordan I. Dicționar al numelor de familie românești, București, 1983. – 502 p.
17. Miklosich F.K. Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. – Wien 1883.
18. Miklosich. F.K. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. – Т. 1–2. – Wien, 1884–1885.
19. Miklosich. F.K. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen). – Wien, 1886.
20. Мичев Н., Коледаров П. Речник на селищата и селищните имена в България 1878–1987. – София, 1989. – 198 с. (Michev N., Koledarov P. Dictionary of settlements and settlement names in Bulgaria 1878–1987, Sofia 1989, p. 198.)
21. Keleti Szemle. Revue Orientale. Budapest, 1900, 1909, 1919 и сл. (сборник «Восточное обозрение»)
22. Kúnos I. Toth, Bela, Magyar ritkaságok. – Budapest, 1899.
23. Lokotsch K. Etymologische Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. – Heidelberg, 1927.
24. Отін Є.С. Гідроніми Східної України. – Київ–Донецьк: Вища школа, 1977. – 156 с.
25. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Bd. 3).
26. Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища. – Київ: Наук, думка, 1966. – 215 с.
27. Редько Ю.К. Довідник українських прізвищ. – Київ: Радянська школа, 1969. – 256 с.
28. Rymut K. Nazwiska polakow: Slownik historyczno-etymologiczny. – Т. 1. – Kraków: Wydawnictwo naukowe DWN, 1999. – 504 p.
29. Rymut K. Nazwiska polakow: Slownik historyczno-etymologiczny. – Т. 2. – Kraków: Wydawnictwo naukowe DWN, 2001. – 772 p.
30. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сузлеге. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981. – 254 с.
31. Словник української мови: В 4 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства / за ред. Г.Д. Грінченка. – Київ: Київська Старина, 1907–1909.
32. Словник української мови: В 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства / за ред. І.К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1970–1980.

33. Словник староукраїнської мови: XIV–XV ст.: В 2 тт. / Ред. кол.: Д.Г. Гринчишин, Л.Л. Гумецька (отв. ред.), І.М. Керницький. – Т. 1: А – М. – Київ: Наукова думка, 1977. – 632 с.; Т. 2: Н – Д. – Київ: Наукова думка, 1977. – 592 с.
34. Топонімія Дніпропетровщини [Текст] / [Уклад.: М.С. Богомаз, В.С. Мороз] – Дніпропетровськ: Дніпрокнига, 2006. – 447 с.
35. Фоменко В.Г. Звідки ця назва? – Дніпропетровськ: Промінь, 1969. – 54 с.
36. Эмирова А.М. Шляхи відродження і розвитку кримськотатарської мови // Україна-Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє. – Київ, 2004. – С. 410–414.
37. Эмирова А.М. Актуальні проблеми кримськотатарського мовознавства // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Східні мови та літератури. – Київ 2005. – № 8. – С. 18 – 20.
38. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. – Boston: Brill, 2004. – 575 p.
39. Янко М.Т. Топонімічний словник-довідник УРСР. – Київ: Радянська школа, 1973. – 178 с.
40. Янко М.Т. Топонімічний словник України: Словник-довідник. – Київ: Знання, 1998. – 432 с.

Картографические источники

1. Большой Советский атлас мира. – Т. 2. – Москва, 1939. – 8 с., 135 листов карт.
2. Бетев и Оберг. Топографическая карта полуострова Крыма. – С.-Пб.: Военнотопографическое депо, 1842. – 8 л.
3. Боплан Г.Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн. – Київ; Кембрідж (Мас.), 1990. – 256 с.
4. Географический атлас Российской империи. Карта Таврической области. А. М. Вильбрехт. – С.-Пб.: Географический департамент Кабинета Е.И.В., 1792. – 90 л.
5. Генеральная карта Новороссийской губернии, разделенной на уезды. Сочинённая в 1779 г. Иваном Исленевым.
6. Горный Крым. – Симферополь: научно-производственный центр «Союзкарта», 2009.
7. Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenués depuis les confins de la la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie, ensemble leurs mœurs, façons de vivres, et de faire la guerre. Par le Sieur de Beauplan. – Rouen, MDCLX. – 112 p.
8. Достоверная Ландкарта меж рек Днепра и Донца на разстояниях от устья Самары до Изюма и Луганской станицы, сочиненная 1749 года в сентябре и октябре м[еся]цах.

9. Карта Крыма. – Симферополь: Крымское статистическое управление, 1922.
10. Карта «*Typus Generalis Ukrainæ five Palatinatum Podoliae, kioviensis et Braczlaviefis terras nova delineatione exhibeus*» изданная в Амстердаме в 1648 году французом Гийомом Бопланом.
11. Карта Украины, земли козаков, с соседними провинциями Валахии, Молдавии, Малой Татари «*Ukrania quae et Terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minorisq., Tartariae Provinciis exhibita*» издана в Нюрнберге в 1720 году. Издатель и картограф Иоанн Баптиста Хоманн (*Johann Baptista Homanno*) (1663–1724).
12. Кёппен П.И. Карта Южного Крыма принадлежащая къ Крымскому сборнику. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1836.
13. Книга Большому чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. (СПб., 1839). – М., 1950. – 229 с.
14. Мухин С.А. Военная топографическая карта полуострова Крыма. – С.-Пб.: Военно-топографическое депо при главном штабе Его Императорского Величества, 1817.
15. Описи Екатеринославского наместничества 1787: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18726 (Геометрическая карта Екатеринославского наместничества с описанием провинций и прочих земель, оное составивших, 1787 года.)
16. Специальная карта Европейской России. 49 л. Под ред. И.А. Стрельбицкого. – С.-Пб.: Изд. Воен. Топ. Отдела Главного штаба, 1868. – 178 л.
17. Специальная карта Западной части Российской Империи. Под ред. Ф.Ф. Шуберта. – С.-Пб.: Военнотопографическое депо, 1826 – 1840. – 60 л.
18. Старые названия и исчезнувшие города Крыма. Топонимическая карта, 2009.
19. Топографическая карта Крыма Генштаба Красной армии, 1941.

Список сокращений **Принятые сокращения**

- авест. – авестийский (язык)
- адыг. – адыгейский (язык)
- азерб. – азербайджанский (язык)
- алб. – албанский (язык)
- алт. – алтайский (ойротский) (язык)
- антр. – антропоним
- араб. – арабский (язык)
- б. – балка
- балк. – балкарский (язык)

бараб. – барабинский (язык)
башк. – башкирский (язык)
болг. – болгарский (язык)
возв. – возвышенность
возм. – возможно
гагауз. – гагаузский (язык)
гидр. – гидроним
гор. – гора
гр. – греческий (язык)
дер. – деревня
диал. – диалектное
др.-гр. – древнегреческий (язык)
др.-русс. – древнерусский (язык)
др.-тюрк. – древнетюркский (язык)
кад. – кадылык
каз. – казахский (язык)
кайм. – каймакство
калм. – калмыцкий (язык)
караим. – караимский (язык)
карач.-балк. – карачаево-балкарский (язык)
кирг. – киргизский (язык)
кр.-тат. – крымскотатарский (язык)
латв. – латвийский (язык)
лит. – литовский (язык)
м. – мыс
мест. – местность
молд. – молдавский (язык)
монг. – монгольский (язык)
ног. – ногайский (язык)
новогр. – новогреческий (язык)
обл. – область
оз. – озеро
ойк. – ойконим
осет. – осетинский (язык)
перс. – персидский (язык)
пл. – племя
пок. – поколение
р. – река
род. – родовая группа
р-н – район
рум. – румейский (язык)
румын. – румынский (язык)
рус. – русский (язык)
с. – село
ск. – скала
староболг. – староболгарский (язык)

тат. – татарский (язык)
тел. – телеутский диалект горноалтайского языка
тур. – турецкий (язык)
тюрк. – тюркский (язык)
узб. – узбекский (язык)
уйг. – уйгурский (язык)
укр. – украинский (язык)
халх.-монг. – халха-монгольский (язык)
хант. – хантыйский (язык)
хут. – хутор
цслав. – церковнославянский (язык)
ч. – часть
чаг. – чагатайский (староузбекский) (язык)
чув. – чувашский (язык)
этно. – этноним

Указания на лексикографические источники

[Асароғлу] – Асароғлу М. *Türker. Bulgaristan'da Türkçe Yer Adları Kılavuzu*, М. *Türker Асароғлу*, Ankara, 2006. – 1070 с.

[Афан. Никит.] – Никитин А. *Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466–1472)* / под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. – 227 с.

[БСАМ] – Большой Советский атлас мира. – Т. 2. – Москва, 1939. – 8 с., 135 листов карт.

[Бернекер] – Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch. A – mor.* Heidelberg, 1908–1913.

[Габейн] – Gabain A. *Alttürkische Grammatik. 3-te Auflage.* – Wiesbaden, 1974. – 398 с.

[Гомбоц] – Gombocz Z. *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache.* – Helsingfors, 1912 (№ 30).

[Гримм] – Grimm J., Grimm W. *Deutsches Wörterbuch.* – Leipzig, 1854 и сл.

[Даль] – Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт.* – М.: Русский язык, 1978: Т. 1 – 699 с.; Т. 2 – 779 с.; Т. 3 – 555 с.; Т. 4 – 683 с.

[ДТС] – Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова и др. – Ленинград: Наука, 1969. – 676 с.

[ЕСУМ] – Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Редкол. О.С. Мельничук (головний ред.) та ін. – К.: Наук. думка, 1982: Т. 1: А – Г / Укл.: Р.В. Болдирев та ін. – 1982. – 632 с.; Т. 2: Д – Коппі / Укл.: Н.С. Родзевич та ін. – 1985. – 572 с.; Т. 3: Кора – М / Укл.: Р. В. Болдирев та ін. – 1989. – 552 с.; Т. 4: Н – П / Уклад.: Р.В. Болдирев та ін.; Ред. тому: В. Т. Коломієць, В. Г. Скляренко. – 2003. – 656 с.; Т. 5: Р – Т / Уклад.: Р.В. Болдирев та ін. – 2006. – 704 с.; Т. 6: У – Я / Уклад.: Г.П. Півторак та ін. – 2012. – 568 с.

[ЖСт] – Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества: В 25 тт. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1891–1917.

- [Исповедные Росписи] – Исповедные Росписи Зеньковской и Опошнянской протопопии 1778 г. ЦГИАК ф. 127 оп. 1015 д. 70, Лист 350.
- [Корш] – Корш Ф.Е. Слово о полку Игореве: Исследования по русскому языку, Т. 2. – Вып. 6. – С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1909. – 30 с.
- [KSz] – Keleti Szemle. Revue Orientale. Budapest, 1900 и сл.
- [Литтман] – Littman E. Morgenländische Wörter in Deutschen. 2. Aufl. Tübingen, 1924.
- [Локоч] – Lokotsch K. Etymologische Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. – Heidelberg, 1927.
- [Луценко] – Луценко В. Тюркский фактор в истории и этногенезе украинцев и их предков. – Source:www.vlalat.narod.ru/Publication: Электронное издание, 2009. – 177 с.
- [Мелиор.] – Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. – Ч. 1–2, С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1894–1897. – 87 с.
- [Микл. EW] – Miklosich. F.K. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen). – Wien, 1886.
- [Микл. GL] – Miklosich F.K. Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. – Wien 1883.
- [Микл. TEL] – Miklosich. F.K. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. – Т. 1–2. – Wien, 1884–1985.
- [Миртов] – Миртов А.В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону: Институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. – № 58. – Вып. 6, 1929. – 416 с.
- [Моравчик] – Moravcsik G. Byzantino-Turcica. I–II. Budapest, 1942–1943.
- [Населенные пункты Донбасса, 1924] – Список населённых пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь – февраль 1923 года). – Харьков: Донбасс, 1924. – Т. VI. – 512 с.
- [НДТ, 1965] – Türkiye’de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1965. cilt: 2. (Словарь народных диалектов Турции / Турецкое лингвистическое общество. – Анкара: Издательство Турецкого лингвистического общества, 1965. – Т. 2.)
- [НДТ, 1975] – Türkiye’de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü, Türk Dil Kurumu, Ankara, 1975. (Словарь народных диалектов Турции / Турецкое лингвистическое общество. – Анкара: Издательство Турецкого лингвистического общества, 1975.)
- [Описи, 1787] – Описи Екатеринославского наместничества 1787: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18726 (Геометрическая карта Екатеринославского наместничества с описанием провинций и протчих земель, оное составивших, 1787 года.)
- [Отин, 2002] – Отин Е.С. Топонимия приазовских греков: Историко-этимологический словарь географических названий. – Донецк: ООО Юго-Восток Лтд, 2002. – 208 с.

[Подв.] – Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий; Изд. Второго отделения Имп. Акад. наук. – С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885. – [6], 198 с.

[Преобр.] – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – Вып. 1–14: а – сулея. – М.: Типография Г. Лиснера, Д. Совко, 1910–1918.

[Радлов] – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – В 4-х т. – С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1893–1911.

[Рамстедт, KWb] – Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Bd. 3).

[Рудниц.] – Етимологічний словник української мови: В 2 т. / Опр.: Я.Б. Рудницький. – Т. 1: А – Г – Канада: Українська вільна академія наук: Винніпег, 1962–1972. – 968 с.; Т. 2: Д – Ъ – Українська могилянсько-мазепинська академія наук: Товариство плекання родної мови. – 1982. – 1128 с. (на англ. яз.)

[ССМ] – Словник староукраїнської мови: XIV–XV ст.: В 2 тт. / Ред. кол.: Д.Г. Гринчишин, Л.Л. Гумецька (отв. ред.), І.М. Керницький. – Т. 1: А – М. – Київ: Наукова думка, 1977. – 632 с.; Т. 2: Н – Д. – Київ: Наукова думка, 1977. – 592 с.

[Списки, 1862] – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел. – XXXIII. Полтавская губерния. – С.-Пб., 1862. – 263 с.

[Срезн.] – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х т. – С.-Пб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1893–1912.

[СУМ] – Словник української мови: В 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І.К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1970–1980.

[TDK] – Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) www.tdk.gov.tr.

[Фасмер] – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Russisches etymologisches Wörterbuch / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1–4.

[Чучка] – Чучка П.П. Фамилии закарпатских украинцев. Историко-этимологический словарь. – Львов: Свит, 2005. – 754 с.

[ЭСТЯ, 1989] – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «ж», «ж», «й» / Отв. ред. Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

[ЭСТЯ, 1997] – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». Вып. 1 / Отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.

[Янко, 1998] – Янко М.Т. Топонімічний словник України: Словник-довідник. – Київ: Знання, 1998. – 432 с.